

НАУЧНО - ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№2 / 2012

ТРУД ПРОФСОЮЗЫ ОБЩЕСТВО

ISSN 2074-9422

ТРУД. ПРОФСОЮЗЫ. ОБЩЕСТВО.

ПРОФСОЮЗЫ: ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ, РЕКОМЕНДАЦИИ

ЭКОНОМИКА

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

ТРУД

ПРОФСОЮЗЫ

ОБЩЕСТВО

Ежеквартальный научно-практический журнал

Издается с апреля 2003 г.

№ 2 (36), 2012

Федерация
профсоюзов
Беларуси

Международный
университет
«МИТСО»

Журнал награжден дипломом
«Золотая литература» в 2007 г.

Главный редактор: Л. П. Козик

Председатель Федерации профсоюзов Беларуси,
доктор экономических наук, профессор

Редакционная коллегия:

С. Н. Князев

И. А. Маньковский

зам. главного редактора

зам. главного редактора

доктор юридических наук, профессор, ректор
Международного университета «МИТСО»

кандидат юридических наук, доцент, заведующий
кафедрой частного права Международного
университета «МИТСО»

В. В. Бущик

С. В. Решетников

доктор политических наук, проректор по научной
работе Белорусского государственного педагого-
ческого университета имени Максима Танка

доктор политических наук, профессор, заве-
дующий кафедрой политологии Белорусского
государственного университета

Г. А. Василевич

В. С. Решетко

доктор юридических наук, профессор, заве-
дующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета

кандидат педагогических наук, доцент, директор
Гомельского филиала Международного универ-
ситета «МИТСО»

Р. В. Гребенников

В. Г. Филиков

доктор социологических наук, профессор, про-
фессор кафедры культурологии Белорусского госу-
дарственного университета культуры и искусств

кандидат исторических наук, доцент, заведующий
кафедрой истории права и гуманитарных
дисциплин Международного университета
«МИТСО»

А. П. Дурович

В. Н. Яковчук

доктор экономических наук, доцент, профессор
кафедры логистики Международного университета
«МИТСО»

кандидат социологических наук, доцент, доцент
кафедры истории права и гуманитарных дисцип-
лин Международного университета «МИТСО»

Адрес редакции:

ул. Казинца, 21/3, 220099, г. Минск.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1167 от 05.02.2010.

Тел. (017) 212-70-11

E-mail: magazin@mitso.by

LABOUR

TRADE UNIONS

SOCIETY

Quarterly Scientific and Practical Journal

Publishing from April 2003

№ 2 (36), 2012

Trade Unions
Federation
of Belarus

International
University
«MITSO»

The Journal Has Been Awarded
with the Diploma «Zolotaya
Litera» in 2007

Editor in Chief: L. P. Kozik

the Chairman of Federation of Trade Unions
of Belarus, Doctor of Economics, Professor

Editorial Board:

S. N. Knyazev

Associate editor-in-chief

Doctor in Law, Professor, Chancellor
of the International University «MITSO»

I. A. Mankovsky

Associate editor-in-chief

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Public Law Chair of the International
University «MITSO»

V. V. Bushchik

Doctor of Political Science, vice-chancellor for
Research of the Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University

A. L. Kozik

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of Public Law Chair of the International
University «IILSR», First vice-chancellor of the
International University «MITSO»

S. V. Reshetnikov

Doctor of Political Science, Professor, Head of the
Politics Chair of the Belarusian State University

G. A. Vasilevich

Doctor in Law, Professor, Head of Constitutional Law
Chair of the Belarusian State University

V. A. Kosmach

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of
Vitebsk Branch of the International University
«MITSO»

V. S. Reshetko

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Head of Gomel Branch of the
International University «MITSO»

R. V. Hrebennikov

Doctor of Sociological Science, Professor, Professor
of Culturology Chair of the Belarusian State
University of Culture and Arts

I. V. Kotlyarov

Doctor of Sociology, Professor, Head of the Institute
of Sociology of the National Academy of Science of
Belarus

A. P. Durovich

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor
of Logistics Chair of the International University «MITSO»

S. A. Pelih

Doctor of Economics, Professor of the Chair of
Economics and Management of the International
University «MITSO»

V. G. Filyakov

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Head of the Law History and
Humanitarian Discipline Chair of the International
University «MITSO»

G. A. Primachenok

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor
of the Chair of Economics and Finance of the

V. N. Yakovchuk

Candidate of Sociology, Associate Professor of the
Law History and Humanitarian Discipline Chair of the
International University «MITSO»

Address of Editorial Board:

21/3, Kazintsa str., 220099, Minsk, Republic of Belarus.

The certificate of state registration of mass media № 1167, February, 5th 2010.

Tel.: (+375) 212-70-11

E-mail: magazin@mitso.by

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОФСОЮЗЫ: ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ, РЕКОМЕНДАЦИИ

Князев С. Н. Современные тенденции развития трудовых отношений	4
Дубовик Е. А. Взаимодействие профсоюзов и государства в формировании системы социального партнерства в Республике Беларусь	8

ЭКОНОМИКА

Бондарь Т. Е., Леутина Л. И. Проблемы развития национального образования в условиях становления инновационной экономики	14
Дашкевич Н. В. Влияние реинжиниринга бизнес-процессов на эффективность логистической деятельности предприятий и принятия управленческих решений	17
Загорец В. С. Национальные программы демографической безопасности и стратегия социально-экономического развития Республики Беларусь	24
Курочкин Д. В. Профессиональная подготовка логистов в странах Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана: проблемы и перспективы	29
Марахина И. В. Управление знаниями в современных организациях	32
Чебоганов А. А. Промышленный маркетинг: генезис, особенности, отличия от потребительского маркетинга	36

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Вабищевич С. С. К вопросу о содержании права хозяйственного ведения и права оперативного управления ...	40
Гайдук Ю. Н. Правовая работа в организации и функции юридической деятельности	43
Ермолович В. Ф., Куталин О. В. Виды административно-правовых режимов в Республике Беларусь	46
Забродский Н. И., Годунов С. П. О некоторых вопросах противодействия преступности в лесном и деревообрабатывающем комплексе Республики Беларусь	49
Захаренкова В. В. Понятийный аппарат правовой помощи и международного сотрудничества	53
Кивель В. Н. Права и обязанности беженцев и лиц, которым предоставлена дополнительная защита в Республике Беларусь	58
Козик А. Л., Калинина Э. А. Современное международное право: особенности, взаимодействие с национальным правом	62
Маньковский И. А. Юридические факты как основания возникновения гражданских прав и обязанностей: научно-практическая характеристика	70
Мартынюк А. И. Согласованность санкций уголовно-правовых норм как условие эффективности уголовно-правовой политики	75

СОЦИОЛОГИЯ

Сергеев С. П. Роль социального неравенства в определении уровня жизни и развития человеческого потенциала	80
Филь А. В. Природа и характеристики бедности в западной социологии	83

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Буяшенко В. В. Освоение культурного наследия в пространстве человеческого существования	88
Еютухов В. С., Коваленко С. А., Минченко А. А. Основные направления стратегии инновационного образования в вузе	93
Пілецкі В. А. Кіраванне вихава-адукацыйным практэсам у гісторыі: найбольш рання структуры эпохі першайнасці	98
Штефан Л. В. Качество туристских услуг и экономическое развитие дестинации	103

КРУГЛЫЙ СТОЛ	107
---------------------------	-----

АВТОРЫ	120
---------------------	-----

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за достоверность приведенных фактов и сведений.

Редакция может печатать статьи в порядке обсуждения, научной дискуссии, не разделяя мнения автора.

Все рукописи, поступающие в редакцию, рецензируются.

Редактор Н. И. Копысова

Верстка В. И. Дробудько

Перевод на английский язык Е. В. Шестаковой

Подписано в печать 30.06.2011. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Усл. печ. л. 24,86. Уч.-изд. л. 16,27. Тираж 300 экз. Заказ . Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларусь «Международный университет «МИТСО». Ул. Казинца, 21-3, 220099, г. Минск. ЛИ № 02330/437 действ. до 14.10.2014 г. Отпечатано в типографии Республиканского унитарного предприятия «Минсктиппроект». ЛП № 02330/0494102 от 11.03.2009 г. Ул. В. Хоружей, 13/61, 220103, г. Минск.

C O N T E N T S

TRADE UNIONS: PROBLEMS, EXPERIENCE, RECOMMENDATIONS

Knyazev S. N. Current trends of the development of the labor relations.....	4
Dubovik E. A. Interaction of Trade unions and the state in formation of the system of social partnership in the Republic of Belarus	8

E C O N O M I C S

Bondar T. E., Leutina I. I. Problems of development of national education in the conditions of formation of innovative economics	14
Dashkevich N. V. The influence of reengineering of business processes on efficiency of logistic activity of the enterprises and adoption of administrative decisions	17
Zagorets V. S. National programs of demographic safety and strategy of social and economic development of the Republic of Belarus	24
Kurochkin D. V. Vocational training of logisticians in the countries of the Customs union in Russia, Belarus and Kazakhstan: problems and prospects	29
Marakhina I. V. A management of knowledge in the modern organizations features of industrial marketing	32
Chebogonov A. A. Industrial marketing: genesis, features, differences from consumer marketing	36

J U R I S P R U D E N C E

Vabishchevich S. S. To the question of the content of the right of economic maintaining and the right of the operational management	40
Gayduk Y. N. Legal work in the organization and activity jurisprudence function	43
Yermolovich V. F., Kutilin O. V. Types of administrative legal regimes in the Republic of Belarus	46
Zabrodsky N. I., Godunov S. P. About some questions of counteraction of crime in wood and woodworking complex of the Republic of Belarus	49
Zakharenkova V. V. Conceptual device of legal aid and international cooperation	53
Kivel V. N. The rights and duties of refugees and persons to which additional protection is provided in the Republic of Belarus	58
Kozik A. L., Kalinina E. A. Modern international law: features, interaction with the national law	62
Mankovsky I. A. Legal facts as bases of emergence of the civil rights and duties: scientific and practical characteristics	70
Martynyuk A. I. Coherence of sanctions of criminal rules of law as a condition of efficiency of criminal and legal policy	75

S O C I O L O G Y

Sergeyev S. P. The role of the social inequality in definition of the standard of living and human development .	80
Fil A.V. The nature and poverty characteristics in the western sociology	83

S C I E N T I F I C P U B L I C A T I O N S

Buyashenko V. V. Cultural heritage development in space of human existence	88
Evtukhov V. S., Kovalenko S. A., Minchenko A. A. The main directions of strategy of innovative education in higher education institution	93
Piletsky V. A. Management of educational process in the history: the earliest structures of the era of primitiveness	98
Stefan L. V. Quality of tourist services and destinatsiya's economic development	103

ROUND TABLE	107
--------------------------	-----

A U T H O R S	120
----------------------------	-----

The authors of published materials are responsible for authenticity of the resulted facts and data.
The edition can print articles for discussion, scientific discussion, without sharing opinions of the author.
All manuscripts arriving in edition, are reviewed.

Editor N. I. Kopysova

Typewriter V. I. Drobydko

Translated into English by E. V. Shestakova

УДК 331

С. Н. Князев

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматриваются проблемы развития трудовых отношений, складывающиеся тенденции, которые формируются процессами глобализации. Приведен анализ основных изменений в сфере капитал — труд — производство. Даны примеры регулирования производственных отношений.

Problems of development of the labor relations, developing tendencies which are formed by globalization processes are observed. The analysis of the main changes in the sphere of the capital — work — production is provided. Examples of regulation of production relations are given.

Третье тысячелетие характеризуется не только информационно-технологическим взрывом, но и нарастанием противоречий в системе человек — общество — государство. Эта система включает трудовые отношения, регулируемые, в том числе, с участием профсоюзов. Структуры социальной жизни и управления, которые складывались столетиями, оказались не в состоянии фильтровать содержание информационных потоков и ориентировать людей на мирное решение проблем, единение с обществом и природой. Мир сотрясают терроризм, как бескомпромиссная форма политической борьбы, финансовые и климатические катастрофы. Все это порождает системный кризис управления, который может подвести к краю пропасти развитие человеческой цивилизации и погубить планету.

Деятельность профессиональных союзов в социуме занимает одну из ключевых позиций. Важно констатировать, что уровень управления падает, так как социальное управление отстает от быстротечных изменений самой сущности жизни. Сложилось и нивелирует привычные условия одно из основных противоречий нашего времени — противоречие между биологической сущностью человека и технократическими потребностями развития цивилизации. Созданные скорости развития опережают возможности человека.

Анализ происходящих процессов и научный поиск решения этой сложной проблемы продолжают осуществляться чаще всего в рамках классической детерминистской парадигмы, базирующейся на представлении о мире как системе, стремящейся к равновесию. Но теория синергетики предлагает модель непрерывных и неустойчивых процессов: движение от хаоса к самоорганизации и через энтропию вновь к хаосу и самоорганизации.

Глобальные процессы, бурно развиваясь в сфере экономики, активно влияют и на культуру, образование, мораль, жизненные ценности. Углубление интеграционных связей во всех областях хозяйственной деятельности, новое качество производства открывают широкие перспективы роста экономики и повышения жизненного уровня людей. **Мы подтверждаем, что человек не только цель развития, но и основное средство развития.**

Вместе с тем глобализация в ее нынешнем виде не обеспечивает государствам равные возможности доступа к новым технологиям, инвестициям, информации, образованию, медицинскому обслуживанию. В результате увеличивается разрыв в уровне развития различных стран, неравенство в доходах между группами населения внутри государств, растет угроза социального взрыва.

Исследование различных аспектов современных общественных отношений позволило констатировать, что **состояние 200 богатейших людей превышает общий доход более 2 млрд людей на другом краю экономической лестницы**. Сегодня в мире по данным МОТ насчитывается 160 млн «официально» постоянно безработных; 300 млн частично занятых; 500 млн трудящихся не могут вывести свои семьи из-за черты бедности в 1 доллар США в день; из 1,3 млрд бедняков в мире 70 % составляют женщины и девочки; имеет место постоянный разрыв между богатыми и бедными. За последние 15 лет доходы на душу населения уменьшились более чем в 100 странах мира.

Основные производительные силы принадлежат крупным производителям — транснациональным корпорациям (ТНК), создаваемым для получения сверхприбылей, ухода от национального налогового и валютного контроля, минимизации своих производственных издержек. **В мире насчитывается более 60 тыс. ТНК, которые контролируют 2/3 мировой торговли и 80 % зарубежных инвестиций.** Они враги государственности, поскольку стремятся принести в страны, куда вкладывают капиталы, свою социальную идеологию, привычные и выгодные им нормы регулирования трудовых отношений; имеют низкую степень охвата работающих профсоюзным членством, недостаточно развитую систему коллективных договоров; открыто провозглашают цель создания на предприятиях «беспрофсоюзной среды». Поэтому профсоюзы должны объединяться. Логичным, например, стало объединение профсоюзных центров стран СНГ в 1992 г.

Актуален для профсоюзов вопрос вступления стран СНГ во Всемирную Торговую Организацию. ВТО является одной из составляющих структур глобали-

зации, ее инструментом. Вступление в ВТО — процесс закономерный, в ходе которого объективно поощряется специализация производства и сфер экономики, разделение труда, приложение капиталов с наибольшим эффектом. В настоящее время нормами ВТО, в которую входят 154 страны, регулируется свыше 90 % мировой торговли товарами и услугами.

Профсоюзам необходимо выработать подходы к подготовке нормативных документов по противодействию таких отрицательных последствий, как «деколонизация», «цепные контракты», «нулевой рост заработной платы» и т. п. Опыт стран, вступивших в ВТО, свидетельствует, что в условиях глобализации правительства чаще блокируются с нанимателями, чем с профсоюзами. Смягчить эти последствия можно на основе новой нормативной базы, нетрадиционных подходов, прежде всего к созданию коллективных договоров.

Выделим некоторые аспекты развития стран СНГ, которые определяют тенденции развития и регулирования трудовых отношений:

- численность трудоспособного населения падает. В России и Беларусь к 2025 г. каждый пятый житель будет старше 65 лет;
- проблема пенсионного обеспечения углубляется;
- миграция трудовых ресурсов увеличивается, приобретая ярко выраженную этническую окраску;
- теневые гастарбайтеры налоги и профсоюзные взносы не платят, отнимают рабочие места у коренного населения.

Профсоюзы оказались на переднем крае борьбы с вызовами глобализации. Ориентированные на эффективную работу во всех областях государства, они имеют серьезную поддержку с его стороны. По инициативе ФПБ принято Положение о порядке рассмотрения Президентом Республики Беларусь проектов правовых актов, согласно которому проекты трудовых актов, направленных на установление, изменение и прекращение трудовых и социально-экономических прав граждан, до внесения в Администрацию Президента Республики Беларусь подлежат согласованию с Федерацией профсоюзов Беларусь. Президентом страны А. Г. Лукашенко предоставлено право правовой и технической инспекции труда ФПБ осуществлять проверки по соблюдению нанимателями законодательства о труде, независимо от наличия в организации членов профсоюзов.

В Республике Беларусь создана мощная правовая основа социального партнерства, сложились составляющие структурные звенья по участию профсоюзов в его системе. В республике заключены и реализуются 54 республиканских, 70 областных, 331 районное, городское отраслевые тарифные соглашения; 93 региональных (областных, районных, городских) соглашений объединений профсоюзов, 17 747 коллективных договоров. Коллективными договорами и соглашениями охвачено 3,7 млн работающих, пенсионеров и учащейся молодежи из 4,5 млн экономически активного населения страны.

По определению национального лидера профсоюзов Беларуси Леонида Петровича Козика, в условиях глобализации роль государства будет и должна возрастать. Только сильная государственная власть во взаимодействии с профсоюзами способна обеспечить смягчение негативных последствий глобальной рыночной экономики.

Деятельность профсоюзов, входящих в Федерацию профсоюзов Беларусь, по созданию и укреплению системы социального партнерства — в целом фактор созидающий и непосредственно отвечающий целям обеспечения гражданского мира и благополучия в обществе. **При активном участии профсоюзов в стране сохранена стабильность в условиях жесточайшего финансового и экономического кризиса.**

В решениях съездов, пленумов ФПБ и Всеобщей Конфедерации Профсоюзов постоянно обращается внимание на профсоюзное образование и на работу с молодежью.

Согласно ст. 281 Трудового кодекса Республики Беларусь государство дает гарантии предоставления первого рабочего места молодым специалистам [1]. **Забота о молодежи — это забота о завтрашнем дне нации, общества, государства. Профсоюзы всех уровней должны брать на себя эту нелегкую, но почетную миссию. Поддержать молодежь в трудный момент — значит, поддержать будущее.**

Профсоюзное образование — это система целевых действий Совета ФПБ, первичных организаций, организационных структур ФПБ, учреждения образования Федерации профсоюзов Беларусь «Международный университет «МИТКО», направленных: на повышение уровня тематического информирования профсоюзных кадров и актива по проблемам экономического, политического, социального развития государства и общества, профсоюзного движения; создание необходимых организационных, научных, методических и финансовых условий для систематического повышения уровня деловой квалификации лидеров профсоюзного движения, активистов первичного звена профсоюзов, специалистов профсоюзных органов.

Волнующей проблемой глобализации стало повышение образовательного уровня взрослого населения. В государствах эта проблема решается по-разному. В ежегодную переподготовку взрослого населения вовлечены: в США — 70 %; ЕС — ~ 60 %; Японии — более 80 %; Южной Корее — 85 %; Российской Федерации — 2,5 %.

В странах Западной Европы 40 % менеджеров имеют ученые степени и ученые звания. В Германии этот процент несколько выше. Аналогичная тенденция прослеживается в странах СНГ. Президиум Совета ФПБ постоянно утверждает целевые Программы подготовки, переподготовки, повышения квалификации и послевузовского образования (магистратура, аспирантура) профсоюзных кадров и актива. Результативность этой работы достаточно высокая: в 2002 г. учебными мероприятиями было охвачено 136 577 профсоюзных работников и активистов,

в 2005 г.— 183 214; в 2008 г.— 195 851; в 2011 г.— 218 849. В 2011 г. подготовку и обучение прошли практически все председатели профсоюзных комитетов, 52 050 профгруппоргов, 50 649 председателей комиссий профсоюзных и цеховых комитетов, 17 799 председателей ревизионных комиссий, 11 915 бухгалтеров и казначеев профсоюзных комитетов. В 2012 г. при профсоюзных органах действует 1 011 школ профсоюзного актива.

Выработаны основные принципы реализации задач профсоюзного образования: единообразие в постановке учебных целей; централизация в научно-методической работе; устойчивые источники финансирования.

В Федерации профсоюзов Беларусь повышение профсоюзного образования проходит по трем основным направлениям:

- повышение квалификации профсоюзными работниками и активистами на краткосрочных семинарах;
- предоставление образовательных услуг «Международного университета «МИТСО» профсоюзным работникам в целях получения ими первого или второго высшего, а также дополнительного образования;
- повышение квалификации через изучение опыта обучения в зарубежных профцентрах, родственных профсоюзах, а также участие в их образовательных программах. Эффективность данного направления обеспечивается через координацию, целевую направленность и оказание содействия Совета ФПБ. Зарубежные стажировки профсоюзных кадров и актива за рубежом имеют устойчивую тенденцию.

Во многих профсоюзах широко распространена практика проведения краткосрочной учебы профактива с выездом представителей руководящих органов и лекторов в города и районы проведения зональных семинаров.

С целью подбора и подготовки преподавателей системы профсоюзного образования в Республике реализована 4-годичная программа Международной организации труда с профсоюзами Беларусь. С использованием интерактивных методик обучения осуществлялась подготовка группы преподавателей для обучения профсоюзных работников. Международный университет «МИТСО» в настоящее время активно развивает систему дистанционного образования и готовит переход к электронному университету.

Подготовка собственных преподавателей для последующей работы с профсоюзными кадрами и активом дает возможность сократить в целом расходы на повышение их квалификации, значительно повысить эффективность данной работы благодаря активному вовлечению в процесс обучения самих активистов, также обеспечить максимальный охват членов профсоюзов обучающими и информационными мероприятиями.

Финансирование мероприятий по обучению, подготовке кадров и актива осуществляется, как правило, за счет средств профорганов, предусмотренных на данные цели в годовых сметах расходов: от 1,5 % (работников здравоохранения) до 10 % (работников промышленности) и более от сумм собранных членских взносов.

Профсоюзное образование ФПБ исторически тесно связано и фактически параллельно развивается с профсоюзной наукой. Процесс становления профсоюзной науки проходил одновременно с развитием профсоюзов. В истории профсоюзного образования и науки Беларусь можно выделить три этапа. Важно отметить, что каждый этап характеризуется особенностями, связанными с тематической направленностью исследований, глубиной разработки важнейших проблем развития профсоюзного движения.

Первый (1920 г.— первая половина 50-х гг.) и второй этапы (вторая половина 50-х — конец 80-х гг.) характеризуются накоплением и систематизацией фактов и первыми попытками издания монографий.

Третий этап (90-е гг. XX в.— по н/в) представляется наиболее продуктивным с точки зрения практического применения научных исследований. Привозглашение государственного суверенитета Республики Беларусь, формирование гражданского общества и правового государства, переход к социально ориентированной рыночной экономике обусловили концептуальное переосмысление отечественной истории.

За последние годы в профсоюзной мысли разработан ряд новых теоретических вопросов, значительно расширилась и обогатилась сама профсоюзная тематика. Органическое сочетание в трудах авторов теоретического и нормативного аспектов предусматривает отражение ряда вопросов профсоюзной теории с непосредственным освещением конкретных проблем деятельности профсоюзов. Публикуются труды, ориентированные на более критический анализ деятельности профсоюзов, уточнение некоторых ранее спорных положений, привлечение новых источников, документов, свободных от классовых, партийных, политических и иных приоритетов. Осуществляется поиск новых подходов к изучению истории профсоюзов Беларусь.

В конце XX в. авторы с новых позиций рассматривают проблемы периодизации профсоюзного движения, развития профсоюзов в различных условиях. В монографии П. Г. Давидюка «Профсоюзное движение: история, теория, практика» [2] кратко изложена история мирового и отечественного профсоюзного движения от зарождения до конца XX в., в которой особое внимание уделяется эволюционному пути профсоюзов Беларусь, их деятельности по защите социально-экономических прав и интересов трудящихся. Ученым предложена периодизация истории профсоюзов Беларусь: I этап — конец XIX в.— 1905 г.; II — 1905—1917 гг.; III — 1917—1928 гг.; IV — 1929—1990 гг.; V — с 1990 г. по н/в. История развития профсоюзов, их место в обществе и государстве нашли отражение в материалах республиканских и региональных научных конференций, посвященных 90-летию профдвижения в Беларусь и 75-летию I Всебелорусского съезда профсоюзов.

В 1990-е гг. XX в.— начале XXI в. история профсоюзного движения получила освещение в исследованиях Ю. И. Венгер, П. Г. Давидюка, А. К. Дубовика, Н. А. Иващенко, А. Л. Лихтаровича, А. А. Румака, М. А. Соколовой, Ф. А. Шумского. За период 50-х гг. XX в.— начало XXI в. в республике по истории и основным направлениям деятельности профсоюзов защищена 31 диссертация (в том числе 3 докторские): в 50-х гг.— 2; в 60-х гг.— 5; в 70-х гг.— 5; в 80-х гг.— 11; в 90-х гг.— 3; с 2000 г.— по н/в — 5. Отметим, что 4 диссертации по истории профсоюзов Беларуси защищены в Академии труда и социальных отношений (г. Москва).

В настоящее время профсоюзная наука Беларуси успешно развивается. Особое внимание уделяется проблемам становления и развития социального партнерства, как практике взаимодействия государства, объединений нанимателей и профсоюзов. Исторические и практические аспекты социального партнерства затрагиваются в публикациях исследователей Э. Г. Вайниловича, Ф. П. Витко, Ю. А. Веселова, П. Г. Давидюка, А. К. Дубовика, М. Н. Хурса и др.

Международный университет «МИТСО» развивает научные отношения с 28 странами. Ежегодно университет и его филиалы проводят научные конференции, в том числе международные, различной тематической направленности, но всегда в программах конференций предусматривается работа секций по истории и практической деятельности профсоюзов. Серьезным подспорьем ученым и практикам профсоюзов стал научно-практический журнал «Труд. Профсоюзы. Общество» (издается МИТСО с 2003 г.), в котором публикуются результаты исследований по экономическим, юридическим и социологическим наукам, представляются различные материалы по теории и практике профсоюзного движения, освеща-

ется зарубежный опыт работы профсоюзных организаций. В университете активно работает НИИ трудовых и социальных отношений. В регулировании трудовых отношений важное место занимают предварительный мониторинг, ситуационный и системный анализ.

Значимой вехой в развитии профсоюзной науки стало празднование 100-летия начала профсоюзного движения в Беларуси. По инициативе председателя ФПБ Л. П. Козика и под его редакцией изданы объемные труды «История профсоюзного движения Беларуси» [3], «Профессиональные союзы Беларуси: история и современность» [4], энциклопедия профсоюзов Беларуси [5].

Таким образом, профсоюзная наука стран СНГ представляет собой крепкий теоретический фундамент, который можно определить как ориентир на приумножение достигнутого, на реальные перспективы развития. Уместно предложить Всеобщей Конфедерации Профсоюзов скоординировать работу в научной области. Созданный материал в синтезе станет солидной творческой базой для решения проблемы мотивации профсоюзного членства как одной из основных в мировом профсоюзном движении.

Проблемы развития и регулирования трудовых отношений, складывающиеся тенденции в развитии профсоюзного движения вызывают постоянный интерес у представителей теоретической мысли и практических работников профсоюзов. Своевременная выработка новых форм и методов взаимодействия с нанимателями и правительствами, гибкая тактика использования доступных мер воздействия в интересах защиты прав трудящихся — главные направления совершенствования нашей работы.

Список использованных источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2010 г. № 225-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.
2. Давидюк, П.Г. Профсоюзное движение: история, теория, практика / П.Г. Давидюк. — Минск : МИТСО, 1999. — 296 с.
3. Давидюк, П.Г. История профсоюзного движения Беларуси : учеб. пособие / П.Г. Давидюк, А.К. Дубовик, Л.П. Козик; под ред. Л.П. Козика. — Минск : ФУАинформ, 2005. — 416 с.
4. Профессиональные союзы Беларуси и современность / под ред. Л.П. Козика. — Минск : Федерация профсоюзов Беларуси, 2007. — 672 с.
5. Профессиональные союзы Беларуси [Энциклопедия] : в 2 т. / под общ. ред. д-ра экон. наук Л.П. Козика. — Минск : ПЧДПУП «Типография ФПБ», 2011.
6. За солидарность, труд и справедливость — вместе! : материалы внеочеред. IV Съезда Федерации профсоюзов Беларуси, г. Минск, 18–19 сент. 2002 г. / Федерация профсоюзов Беларуси; редкол.: А.Ф. Макаревич [и др.]. — Минск : ООО «Ольден», 2004.
7. Об утверждении Положения о порядке рассмотрения Президентом Республики Беларусь проектов правовых актов: Указ Президента Респ. Беларусь от 23.06.1998 г. № 327: ред. от 06.03.2012 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.
8. О дополнительных мерах по защите трудовых социально-экономических прав и интересов работников: Указ Президента Республики Беларусь от 19.07.2005 г. № 327 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.

27.06.2012

УДК 329.7

Е. А. Дубовик

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОФСОЮЗОВ И ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Освещен исторический опыт становления системы социального партнерства в Республике Беларусь. Показана роль государственных органов и профессиональных союзов в формировании системы социального партнерства в 1990-е гг., ее развитии в начале XXI в. Подробно рассматривается история создания и деятельность Национального совета по трудовым и социальным вопросам и других институциональных органов социального партнерства, взаимодействие профсоюзов, объединений нанимательей и государственных органов Беларуси в коллективно-договорном регулировании трудовых отношений. Вскрываются недостатки и проблемы в становлении социального партнерства в стране, предлагаются основные направления совершенствования системы трипартизма в Республике Беларусь в современных условиях.

The role of state authorities and trade unions in formation of the system of social partnership in the 1990th, its development at the beginning of 21 century is shown. The history of creation and activities of the National council for labor and social problems and other institutional bodies of social partnership, interaction of trade unions, associations of employers and state authorities of Belarus in collective and contractual regulation of the labor relations is considered. Shortcomings and problems of formation of social partnership in the country are exposed, the main directions of improvement of the system of a three parties system in the Republic of Belarus in modern conditions are offered.

Развитие социального партнерства — одно из важнейших направлений деятельности Федерации профсоюзов Беларусь (ФПБ) на современном этапе. Профсоюзы в наибольшей степени заинтересованы в развитии социального партнерства, так как они представляют интересы большинства населения — наемных работников. В этой связи большое теоретическое и практическое значение имеет рассмотрение роли профсоюзов в становлении системы социального партнерства, что дает возможность глубже понять процесс реформирования современного белорусского общества*. В статье рассматривается взаимодействие профсоюзов и органов государственной власти в формировании системы социального партнерства в Республике Беларусь в 1990-е гг., ее развитии в начале XXI в.

С провозглашением в 1991 г. государственной независимости Республики Беларусь и переходом к рынку начался новый этап в коллективно-договорном регулировании социально-трудовых отношений. В этих условиях коллективные договоры и соглашения приобретают все большее значение для защиты наемных работников. В стране стала складываться новая система взаимоотношений профсоюзов с объединениями нанимательей и органами государственного управления, основанная на принципах социального партнерства. 15 декабря 1992 г. Законом «О внесении изменений и дополнений в КЗоТ Республики Беларусь» в белорусское законодательство был введен термин «социальное партнерство». В ст. 1 закона одной из задач законодательства о труде

называлось «развитие социального партнерства между работниками и нанимателями» [2]. В принятом 10 октября 1991 г. постановлении Совета Министров Республики Беларусь «О внедрении в практику работы заключения тарифных экономических соглашений» предлагалось Госкомитету по труду, Госэкономплану, Министерству юстиции с участием объединений предпринимателей и Совета ФПБ подготовить и до конца года внести в Совет Министров предложения по созданию в республике системы социального партнерства в области социально-трудовых отношений [3, л. 75].

Профсоюзы республики в октябре 1990 г. на XVII съезде, который стал I съездом ФПБ, заявили о своей приверженности идеологии социального партнерства как взаимовыгодного сотрудничества государства, нанимательей и наемных работников для достижения баланса по реализации их социально-экономических интересов в период становления рыночных отношений. В октябре 1993 г. VIII пленум ФПБ принял «Концепцию развития профсоюзного движения Беларусь», которая определила основные задачи профсоюзов, стратегию и тактику их деятельности по становлению и развитию социального партнерства. На прошедших в 1995 г. съездах отраслевых профсоюзов, областных межсоюзных конференциях, II съезде ФПБ данная концепция получила конкретное наполнение практикой и развитие в программных документах [4, с. 333–334].

Формировавшаяся в 1990-е гг. в стране система социального партнерства включала законодательную базу как основу его функционирования и развития. Принципиальные основы социального партнерства были закреплены в статье 14 принятой 15 марта 1994 г. Конституции Республики Беларусь. Заклю-

* Исторические предпосылки становления партнерских отношений в социально-трудовой сфере Беларусь нашли отражение в предыдущей публикации автора [1].

чение коллективных договоров и соглашений и рассмотрение коллективных трудовых споров на принципах партнерства и равноправия сторон предусматривали Закон Республики Беларусь от 24 ноября 1992 г. с изменениями и дополнениями от 4 ноября 1998 г. «О коллективных договорах и соглашениях» и Закон от 18 января 1994 г. с изменениями и дополнениями от 5 февраля 1999 г. «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)».

Важным шагом в развитии правовой и организационной основы партнерских отношений стал Указ Президента Республики Беларусь от 15 июля 1995 г. № 278 «О развитии социального партнерства в Республике Беларусь» [5, с. 651–652]. В марте 1997 г. утверждена Концепция развития системы социального партнерства и программа мер по ее реализации. С 1 января 2000 г. вступил в действие принятый в июне 1999 г. Трудовой кодекс Республики Беларусь, в разделе IV которого содержатся 48 статей, регулирующих отношения, связанные с социальным партнерством, заключением коллективных договоров и соглашений [6, с. 150–165].

В 1992–1995 гг. в Беларуси формировались организационные структуры социального партнерства. С момента своего создания ФПБ стала активно сотрудничать с Белорусской научно-промышленной ассоциацией (БНПА) и другими объединениями нанимателей. В октябре 1992 г. ФПБ выступила с инициативой создания Согласительного совета по трудовым и социальным вопросам из представителей правительства, нанимателей и профсоюзов. Постановление Совета Министров «О создании Согласительного совета Республики Беларусь по трудовым и социальным вопросам» было принято 25 февраля 1993 г. Признавалось целесообразным образование Согласительного совета в количестве 27 человек, по 9 представителей от каждой стороны, были одобрены Положение о Согласительном совете и Регламент его работы. Сопредседателем от Совета Министров推薦ован в состав Согласительного совета М. В. Мясникович. С учетом различного численного состава профсоюзных и предпринимательских структур, Согласительный совет включал четыре представителя от ФПБ, по одному представителю от 5 других профсоюзов и по одному представителю от 9 предпринимательских союзов Беларуси. Для организации текущей работы Согласительного совета был создан в структуре Управления делами Совета Министров рабочий секретариат из трех человек [7].

28 апреля 1994 г. постановлением Совета Министров был создан Республиканский трудовой арбитраж, его главная задача — рассмотрение коллективных трудовых споров (конфликтов), возникающих на предприятиях, в учреждениях и организациях. 29 июня 1999 г. Указом Президента Республики Беларусь № 348 «О Республиканском трудовом арбитраже» было утверждено Положение о Республиканском трудовом арбитраже [5, с. 670–675].

В этот период ФПБ активно взаимодействовала с правительством, органами исполнительной власти и управления. Практически на каждом пленуме

Совета ФПБ присутствовал и выступал с изложением политики и деятельности правительства председатель или заместитель председателя Совета Министров. Но возникали и острые споры и противоборства, что вызывалось значительным ухудшением материального положения трудящихся в результате резкого падения объемов производства и высокой инфляции в начале 1990-х гг.

С введением в 1994 г. поста Президента Республики Беларусь складываются более тесные деловые отношения между ФПБ и государственной властью. 23 ноября 1994 г. состоялась встреча профсоюзного актива с Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, в ходе которой им были фактически поддержаны все предложения Совета ФПБ по усилению социально-экономической защищенности работающих и оздоровлению экономики страны [4, с. 335]. В результате встречи 15 сентября 1995 г. Президента Республики Беларусь и Кабинета Министров с президиумом Совета ФПБ был подписан протокол, предусматривающий решение ряда неотложных вопросов стабилизации экономики, ценовой политики и социальной защиты населения, а также развития социального партнерства [8, л. 115–117]. В 1994–1995 гг. регулярно проводились заседания круглого стола с участием руководства Кабинета Министров при Президенте Республики Беларусь, объединений нанимателей и профсоюзов, на которых рассматривались актуальные проблемы социального партнерства, социально-экономическая ситуация в стране [9, л. 243, 249].

Важным событием на пути дальнейшей практической реализации системы социального партнерства явилось формирование на паритетных основах в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 15 июля 1995 г. «О развитии социального партнерства в Республике Беларусь» Национального совета по трудовым и социальным вопросам (НСТСВ), образование аналогичных областных, городских, районных, отраслевых согласительных комиссий, переименованных позже в региональные советы по трудовым и социальным вопросам. На уровне предприятия в соответствии с Законом «О коллективных договорах и соглашениях» создавалась комиссия, наблюдающая за выполнением коллективного договора. Первое заседание НСТСВ состоялось 9 октября 1995 г. под председательством главы Республиканского трудового арбитража И. И. Диковича. Были рассмотрены вопросы о сопредседателях и персональном составе НСТСВ, о регламенте его работы, о выполнении протокола совместного заседания представителей Кабинета Министров, республиканских объединений нанимателей и профсоюзов от 8 августа 1995 г. Сопредседателями НСТСВ были утверждены заместитель премьер-министра С. С. Линг, президент БНПА М. Ф. Лавринович, председатель ФПБ В. И. Гончарик [10, л. 74–76]. С появлением институциональных органов улучшилось взаимодействие социальных партнеров при проведении согласованной социально-экономической политики, заключении коллективных договоров и соглашений, разрешении коллективных трудовых споров (конфликтов).

В состав НСТСВ, деятельность которого регулируется Указом Президента Республики Беларусь от 5 мая 1999 г. «О Национальном совете по трудовым и социальным вопросам», входили по 11 представителей от каждой стороны, включая одного сопредседателя, с правом решающего голоса. Руководство деятельностью НСТСВ осуществлял председатель, избираемый на заседании совета из числа сопредседателей, до избрания на очередном заседании нового председателя [5, с. 666–670]. Правительство Республики Беларусь делегировало в состав НСТСВ своих полномочных представителей. Состав представителей от республиканских объединений профсоюзов определялся их руководящими органами пропорционально численности членов этих объединений. Состав представителей от республиканских объединений нанимателей утверждался на президиуме Белорусской конфедерации промышленников и предпринимателей (нанимателей). При НСТСВ были созданы рабочая группа и согласительная комиссия для ведения коллективных переговоров по заключению Генерального соглашения, группа экспертов по применению международных трудовых норм МОТ. На рассмотрение НСТСВ, заседания которого проводились ежеквартально, выносились актуальные проблемы социально-трудовых отношений.

Основной формой социального партнерства на национальном уровне являлось заключение Генерального соглашения между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов. В мае 1991 г. было подписано первое двухстороннее соглашение между Правительством республики и Советом ФПБ. В заключительном разделе было записано, что к решению социальных проблем, предусмотренному соглашением, привлекаются и объединения нанимателей [11].

Первое трехстороннее соглашение между Правительством Республики Беларусь, ФПБ и объединениями нанимателей было подписано в мае 1992 г. От союзов нанимателей его подписали БНПА, Союз арендаторов и предпринимателей, Союз предпринимателей, Союз кооператоров, Союз малых предприятий [12]. В 1993 г. к объединениям нанимателей, подписавшим соглашение, добавились Совет колхозов, Белпотребсоюз, Ассоциация предприятий негосударственной формы собственности, а соглашение стало именоваться Генеральным. Интересы наемных работников представляла ФПБ [13]. В 1995 г. к разработке и подписанию Генерального соглашения присоединилось профобъединение Белорусский конгресс демократических профсоюзов (БКДП) [14, с. 229].

Первые Генеральные соглашения (1991–1997 гг.) заключались на один год, затем установилась практика заключения в течение пятилетия двух соглашений (на 1998–2000, 2001–2003 гг. и т. д.). Первые Генсоглашения включали следующие разделы: основные социально-экономические показатели; критерии жизненного уровня и социальные гарантии; создание условий для стабилизации экономики;

статус и обязанности сторон, механизм реализации [8, л. 177–185].

Заключались областные соглашения между облисполкомами, областными объединениями профсоюзов и нанимателей, а также республиканские отраслевые соглашения. В дополнение к Генеральному соглашению 1995 г. было заключено 46 отраслевых соглашений [14, с. 230]. Первые соглашения между облисполкомами и областными советами профсоюзов по обеспечению социальной защищенности населения были заключены в Витебской и Гродненской областях в мае 1991 г. [15]. В 1993–1996 гг. стали заключаться соответствующие отраслевые соглашения на областном, городском и районном уровнях. Во второй половине 90-х гг. происходит заметный рост количества местных соглашений, заключаемых на уровне районов между районными координационными советами профсоюзов и соответствующими исполнительными комитетами. Если в 1997 г. таких соглашений было всего 37, то на начало 2000 г. их стало 86.

Сокращается число районных отраслевых соглашений, заключаемых между районами отраслевых профсоюзов и соответствующими исполнительными органами. Данная тенденция, видимо, была обусловлена появлением новой общественной структуры — координационных советов профсоюзов ФПБ в городах и районах страны [16, с. 25].

В условиях перехода к рыночным отношениям возросла роль коллективных договоров, регулирующих трудовые и социально-экономические отношения между нанимателями и работниками на уровне предприятия. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 24 ноября 1992 г. «О коллективных договорах и соглашениях» сторонам было предоставлено право определять срок, на который заключается коллективный договор, но не менее чем на год и не более чем на три года. В условиях кризисных явлений в народном хозяйстве республики, ограничивающих возможности государства в повышении минимальных социальных стандартов, коллективные договоры являлись важнейшим гарантом, обеспечивающим реальную защиту социальных и экономических интересов трудящихся. Посредством заключения коллективных договоров на предприятиях решались вопросы охраны труда, организации труда и отдыха, занятости, приватизации, предоставлялись дополнительные льготы работникам.

Принципы социального партнерства постепенно входили в жизнь многих предприятий, и коллективный договор реально становился основным правовым актом, регулирующим трудовые отношения на локальном уровне. В 2000 г. из 27 054 предприятий республики на более 22 тыс. распространялось действие коллективных договоров, а охват ими наемных работников составил 94 % (более 3,5 млн чел.) [16, с. 26].

Работники все активнее осознавали защитную функцию данного правового акта, а наниматели воспринимали его как эффективное средство снижения

социальной напряженности в коллективе. В трудовых коллективах ПО «Гомсельмаш» и других предприятий коллективный договор не без оснований называли «рабочей конституцией». По данным проведенного в конце 90-х гг. социологического опроса, большинство работников оценивали коллективные договоры как важное звено системы социального партнерства и защиты их экономических и социальных интересов. Это выражалось в достаточно высокой степени участия работников в обсуждении проекта коллективного договора. В нем принимали участие 71,4 % опрошенных работников непроизводственной сферы и 66,5 % работников отраслей материального производства. Высоко оценивали результативность коллективного договора в решении социально-трудовых вопросов 53 %; склонны были считать, что коллективный договор не в полной мере отвечает своему назначению, 33 %; отрицали какое-либо влияние коллективного договора на положительное решение трудовых и социальных вопросов 14 % респондентов [17].

Наиболее слабым местом становления полноценного социального партнерства в эти годы было обеспечение обязательности выполнения достигнутых договоренностей, признания и утверждения равенства сторон. Практически ежегодно при подведении итогов выполнения Генерального соглашения ФПБ отмечала невыполнение отдельных достигнутых договоренностей. Невыполнение обязательств по соглашениям и договорам приводило к коллективным трудовым спорам, которые нередко заканчивались забастовкой. Только в 1995 г. были зарегистрированы случаи коллективных трудовых споров, конфликтов на 132 предприятиях, в 1996 г.— на 104 [18, с. 140]. Препятствовала социальному партнерству и неконструктивная позиция руководителей отдельных министерств, ведомств, предприятий.

Несмотря на то что система трипартизма в нашей стране институционально оформилась в 1990-е гг., неправильно утверждать, что она достаточно четко функционировала и оправдывала свое предназначение. Внедрение принципов социального партнерства в республике проходило с заметными сбоями. В речи на внеочередном IV съезде ФПБ (сентябрь 2002 г.) Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил, что «существующая трехсторонняя система социального партнерства на республиканском и местном уровнях себя оправдала. Но в последнее время эта система пробуксовывала. Национальный совет по трудовым и социальным вопросам бездействовал, его заседания проводились нерегулярно. И такое положение недопустимо... Основные задачи органов государственной власти, профсоюзов и объединений нанимателей совпадают» [19, с. 3]. К сожалению, в конце 90-х гг. профсоюзы Беларуси не смогли удержать свою нишу в обществе и конструктивно сотрудничать с государством.

Ситуация стала меняться с избранием летом 2002 г. нового руководства ФПБ во главе с Л. П. Козиком. Переломным моментом в развитии профсоюз-

ного движения и социального партнерства в стране можно считать внеочередной IV съезд ФПБ, состоявшийся 18–19 сентября 2002 г. Главным направлением работы профсоюзов съезд определил их организационное укрепление, курс на консолидацию, укрепление единства профсоюзного движения, восстановление социального диалога между профсоюзами, нанимателями и правительством. После съезда проведена активная работа в этом направлении [20]. Начался новый этап в становлении системы социального партнерства в Республике Беларусь, характеризующийся возвратом к партнерским отношениям между профсоюзами и органами государственного управления. Удалось добиться участия профсоюзов в подготовке нормативно-правовых актов, затрагивающих трудовые и социальные интересы граждан. С декабря 2002 г. ФПБ снова участвует в подготовке нормативных правовых актов, касающихся трудовых и социально-экономических интересов трудящихся. Только в 2004 г. на согласование в ФПБ поступило более 70 проектов нормативных правовых актов [4, с. 361]. Если в 2002 г. в ФПБ было направлено на согласование 9 нормативных правовых актов, то в 2006 г.— более 90 [21, с. 72]. ФПБ активизировала работу по проведению политики социального партнерства с правительством и объединениями нанимателей, перешла от конфронтации с властью к непосредственному участию в системе управления обществом.

Важным достижением стало возобновление работы Национального совета по трудовым и социальным вопросам, который фактически не собирался более года. Его важнейшими задачами выступали разработка и проведение согласованной государственной политики по социально-экономическим проблемам, предварительные трехсторонние консультации и обсуждение вопросов, затрагивающих трудовые и социально-экономические права и интересы трудящихся. На рассмотрение НСТСВ, заседания которого проводились ежеквартально, выносились актуальные проблемы социально-трудовых отношений: занятости населения, условий и нормирования труда, оплаты труда и др. В марте 2004 г. было подписано новое Генеральное соглашение на 2004–2005 гг., существенно отличавшееся от прежнего своей конкретностью, уровнем достигнутых соглашений [4, с. 367]. Активизировалась и деятельность региональных советов по трудовым и социальным вопросам.

Серьезную работу ФПБ вела по принятию поправок в Трудовой кодекс. Одна из главных задач профсоюзов — осуществление контроля по соблюдению законодательства об охране труда. По инициативе ФПБ 19 декабря 2002 г. было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь, в соответствии с которым внесены изменения в порядок осуществления профсоюзами общественного контроля за соблюдением законодательства Республики Беларусь о труде, благодаря чему их права и возможности в осуществлении общественного конт-

роля значительно расширились [22]. В 2003 г. заключено соглашение о взаимодействии между ФПБ, Республиканским трудовым арбитражем и Белорусской конфедерацией промышленников и предпринимателей, в рамках которого стороны обязывались содействовать совершенствованию отношений в социально-трудовой сфере и обеспечению защиты трудовых прав и законных интересов работников и нанимателей, своевременно предупреждать и разрешать коллективные трудовые споры, повышать уровень правового, консультативного и методического обеспечения профсоюзных организаций и нанимателей.

В условиях укрепления профсоюзного единства, финансовой независимости профсоюзы становились силой в обществе, с которой стали считаться. В 2004 г. в Национальное собрание были избраны 45 из 46 депутатов, поддержавших платформу ФПБ [4, с. 365]. Активизировалась работа по созданию первичных профорганизаций в негосударственном секторе экономики. Естественным является расширение функций профсоюзов, распространение круга их интересов на самые различные аспекты жизни общества, но при непременном условии, что это не будет заслонять основную функцию профсоюзов — защиту экономических интересов рабочих и служащих. Профсоюзы призваны сыграть важную роль в становлении гражданского общества современного типа, с социально ориентированной рыночной экономикой.

В современных условиях основной формой социального партнерства на национальном уровне остается заключение Генерального соглашения. В настоящее время действует Генеральное соглашение на 2011–2013 гг., принятое в декабре 2010 г. и подписанное от Правительства Республики Беларусь первым заместителем Премьер-министра В. И. Семашко, от республиканских объединений нанимателей — председателем Союза некоммерческих организаций «КПП(Н)» А. Д. Харлапом, от республиканских объединений профсоюзов — председателем ФПБ Л. П. Козиком. Оно состоит из 7 глав и 52 статей [23]. Кроме того, заключено шесть областных и одно г. Минска, 53 республиканских отраслевых тарифных, 70 областных тарифных, 320 районных, городских тарифных и 92 местных соглашений, более 17 400 коллективных договоров. Коллективно-договорным регули-

рованием трудовых отношений охвачено 3,8 млн работников предприятий и учреждений, или 96,9 % членов ФПБ [24].

Вышеизложенное позволяет выделить три этапа в формировании и развитии системы социально-партнерства в Республике Беларусь.

Первый этап (первая половина 90-х гг. XX в.) — поворот к рыночным отношениям, приватизации, развитию предпринимательства. Принятие законов и поправок к КЗоТу, определяющих развитие партнерских отношений между нанимателями и наемными работниками. Заключение первых Генеральных соглашений между Правительством, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзами.

Второй этап (середина 1990-х — 2001 гг.) — укрепление законодательной и организационной базы социального партнерства. Принятие Указа Президента Республики Беларусь от 15 июля 1995 г. № 278 «О развитии социального партнерства в Республике Беларусь», Трудового кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З, содержащего главу 33 «Общие положения о социальном партнерстве». Создание институциональных органов системы социального партнерства. Появление проблемных моментов во взаимоотношениях между руководством ФПБ и государственной властью в конце 90-х гг.

Третий этап (2002 г.— н/в) — возврат к отношениям партнерства между профсоюзами и органами государственного управления; практически полная солидарность ФПБ с властью по основным направлениям регулирования социально-трудовых отношений и социально-экономической политики.

Основные направления совершенствования системы социального партнерства: более щательный подход к разработке коллективных соглашений; серьезное экономическое обоснование показателей; дальнейшее развитие коллективно-договорных отношений, особенно в сфере малого бизнеса; укрепление организационно-правовой базы социального партнерства; повышение статуса Национального совета по трудовым и социальным вопросам и т. д. Необходимо принятие Закона Республики Беларусь «О социальном партнерстве». Для повышения роли профсоюзов важно наделение их правом законодательной инициативы.

Список использованных источников

1. Дубовик, Е.А. Профсоюзы и исторические предпосылки становления социального партнерства в Беларуси / Е.А. Дубовик // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2012. — № 1. — С. 4—9.
2. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. — 1993. — № 4. — Ст. 36.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 7. Совет Министров Респ. Беларусь. — Оп. 10. — Д. 2458. Документы к постановлениям Совета Министров Респ. Беларусь, 1991 г.
4. История профсоюзного движения Беларуси / под ред. Л.П. Козика. — Минск : ФУАИнформ, 2005. — 416 с.
5. Сборник действующих нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь: 1994–2000. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2001.
6. Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Республики 30 июня 1999 г., с изм. и доп. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2009. — 239 с.
7. Деловая орбита. — 1993. — № 4. — С. 7.

8. НАРБ. — Фонд 7. — Оп. 12. — Д. 1824. Переписка с органами гос. власти и управления, профсоюзными организациями... 1995 г.
9. НАРБ. — Фонд 7. — Оп. 12. — Д. 1825. Переписка с органами гос. власти и управления, профсоюзными организациями... 1995 г.
10. НАРБ. — Фонд 7. — Оп. 12. — Д. 1823. Переписка с органами гос. управления, профсоюзными организациями... 1995 г.
11. Беларускі час. — 1991. — 13–20 мая. — С. 4–5.
12. Звязда. — 1992. — 15 мая.
13. Звязда. — 1993. — 16 лют. — С. 3.
14. Давидюк, П.Г. Из истории становления социального партнерства / П.Г. Давидюк // Организация и управление. — 2002. — № 1–2. — С. 224–233.
15. Гродненская правда. — 1991. — 25 мая; Віцебскі рабочы. — 1991. — 30 мая.
16. Гончарик, В.И. ФПБ: на позициях защиты интересов трудящихся / В.И. Гончарик. — Минск : БелФранс, 2001. — 135 с.
17. Шевченко, С.В. Профсоюзы и социальная ситуация в трудовых коллективах (по результатам мониторинга социально-трудовой сферы) / С.В. Шевченко, М.И. Артюхин // Профсоюзы как школа социального образования : материалы междунар. конгресса. — Минск, 2001. — С. 67–72.
18. Социальное партнерство в Республике Беларусь: практика, проблемы, перспективы / Э.И. Скоробогатый [и др.]. — Минск : ФУАинформ, 2000. — 281 с.
19. Лукашенко, А.Г. Выступление Президента Республики Беларусь на внеочередном IV съезде Федерации профсоюзов Беларуси / А.Г. Лукашенко // Беларускі час. — 2002. — 27 сент. — С. 2–6.
20. Козик, Л.П. Новые профсоюзы для новой Беларуси / Л.П. Козик // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2003. — № 1. — С. 5–11.
21. Профессиональные союзы Беларуси: история и современность / под ред. Л.П. Козика. — Минск : ФПБ, 2007. — 672 с.
22. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2003. — № 1. — 5/11685.
23. Беларускі час. — 2011. — 14–20 янв. — (Приложение «Будь в курсе!»).
24. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений / ФПБ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fpb.by/ru/menu_left/social_part. — Дата доступа: 12.10. 2011.

20.04.2012

УДК 37

Т. Е. Бондарь, Л. И. Леутина

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Обобщены исследования по вопросам понимания места и роли образования в формировании инновационной экономики. Отдавая должное отечественной образовательной системе как одной из лучших в мире, авторы отмечают ее отставание от реальных запросов практики, неготовность воспитать кадры, способные внести инновационные изменения в процесс производства, в качестве производственных отношений и производительных сил. Предлагаются возможные направления совершенствования образования, которые позволят ему активизировать имеющиеся потенциалы и выполнить миссию по подготовке инновационных специалистов.

Researches on questions of understanding of a place and education role in formation of innovative economics are generalized. Paying tribute to the domestic educational system as one of the best in the world, authors note its backlog from real inquiries of practice, unavailability to bring up the experts, capable to make innovative changes in production process, in quality of relations of production and productive forces. The possible directions of improvement of education which will allow it to make active the potentials are offered and to execute mission on preparation of innovative experts.

Дальнейшее развитие национальной экономики, практически исчерпавшей административный ресурс своего роста, возможно на основе инноваций. Без этого нельзя обеспечить необходимый технологический прорыв, повысить конкурентоспособность отечественной продукции. По мнению отечественных и зарубежных исследователей в XXI в. именно знания, информация образуют фундамент для становления инновационной экономики.

В формировании культуры научноемкого, инновационного производства, основанного на знаниях, важное место принадлежит образованию. Оно должно поставить национальной экономике специалистов, способных внести революционные изменения в процесс производства, в качестве производственных отношений и производительных сил, взрастить интеллектуальную элиту страны — воспитать творческую личность, целостно воспринимающую мир, способную активно влиять на процессы в социальной и профессиональной сферах.

Отечественное образование как система получения знаний отстает от реальных запросов практики. В Республике Беларусь преобладает «поддерживающий» тип образования преимущественно репродуктивного характера, направленный на поддержание, сохранение и наследование существующей деловой культуры, социального опыта. Такой тип образования не обеспечивает создание качественно новых знаний, максимальное развитие творческих способностей индивида и сильных мотиваций к его инновационному саморазвитию. Поэтому его необходимо усовершенствовать в самые короткие сроки. Жизнь требует разработки новой образовательной парадигмы, основанной на использовании инновационных образовательных технологий и инновационного преподавателя. В первую очередь надо завершить переход к компетентностной образовательной модели, ориентированной на получение базовых компетенций, позволяющих в дальнейшем приобретать человеку знания самостоятельно. Такое

изменение образовательной парадигмы будет инициировать творческую работу обучающихся: стремление к пониманию проблем мировой и национальной экономик; поиск путей выхода из сложных ситуаций; умение противостоять агрессивной рыночной среде.

Специалисты полагают, что «внутриотраслевое» совершенствование образования не решит всех проблем. Министерство образования Республики Беларусь и руководители образовательных учреждений не могут с точностью сформировать запрос на подготовку и переподготовку специалистов, соответствующий потребностям и требованиям инновационной экономики. В ситуации, когда динамика спроса на специалистов постоянно меняется, очевидна потребность делегирования своих полномочий по их заказу потребителям образовательных услуг. Необходимость согласования запроса общества на специалистов по их номенклатуре и количеству требует гибкой адаптивной связи между образованием и практикой, то есть между вузами и организациями.

Практика свидетельствует, что успешность в бизнесе зависит от качества подготовки специалиста вузом. Организации нужен не просто человек с дипломом о профессиональном образовании, ей нужен специалист, владеющий передовыми инновационными теоретическими знаниями и практическими навыками в сферах менеджмента, контроллинга, инжиниринга, инвестиционной, инновационной, маркетинговой деятельности, умеющий быстро перестраивать свою деятельность в меняющихся условиях.

Необходимость подготовки вузом инновационного специалиста обуславливает развитие важнейшей взаимосвязи между образовательными и научными учреждениями. Научная и образовательная деятельность взаимосвязаны как неразрывные последовательные стадии процесса научно-технического развития и повышения производительности труда. Можно утверждать, что если генерирование научно-технических и других новшеств является областью научной сферы, то их производственное освоение

происходит посредством образовательного процесса. При их единстве обеспечиваются более благоприятные условия готовности производства к освоению научно-технических достижений [1].

Роль науки, как непосредственной производительной силы, ядра социального управления, средства формирования научного мировоззрения, не может быть реализована без системы образования. С развитием экономики, основанной на знаниях, происходит закономерное усиление более тесной связи науки с образованием, производством, что превращает науку в эндогенный фактор развития последнего.

Потенциал образовательной деятельности тем выше, чем гармоничнее функционирует цепочка «наука — образование — практика», чем глубже интеграция между ними. Только в этом случае обеспечивается необходимое, упреждающее воздействие науки, научных открытий, инноваций на образование и через него на практику.

Инновационный путь развития национальной экономики, отвечающий общемировым тенденциям, требует подготовки нового поколения исследователей, высококвалифицированных специалистов, то есть качество общественного интеллекта должно опережать потребности современного развития.

Признание инноваций в роли доминирующего фактора социально-экономического развития Республики Беларусь обусловило необходимость качественно новых форм взаимосвязей между наукой, образованием и бизнесом. Зарубежный опыт подтверждает, что успехи мировых научно-технологических лидеров во многом определялись эффективной интеграцией в этой сфере. Интеграция науки, образования и бизнеса выступает единственным инструментом устойчивого развития и конкурентоспособности государств в условиях глобализации и становления экономики, основанной на знаниях.

Эффективное построение национальной инновационной системы также невозможно без объединенных усилий науки, образования и бизнеса. Фундаментом отечественного инновационного развития должна стать интеграция науки, образования и производства. Повышение инновационного потенциала белорусской экономики, подъем конкурентоспособности отечественных предприятий будет обеспечен благодаря трансферу между бизнесом и наукой, между наукой и образованием. Только этот тесный союз способствует обучению выпускников вузов передовым инновационным методам труда и удовлетворению потребности работодателей в высококвалифицированных инновационных специалистах.

Задачи обеспечения инновационного развития экономики и формирования общества, основанного на знаниях, требуют дополнительного изучения характера возможного взаимодействия между различными отечественными институтами в сферах науки, образования и производства. В экономической науке под интеграцией (лат. integer — целый) понимается «объединение экономических субъектов, углубление их взаимодействия, развитие связей между ними» [2]. В процессе взаимодействия возникает мультиплексионный эффект, обеспечиваемый гармонизацией связей между участниками интеграции.

Особую значимость приобретает вопрос классификации интеграционных процессов. Различают следующие типы интеграции в сфере науки, образования и бизнеса в зависимости от их формы (глубины протекания интеграционных процессов): полная интеграция науки, образования и бизнеса; частичная интеграция науки, образования и бизнеса; договорные объединения (ассоциации, консорциумы). Такая классификация отражает российский опыт разработок в этой сфере [3]. Остановимся на ней подробнее.

Полная интеграция науки, образования и бизнеса (в форме юридических лиц): *исследовательские университеты* — крупнейшие научные центры в секторе высшего образования, осуществляющие подготовку специалистов с высшим образованием всех уровней (магистров, аспирантов и докторантов), а также выполнение научных исследований и разработок мирового уровня; *научно-образовательные центры* — структуры, ведущие подготовку специалистов высшей квалификации (магистров, кандидатов и докторов наук) в неразрывной связи с научными исследованиями. Данные центры создаются на основе партнерских взаимоотношений вузов, академических и отраслевых научных организаций.

Частичная интеграция науки, образования и бизнеса: НИИ при вузах; базовые: кафедры вузов в научных организациях, лаборатории НИИ в вузах, кафедры вузов на предприятиях, лаборатории НИИ на предприятиях.

Договорные объединения (ассоциации, консорциумы): НИИ — ВУЗ — Предприятие, юридически независимые друг от друга; ВУЗ — НИИ при вузе; ВУЗ — НИИ при предприятии; объединения по модели «медицинский ВУЗ — клиника».

Рассмотрим под ракурсом возможной адаптации к задаче построения инновационной системы Беларуси наиболее известные организационные формирования, функционирующие в российской практике, в рамках трех вышеобозначенных форм интеграции [4]:

- **центры передовых исследований** — объединения ведущих вузов, академических и отраслевых научных коллективов, финансирование которых осуществляется на конкурсной основе. Основная функция — обеспечение благоприятных условий для исследований и обмена идеями;
- **«проектная интеграция»** — формирование эффективных партнерских взаимоотношений НИИ, КБ, вузов и бизнеса;
- **испытательные центры** — научно-производственные структуры, которые образуются с целью разработки и внедрения новейших технологий в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства; могут создаваться при университетах или научных организациях;
- **технологарки** — компактные объединения научно-исследовательских организаций, группирующихся вокруг крупного университета, института или лаборатории. Они выступают формой интеграционного взаимодействия науки и промышленности и решают задачу внедрения результатов научных исследований в производство;
- **научно-технические и инновационные предприятия** — малые предприятия, функционирующие при вузах и позволяющие решать задачи как трудоустройства выпускников, так и стимулирования формирования

инновационной экономики путем создания благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса;

- **инновационные консорциумы** — объединения вузов, научных организаций, предприятий, финансовых структур (то есть организаций разных форм собственности, профиля и размера) в целях решения определенной задачи, реализации конкретной программы, осуществления крупного проекта. Организации, входящие в состав консорциума, сохраняют хозяйственную самостоятельность, но подчиняются совместно избранному исполнительному органу в сфере деятельности, относящейся к целям консорциума;
- **инновационные кластеры** — наиболее прогрессивная форма интеграционного взаимодействия образовательно-научных структур с промышленностью, бизнесом и органами власти. Организации, входящие в инновационный кластер, характеризуются близким территориальным расположением и взаимодополняются в целях повышения эффективности основной деятельности. Инновационный кластер — это строго ориентированная система распространения новых знаний и технологий на основе устойчивых связей между субъектами кластера; объединения их усилий, что позволяет: ускорить распространение инновационных продуктов или услуг, создать соответствующие инновационные инфраструктуры, снизить затраты на исследования и разработки, способствовать дальнейшему коммерческому продвижению инновационных продуктов.

Необходимость сокращения разрыва между наукой, образованием и бизнесом, оказывающего негативное влияние на их обособленное развитие и на развитие экономической системы страны в целом, признается на государственном уровне. В научных, образовательных и политических кругах обсуждаются вопросы снятия институциональных барьеров между наукой и образованием, совершенствования законодательства, развития налоговых механизмов стимулирования интеграционного взаимодействия и т. д.

Государство, признавая науку и образование важнейшими ресурсами обновления экономики, способствует развитию научно-интеллектуального и образовательного секторов. Это позволяет поддерживать приоритетные направления научно-технического прогресса, формировать в мировом сообществе имидж Беларуси как страны, которая заботится об интеллектуальном потенциале.

В Беларуси существует определенный опыт в сфере двусторонней интеграции: преподаватели вузов, как правило, наряду с преподаванием занимаются исследовательской работой; в составе многих университетов, институтов, академий функционируют научно-исследовательские центры, лаборатории. Традиция трехсторонних взаимодействий только начинает формироваться. Представим наиболее перспективные направления начального этапа развития трехсторонней интеграции науки, образования и бизнеса, апробированные российскими исследователями [5] и, как полагаем, соответствующие намерениям и возможностям Республики Беларусь.

1. Расширение сети научно-образовательных объединений в форме юридических лиц либо на договорной основе для реализации образовательных

программ и/или проведения научных исследований. К ним относятся, например, центры передовых исследований (центры превосходства), создаваемые путем объединения наиболее продуктивных вузовских, академических и отраслевых научных коллективов с предоставлением им необходимых ресурсов и финансируемые на конкурсной основе.

2. Развитие «проектной интеграции», нацеленной на формирование эффективных взаимосвязей между вузами и научными организациями. Она способствует созданию устойчивых альянсов между НИИ, КБ, вузами и предприятиями. Эта форма наиболее привлекательна для бизнеса, который может участвовать в совместных проектах в сфере науки, инноваций и подготовки кадров. Но это не отказ от формального слияния НИИ и вузов, вопрос о котором должен решаться на индивидуальной основе.

3. Расширение практики совместного участия НИИ и вузов в конкурсах на получение грантов и заказов на исследования и разработки, в издательской деятельности, присуждении совместных стипендий, международных программах и проектах; организация совместных ученых советов по научным направлениям, специализированных советов по присуждению ученых степеней на базе НИИ и вузов. Это позволит сформировать среду, благоприятную для любых интеграционных инициатив в научно-образовательном сообществе.

Движение в этих и других направлениях будет способствовать созданию в республике сбалансированного научно-образовательного комплекса, обеспечивающего решение важнейших социально-экономических задач, стоящих перед нашей страной. Курс на поддержку интеграции отечественной науки, образования и бизнеса для белорусского государства выступает реальным шансом преодолеть проблемы их обособленного развития и добиться всего необходимого для их устранения — сотрудничества, взаимопроникновения, взаимообогащения. Синтез науки, образования и бизнеса — это императив инновационного развития национальной экономики, обязательное условие более быстрого включения нового знания, генерируемого наукой, посредством образования в хозяйственную практику.

Сотрудничество науки, образования и бизнеса имеет большую практическую значимость для всех участников интеграции:

- **выгода образовательных учреждений:**
 - вузы пересматривают программы подготовки в соответствии с запросами практики;
 - студенты изучают производственный процесс задолго до окончания вуза;
 - действует априори научная среда вуза с его высококвалифицированными преподавателями, готовыми к научному поиску магистрантами, аспирантами, докторантами, студентами;
 - преподаватели имеют реальную возможность совершенствования методик преподавания путем обогащения их новейшими научными достижениями и приближения их к современным и перспективным запросам практики;
 - научно активные преподаватели имеют возможность получения дополнительного дохода.

- *выгода предприятий, организаций, учреждений:*
 - сотрудничество с вузом, наукой повышает квалификацию работников предприятия;
 - совместно проводимые симпозиумы, круглые столы обогащают бизнес передовой бизнес-информацией, сведениями о научных открытиях, инновационных производственных и управлеченческих технологиях и т. п.;
 - предприятия получают по своим заказам специалистов нужного профиля и квалификации;
 - представители бизнеса участвуют в формировании профессиональных образовательных стандартов, учебных планов, программ;
- *выгода научных учреждений:*
 - сокращается время от генерирования знаний до их передачи студентам (будущим специалистам), в связи с чем возрастает степень воздействия науки на практику;
 - интеграция науки, образования и бизнеса поворачивает науку к нуждам производства, делая ее достижения востребованными практикой;

- наука ставит преграду закономерному ускорению морального износа знаний (подсчитано, что ежегодно должно обновляться 5 % теоретических и 20 % прикладных знаний);
- связь науки с производством способствует формированию качества общественного интеллекта, которое опережает потребности современного развития.

Таким образом, интеграция науки, образования и бизнеса — это и задача, поставленная в основных направлениях деятельности нашего государства на период до 2015 г., и естественный процесс, в результате которого выигрывают все участники интеграции, значит, и государство. Вопрос интеграции науки, образования и бизнеса является объективной необходимости, он неизбежен — только в таком случае будет создан инновационный экономический потенциал страны, который явится предпосылкой для ее успешного социально-экономического развития и достойного позиционирования в международном сообществе.

Список использованных источников

1. Байкова, О.М. Интеграция образования, науки и бизнеса как условие эффективного развития экономики России // О.М. Байкова, М.А. Сухомлинова // Государственное управление. — 2010. — Вып. 23.
2. Борисов, А.Б. Большой экономический словарь / А.Б. Борисов. — М. : Книжный мир, 2003.
3. Тягунова, Ю.В. Субъекты и цели интеграции науки и образования в высшей школе / Ю.В. Тягунова, К.Н. Крикунов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hetoday.org/arxiv>. — Дата доступа: 15.03.2012.
4. Цигляев, В.А. Теоретические основы интеграции вузовской науки в национальную инновационную систему / В.А. Цигляев // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. — 2011. — № 2.
5. Гохбер, Л. Стратегия интеграционных процессов в сфере наук и образования / Л. Гохбер, Г. Титова, Т. Кузнецова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://institutions.com/strategies/>. — Дата доступа 18.03.2012.

28.03.2012

УДК 658.78

Н. В. Дашкевич

ВЛИЯНИЕ РЕИНЖИНИРИНГА БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ И ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Показана целесообразность использования современных программных продуктов MS Visio для моделирования технологического процесса на примере изготовления сборочной единицы и MS Project для моделирования оптимального маршрута по доставке груза. Применение процессного подхода и современных информационных технологий позволяет выявить и рационализировать затраты самых дорогостоящих операций в деятельности предприятий.

Questions of the influence of reengineering of business processes on efficiency of logistic systems and business as a whole are considered. The expediency of the use of modern software products, namely MS Visio for modeling technological process on an example of manufacturing of assembly unit and MS Project, for modeling an optimum route on cargo delivery is shown. Application of a process approach and modern information technologies allows to reveal and rationalize expenses of the most expensive operations in activity of the enterprises.

Представления об управлении предприятиями базируются на позиции, что бизнес необходимо четко определять, измерять, анализировать и совершенствовать. Одной из таких инновационных систем управления является бизнес-инжиниринг. При бизнес-инжиниринге система создания бизнеса рассматривается как инженерная наука через проектирование и управление бизнес-процессами, отобра-

жающая современный процессный подход в управлении [1, с. 34]. В отличие от функционального подхода предприятия в данном случае рассматриваются как набор процессов с целями различного уровня. Процесс обозначается как прямоугольник, в котором пишется словосочетание, указывающее на действие; связь между блоками — в виде стрелок, показывающих направление движения потоков (про-

дукции, данных и т. п.). Левая сторона блока обозначает вход, правая — выход, верхняя — управление, нижняя — механизмы (рис. 1).

Рис. 1. Изображение процесса

Каждый технологический процесс с момента поставки ресурсов на предприятие до отгрузки готовой продукции потребителю необходимо разбивать на бизнес-процессы, которые должны иметь законченный цикл и состоять из подпроцессов, сложенных из отдельных операций, то есть должен быть декомпозирован [2, с. 4]. При этом входы, управление и механизмы могут являться входами, управлением и механизмами для подпроцессов. Результат их выполнения должен приводить к выходному результату исходного процесса (рис. 2).

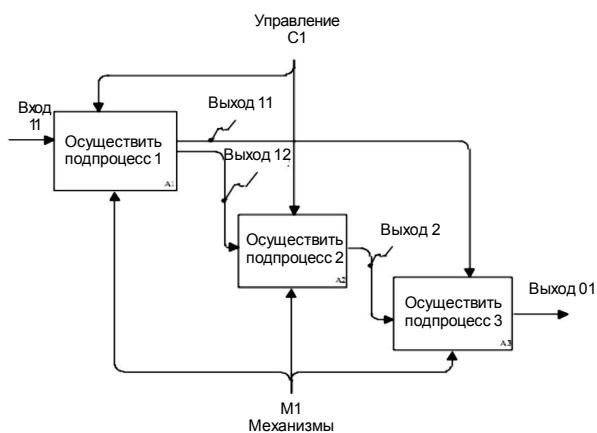

Рис. 2. Декомпозиция процесса

На рисунке показано разбиение исходного процесса на три подпроцесса. Входные процессы для исходного процесса поступают на вход процессов, на которые он декомпозирован, выход соответствует выходам подпроцессов.

Для оценки и планирования повышения эффективности бизнеса в целом важно идентифицировать издержки, которые возникают в цепочке техпроцесса по мере продвижения сырья, материалов и готовой продукции от производителя к потребителю, также разделить их на постоянные и переменные, выделить внутренние и внешние факторы, влияющие на изменение затрат [3, с. 27]. Однако процессы, происходящие на данном этапе во многих фирмах, часто являются достаточно сложными, следовательно, им необходимо детальное описание.

Внешние факторы в современных условиях требуют частых изменений в деятельности предприятий. Последствия таких изменений должны тщательно изучаться, прежде чем использоваться в развитии бизнеса. Современные программные продукты позволяют обработать большой объем информации, необходимый для анализа и принятия оптимальных решений по управлению предприятиями.

Построить модель бизнес-процессов предприятия и выявить «узкие места» позволяет современный программный продукт MS Visio, который применим для анализа, документирования и реорганизации бизнес-процессов. Эффективность и целесообразность практического использования этого продукта можно показать на примере технологического процесса изготовления сборочной единицы из двух деталей, являющегося одним из бизнес-процессов компании, специализирующейся на производстве оборудования. Данный пример будет реализован с помощью построения информационной системы управления, основанной на стандартах открытых систем (IDEF0) и управления качеством в соответствии с требованиями бизнес-систем.

Модели IDEF0 позволяют определить функции логистической системы и порядок их взаимодействия. Именно на этом этапе можно определить, в чем заключается автоматизация процессов в системе. На этапе функционального моделирования происходит анализ требований к логистической системе с позиции предметной области. Правильность составления функциональной модели во многом определяет эффективность производства. IDEF0 позволяет рассмотреть логистическую систему с учетом: материальных, информационных, финансовых потоков; логистических операций и функций; последовательности выполнения логистических операций и функций.

Моделирование логистической системы с помощью IDEF0 дает наиболее полное представление о ее функционировании и движении потоков в рамках этой системы. Построение модели целесообразно начинать с описания функциональной моделируемой системы в целом с помощью контекстной диаграммы. В качестве примера описания логистической системы можно рассмотреть организацию производственного процесса от распределения сырья до складирования продукции (рис. 3).

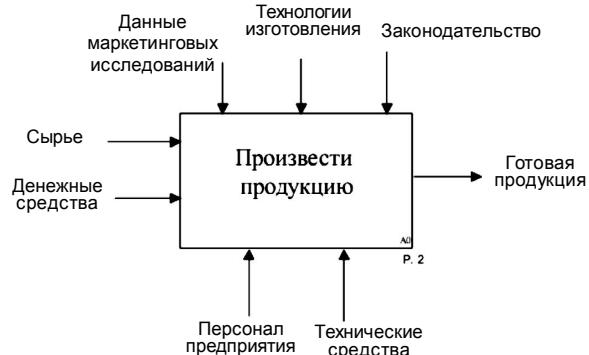

Рис. 3. Контекстная диаграмма модели производства как логистической системы

После описания контекста была проведена функциональная декомпозиция: система разбита на подсистемы, каждая из которых описывается в том же синтаксисе, что и предыдущая (рис. 4).

Таким образом, с помощью диаграммы IDEF0 полностью показана модель технологического процесса на примере изготовления сборочной единицы из двух деталей. Построенная модель описывает выполнение целей логистической системы, связанных с распределением сырья, снабжением технологических операций сырьем, доставкой готовой продукции к местам складирования и складированием. Отметим, что на диаграммах IDEF0 не делается акцент на том, какие потоки там обрабатываются, поэтому диаграммы IDEF0 позволяют представить работу логистической системы с позиции обработки любого вида логистических потоков.

Моделирование бизнес-процессов — это эффективное средство поиска путей оптимизации деятельности компании, средства прогнозирования и минимизации рисков, возникающих на различных этапах реорганизации предприятия. Этот метод позволяет дать стоимостную оценку каждому отдельному процессу и всем бизнес-процессам организации в совокупности [4, с. 30]. В нашем случае организация технологического процесса, начиная от распределения сырья и заканчивая складированием готовой продукции, представляет собой выбор таких проектных

решений, которые обеспечат снижение стоимости изготовления изделия и улучшат его качество.

На стадии разработки концепции изделия стоимость изготовления почти всегда является одним из критериев, на основании которых принимается решение. На стадии системного проектирования изделия принимаются решения о том, как структурировать изделие на различные модули, базируясь в основном на оценках стоимости и сложности изготовления. Точные оценки стоимости становятся доступны на стадии детального проектирования, когда еще большее число решений принимается с учетом аспектов, связанных с изготовлением. При оценке определяются основные составляющие стоимости. На последующих этапах рассматриваются возможности уменьшения каждой из этих составляющих.

Стоимость изготовления сборочной единицы представляет собой сумму всех затрат на входные воздействия системы. Для оценки стоимости используется стоимость изготовления изделия. На практике этот подход усложняется необходимостью учета доли изделия в затратах на дорогостоящее технологическое оборудование, определением затрат по отношению к нескольким видам продукции, выпускаемым одновременно, оценкой затрат на управление производственными процессами.

На рисунке 5 показано разделение стоимости изготовления детали по ряду категорий.

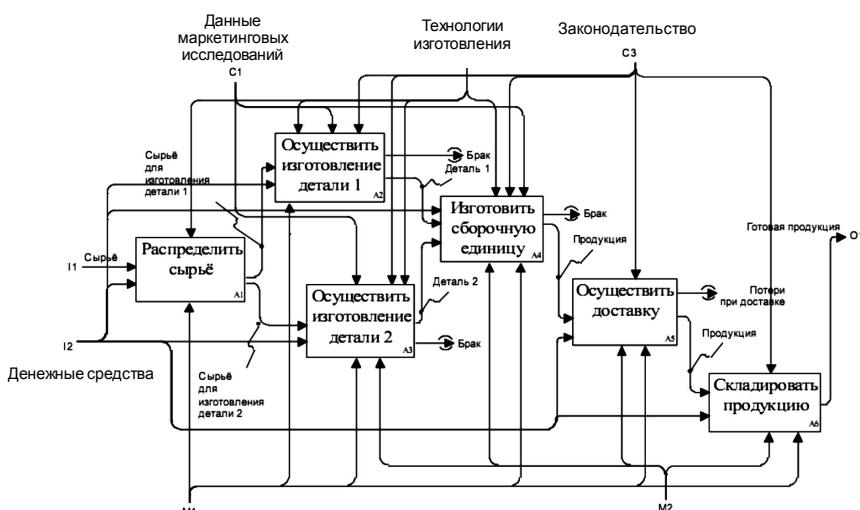

Рис. 4. Диаграмма декомпозиции модели

Рис. 5. Составляющие стоимости изготовления изделия

Накладные расходы присутствуют в расчете любой стоимости. Их можно разделить на расходы на обеспечение и косвенные расходы. Расходы на обеспечение являются затратами, связанными с хранением материалов, гарантийными обязательствами, приобретением и доставкой компонент, обслуживанием оборудования. Все эти расходы существенно зависят от сложности и от состава изделия. Косвенные расходы не могут быть непосредственно связаны с изготовлением конкретного изделия, хотя они присутствуют в любом бизнесе.

Другим способом классификации производственных затрат является их разделение на постоянные и переменные затраты. Постоянные затраты представляют собой плановые объемы и предполагаемые временные интервалы производства. Переменные затраты находятся в прямой зависимости от числа произведенных изделий. Стоимость работ по сборке также может иногда рассматриваться как переменные затраты, потому что многие компании могут регулировать численность занятого сборкой персонала, переключая персонал на другую работу.

Стоимость компонент вносит наиболее существенный вклад в стоимость производства изделия. Для минимизации стоимости компонент необходимо:

- изменить параметры детали так, чтобы сохранить ее функциональность и избежать дорогостоящих технологических операций;
- упростить процесс изготовления, поскольку уменьшение числа операций приводит к снижению стоимости;
- выбрать более экономичный процесс изготовления детали за счет увеличения объемов производства изделий. Этот эффект объясняется двумя основными причинами: фиксированная стоимость распределяется между возросшим числом изделий; компания может снизить переменную стоимость за счет использования более мощного оборудования и более эффективных производственных процессов.

Снижая затраты на изготовление компонент и затраты на сборку, можно одновременно добиваться снижения затрат на обеспечение процессов производства.

Оценка стоимости изготовления изделия часто является нечувствительной к большому числу факторов, которые реально влияют на величину накладных расходов. Тем не менее целью должно быть снижение затрат на обеспечение даже в том случае, если оно не изменяет величину накладных расходов. Минимизация стоимости изготовления не является единственной целью процесса разработки. Экономический успех изделия зависит также от его качества, времени выхода изделия на рынок и затрат на разработку проекта [5, с. 37].

Построение моделей новых бизнес-процессов при проведении реинжиниринга должно опираться не только на реорганизацию работы персонала, использование новых идей и новых технологий, но и на методы, позволяющие оптимизировать существующие бизнес-процессы. В качестве примера рассмотрим оптимизацию бизнес-процессов проектирова-

ния и подготовки производства на этапе планирования этих бизнес-процессов.

Приведем определенную классификацию проектных процедур и дадим краткие сведения о графическом представлении планов. Существуют различные графические формы представления планов. Традиционным средством для отображения временного план-графика выполнения задач проекта являются диаграммы Ганта. Имеются специальные программные средства MS Visio и MS Project, поддерживающие построение диаграмм Ганта. В случае более сложных проектов следует использовать программное средство MS Project, которое отображает как взаимозависимость задач проекта, так и их выполнение во времени.

Все элементы диаграммы Ганта в MS Project являются настраиваемыми отрезками. Каждый элемент может состоять из трех элементов: точки начала, точки окончания и промежуточной части (при этом любой из элементов может отсутствовать). При стандартной настройке отрезки, обозначающие фазы, содержат все три элемента. Отрезки, обозначающие задачи, состоят только из промежуточной части, а завершающие задачи — только из начальной точки (рис. 6).

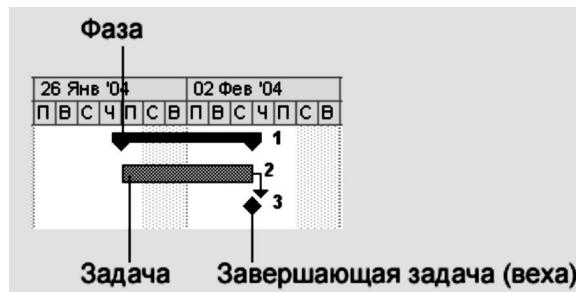

Рис. 6. Основные элементы диаграммы Ганга

Примечание. Задача и завершающая задача соединены связью, обозначающей, что задача 3 следует после задачи 2.

В MS Project диаграмма Ганта является главным средством визуализации плана проекта. Эта диаграмма представляет собой график, на котором по горизонтали размещена шкала времени, а по вертикали расположена список задач. Длина отрезков, которые обозначают задачи, пропорциональна длительности задач.

На диаграмме Ганта рядом с отрезками может отображаться дополнительная информация, состав которой определяется настройками диаграммы. Например, рядом с задачами отображаются названия задействованных в них ресурсов и их загрузка при выполнении задачи.

Групповое форматирование элементов диаграммы позволяет полностью настраивать вид диаграммы, определяя, какая именно информация из проектного файла и каким образом отображается на диаграмме. Каждый стиль отрезков соотносится с определенным типом задач и имеет свои параметры представления на диаграмме (рис. 7).

Шкала времени в диаграмме Ганга состоит из трех уровней — верхнего, среднего и нижнего, из которых обязателен только средний. Название уровня указывает на порядок отображения на временной шкале: нижний уровень отображается под средним, а средний — под верхним. Каждый из уровней содержит единицы измерения, при этом единицы уровня, расположенного ниже, должны быть не больше единиц более высокого уровня (рис. 8).

Большие диаграммы сложно просматривать без вспомогательных линий. Вертикальные вспомогательные линии позволяют быстро соотнести отрезок с временной шкалой, а горизонтальные линии — с задачей в списке.

Рассмотрим пример создания нового проекта и введем задачи, которые выполняются на пути всего проекта по нахождению оптимального маршрута доставки груза. С помощью панели форматирования задачи объединим в группы (или фазы) (рис. 9).

Для выполнения задач введем рабочие ресурсы, то есть осуществим назначение (рис. 10).

Добавим длительность задач, то есть время, необходимое на их выполнение (рис. 11).

Важнейшей характеристикой задач для планирования является возможность выполнения задач параллельно. Задачи изображаются в виде прямоугольников, а взаимосвязи между задачами — с помощью стрелок.

На диаграмме Ганга отображается не

только взаимосвязь между задачами, но и ограничения, которые накладывают взаимозависимости. Взаимозависимости показывают, какая задача должна быть завершена до того, как могут быть начаты другие, а какие задачи могут выполняться параллельно. В случае, когда две задачи на диаграмме Ганга перекрываются во времени, то они могут выполняться параллельно, последовательно или как совмещенные задачи. Параллельные задачи могут перекрываться во времени в целях улучшения план-графика, поскольку не зависят друг от друга. Последовательные задачи могут перекрываться во времени в зависимости от сущности информации, которая необходима для продолжения работ. Совмещенные задачи должны перекрывать-

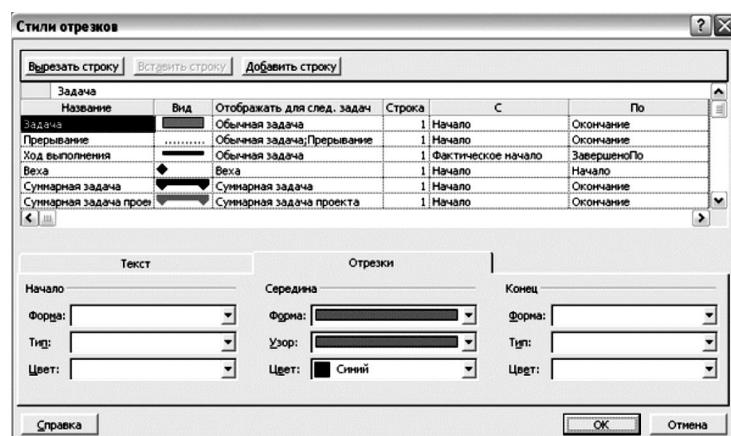

Рис. 7. Диалоговое окно группового форматирования отрезков со стандартными настройками диаграммы Ганта

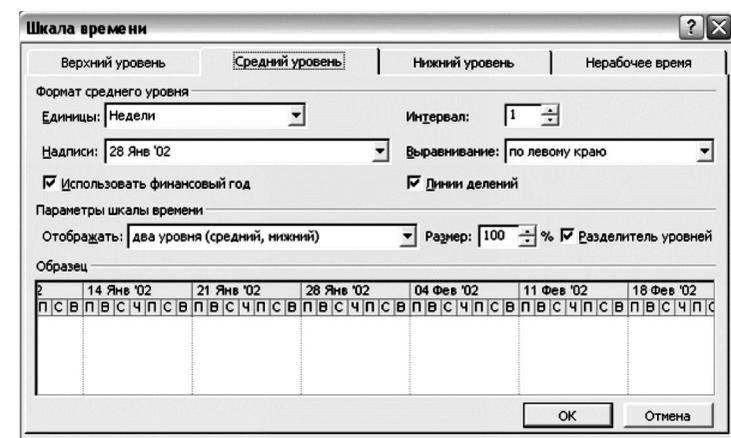

Рис. 8. Вкладка Шкала времени

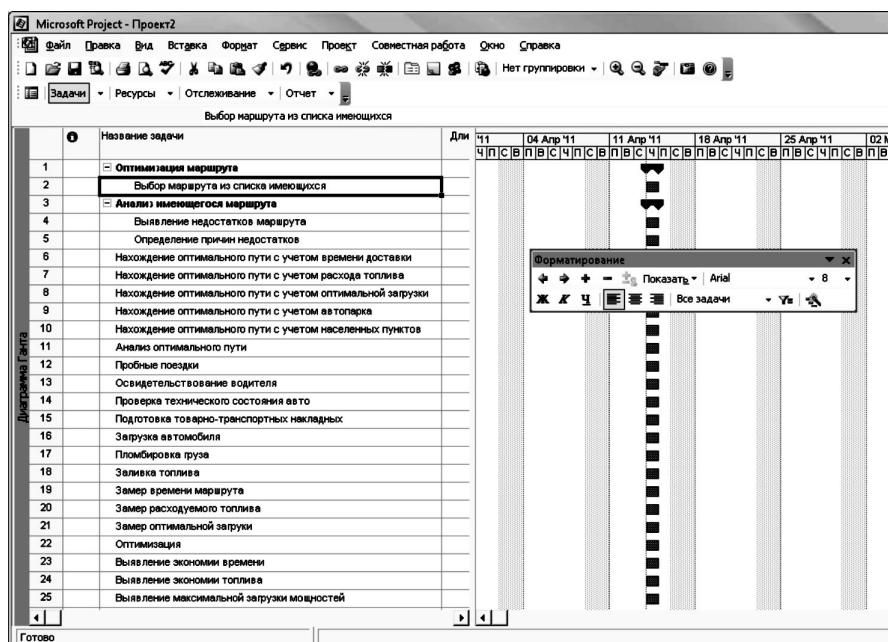

Рис. 9. Выделение подзадач в проекте

ЭКОНОМИКА

The screenshot shows the Microsoft Project interface. On the left, a Gantt chart displays tasks from 1 to 25 over a period from April 11 to April 18. Tasks 1 through 10 are assigned to 'Диспетчер' (Dispatcher), while tasks 11 through 25 are assigned to 'логист' (Logistics). A detailed view of task 16 ('Загрузка автомобиля') is shown in a floating window. The 'Resources' tab is selected, showing one resource named 'нед. Работник' (part-time worker) assigned at 100% utilization.

Сведения о задаче

Общие | Предшественники | Ресурсы | Дополнительно | Заметки | Настраиваемые поля

Название: Освидетельствование водителя Длительность: 1д Г Предв. оценка

Ресурсы:

нед. Работник Единицы: 100%

Справка OK Отмена

Рис. 10. Рабочие ресурсы и их назначение

The dialog box for task 16 ('Загрузка автомобиля') shows various settings. The 'Duration' field is set to 1 day. The 'Predecessors' tab lists task 16 as a successor to task 16 ('Пломбировка груза'). The 'Resources' tab shows one resource assigned at 100% utilization. The 'General' tab contains basic task details like name and start/end dates.

Сведения о задаче

Общие | Предшественники | Ресурсы | Дополнительно | Заметки | Настраиваемые поля

Название: Освидетельствование водителя Длительность: 1д Г Предв. оценка

Процент завершения: 0% Приоритет: 500

Даты Начало: Чт 19.05.11 Окончание: Чт 19.05.11

Г Скрыть отрезок задачи Г Сводить отрезки диаграммы Ганта к суммарным

Справка OK Отмена

Рис. 11. Длительность задач

The dialog box for task 16 ('Загрузка автомобиля') shows its predecessor relationship to task 16 ('Пломбировка груза'). The 'Predecessors' tab lists task 16 as a successor to task 16 ('Пломбировка груза'). The 'Resources' tab shows one resource assigned at 100% utilization. The 'General' tab contains basic task details like name and start/end dates.

Сведения о задаче

Общие | Предшественники | Ресурсы | Дополнительно | Заметки | Настраиваемые поля

Название: Пломбировка груза Длительность: 1д Г Предв. оценка

Предшественники:

Ид.	Название задачи	Тип	Запаздывание
16	Загрузка автомобиля	Окончание-начало (ОН)	0ч

Справка OK Отмена

Рис. 12. Установление зависимостей

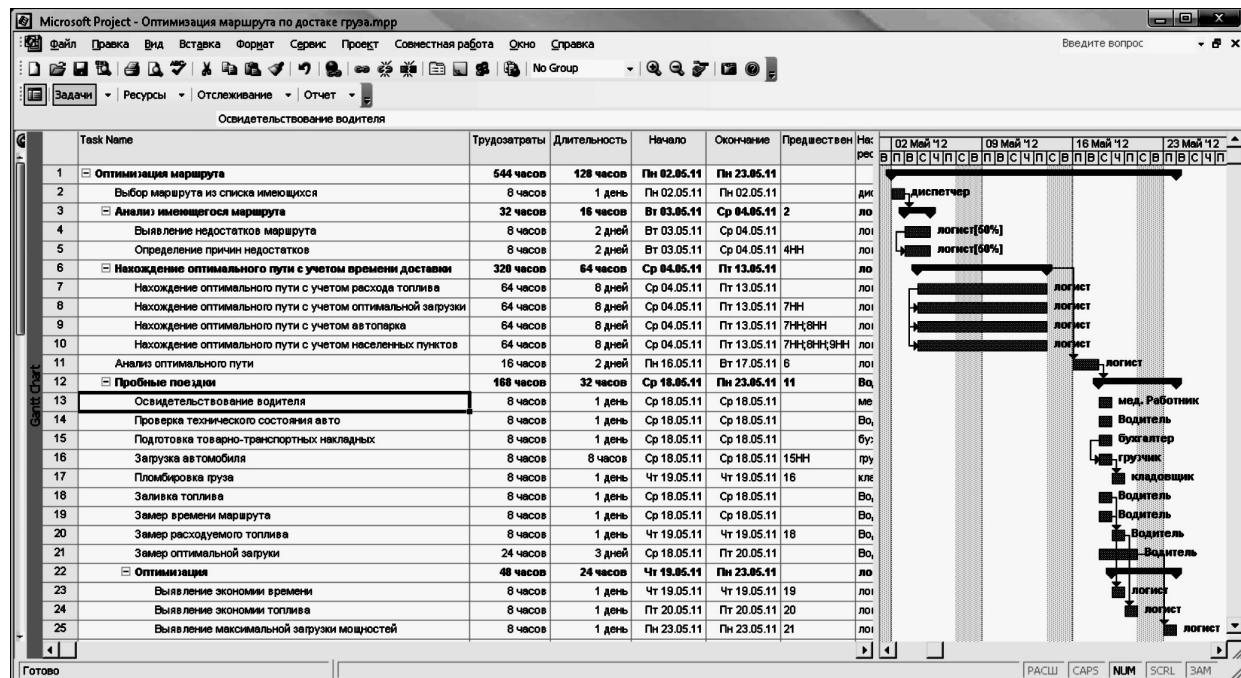

Рис. 13. Итоговый проект

ся во времени, так как они требуют одновременного выполнения.

В плане проекта некоторые из наших задач связаны с помощью зависимостей, определяющих порядок выполнения задач относительно друг друга. Например, задача «Пломбировка груза» предшествует задаче «Загрузка автомобиля» (рис. 12).

В итоге при выполнении нашего проекта по определению оптимального маршрута доставки груза можно получить диаграмму (рис. 13). В левой части диаграммы перечисляются задачи проекта, а по горизонтальной оси откладывается временная ось.

Важнейшей проблемой при планировании и выполнении проекта является сокращение времени реализации. Один из путей решения этой проблемы — сокращение общего времени выполнения задач, которые лежат на критическом пути.

Для сокращения общего времени выполнения задач могут использоваться следующие способы:

- **уменьшение длительности задач, лежащих на критическом пути.** Для сокращения длительности задач можно применить несколько методов: сократить объем работы, требуемый для ее выполнения; добавить ресурсы для ускорения выполнения работы при сохранении ее объема; разбить задачу на подзадачи, выполняемые одновременно разными сотрудниками. В некоторых случаях, это может быть анализ задач для того, чтобы раньше начать их выполнение. После сокращения длительности задач необходимо проверить возникновение перегрузок ресурсов после изменений в плане. Это возможно, например, у задач с фиксированным объемом работ, поскольку уменьшение длительности таких задач приводит к увеличению объема работы, которую задействованные в них ресурсы должны выполнять в течение дня. Отметим, что ускорение выполнения задач, которые лежат на

критическом пути, в некоторых случаях может привести к изменению критического пути, путем добавления задач, не являющихся ранее критическими. Для отображения на диаграмме Ганта только критических задач используют фильтр (Критические).

- **агрегирование страховочного времени.** Время выполнения каждой задачи включает некоторое время, на которое можно задержать исполнение задачи (из-за ожидания информации, одобрения решения, прерывания задач) без увеличения длительности проекта. В данном случае предполагается, что страховочное время вычитается из каждой задачи вдоль критического пути, после чего все эти времена агрегируются в буфер проекта, который размещается в конце план-графика. Поскольку потребность в увеличении времени выполнения задачи проявляется случайным образом, то только некоторые из задач будут использовать время из буфера проекта. Следовательно, размер буфера проекта может быть меньше, чем сумма времен безопасности в случае, если бы эти времена были включены непосредственно в задачи, и критический путь может быть пройден быстрее. На практике буфер проекта может только требовать начать работу при размере буфера, равном половине сокращенного критического пути. Кроме буфера проекта, метод предусматривает использование локальных буферов для защиты критического пути от задержек, которые могут внести в него некритические задачи. Каждый локальный буфер агрегирует страховочные времена, лежащие на соответствующем некритическом пути. Пример использования буфера проекта и локальных буферов приведен на рис. 14;
- **выстраивание цепочки логических действий.** Это позволяет исключить некоторые задачи, лежащие на критическом пути, которые можно удалить либо решить другим образом;

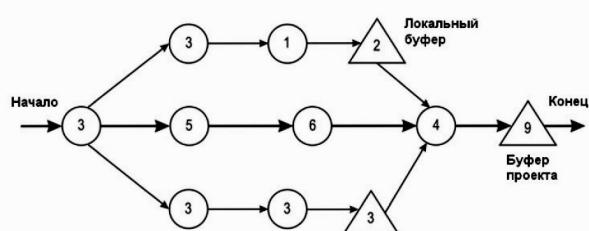

Рис.14. Использование временных буферов в методе критической цепочки

- исключение для критического пути временных задержек, связанных с ресурсами. Это связано с тем, что в некоторых случаях время ожидания занятого ресурса превышает реальное время его использования;
- параллельное выполнение задач, лежащих на критическом пути;
- использование аутсорсинга. Необходимо в случаях, когда имеющиеся ресурсы накладывают серьезные ограничения на проект, что может ускорить выполнение проекта в целом.

Можно выделить другие рекомендации, целью которых является быстрое выполнение совмещенных задач: быстрый и регулярный обмен информацией; уменьшение числа операций за счет разъединения совмещенных задач.

Результаты анализа свидетельствуют, что в логистических системах достаточно трудно сократить время доставки груза, улучшить сервисное обслуживание или существенно оптимизировать систему затрат. Для уменьшения величины финансовых ресурсов, необходимых для поддержания деятельности, требуется ускорить выполнение логистических операций.

Предложенные методы описания систем могут быть использованы для анализа логистической деятельности предприятий и повышения ее общей эффективности. Способность предприятий к эффективному перепроектированию логистических систем на базе информационных технологий становится решающим фактором формирования устойчивых потоковых процессов в их производственно-коммерческой деятельности.

Список использованных источников

1. Семь нот менеджмента. Настольная книга руководителя / В. Краснова [и др.]; под общ. ред. В. Красновой, А. Приваловой. — М. : Журнал эксперт, 2001. — 856 с.
2. Елиферов, В.Г. Бизнес-процессы: регламентация и управление : учеб. пособие / В.Г. Елиферов, В.В. Репин. — М. : ИНФРА-М, 2005. — 319 с.
3. Репин, В.В. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов / В.В. Репин, В.Г. Елиферов. — М. : РИА стандарты и качество, 2006. — 408 с.
4. Толуев, Ю.И. Моделирование и симуляция логистических систем. Курс лекций для высших технических учебных заведений / Ю.И. Толуев, С.И. Планковский. — Киев : «Миллениум», 2009. — 85 с.
5. Яблочников, Е.И. Реинжиниринг бизнес-процессов проектирования и производства : учеб. пособие / Е.И. Яблочников, В.И. Молочник, Ю.Н. Фомина. — СПб. : ГУИТМО, 2008. — 152 с.

04.04.2012

УДК 314

В. С. Загорец

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Анализируются параметры демографического развития Республики Беларусь и реализация Национальных программ демографической безопасности. Содержатся предложения по увязке стратегии социально-экономического развития страны с прогнозом изменения численности ее трудовых ресурсов.

Parameters of demographic development of the Republic of Belarus and implementation of National programs of demographic safety are analyzed. Offers on coordination of strategy of social and economic development of the country with a forecast of changing the number of its manpower are contained.

В нашей стране переход к суженному типу воспроизводства населения произошел в конце 70-х гг. XX в., когда суммарный коэффициент рождаемости на одну женщину стал меньше 2,14–2,15, то есть параметров, необходимых для простого воспроизводства. Данный коэффициент непрерывно снижался: в 1990 г. он составлял 1,9, а в начале XXI в. сократился до 1,2–1,3 рождений на женщину за весь репродуктивный период [1, с. 37–38]. Это ниже, чем в среднем по миру (2,6) или по развитым странам — членам ОЭСР (1,8) [2, с. 100, 102].

Таким образом, замещение поколений Беларуси четыре десятилетия происходит по суженному типу, однако до 1993 г. общая численность населения продолжала увеличиваться благодаря накопленному демографическому потенциалу многочисленных ранее рожденных поколений. В 1993 г. этот потенциал был исчерпан и смертность впервые превысила рождаемость, сокращение численности населения страны не произошло, поскольку миграционный прирост в тот год оказался выше естественной убыли населения. С 1994 г. начался процесс

депопуляции, продолжающейся до настоящего времени (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения Республики Беларусь
(тыс. чел., на начало года) [3, с. 51; 4, с. 2]

Годы	1990	1994	1995	2000	2005	2010	2011
Всего	10 189	10 244	10 210	10 020	9 800	9 500	9 481

Наряду с депопуляцией, вызванной снижением количества рождений и ростом общего количества смертей, Беларусь столкнулась с такой демографической проблемой, как рост смертности в трудоспособном возрасте. В отдельные годы почти треть от всех смертей приходилась на долю умерших в молодых возрастах [5, с. 119, 375]. Данный феномен отмечается в первую очередь среди мужчин, на которых приходится более 80 % от общего количества таких смертей. В основном по причине данного феномена, получившего название «смертности сорокалетних», ожидаемая продолжительность жизни мужчин в нашей стране на 12 лет уступает ожидаемой продолжительности жизни женщин, что значительно выше общемировых показателей (4–5 лет).

Кроме того, в нашей стране в отличие от большинства развитых стран мира ожидаемая продолжительность жизни всего населения в течение последних 50 лет практически не увеличивалась. В 1958–1959 гг. она составляла 70,3 лет, сокращалась до 68,8 в 1995 г., в 2007 г. была такой же, как и в конце 50-х гг., лишь незначительно выросла в 2009 г.— до 70,5 лет [5, с. 164; 6, с. 19].

Существенно изменилась половозрастная структура населения страны. Удельный вес населения в дотрудоспособном возрасте, составлявший по переписи 1959 г. 31,3 %, по переписи 1979 г. сократился до 25,0 %, в 1999 г. упал до 21,2 %, а по переписи 2009 г. составил 15,9 %. Одновременно за истекший период зеркально выросла доля лиц пенсионного возраста: с 13,5 % в 1959 г. до 16,8 % в 1979 г., 21,5 % в 1999 г. и 22,5 % в 2009 г. [3, с. 118; 8].

Глубина демографических проблем в республике достигла той степени, при которой они превратились в реальную угрозу национальной безопасности. Это получило достаточно серьезную оценку на государственном уровне. В 2002 г. в Беларусь впервые среди постсоветских стран был принят закон «О демографической безопасности Республики Беларусь», в котором основными демографическими угрозами были названы депопуляция, старение населения, нерегулируемые миграционные процессы, деградация семьи. Основной формой реализации закона должна была стать разработка и реализация национальных программ демографической безопасности страны на пятилетний период. На разработку первой программы «Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь», утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 26 марта 2007 г. ушло еще пять лет после принятия закона. Поскольку программу не успели принять до начала пятилетки, ее действие было рассчитано не на пятилетний период, предусмотренный в законе, а на 2007–2010 гг.

Для создания программы были привлечены значительные силы ученых и практиков из различных сфер и отраслей. Программу разрабатывали министерства: труда и социальной защиты; здравоохранения; внутренних дел; образования; экономики; спорта и туризма; информации; по чрезвычайным ситуациям; иностранных дел; культуры; сельского хозяйства и продовольствия; природных ресурсов и охраны окружающей среды; обороны; юстиции; НАН Беларуси, облисполкомы, Минский горисполком и др. организации.

В программе был намечен комплекс мер по стимулированию рождаемости, укреплению семьи, охране и укреплению здоровья населения, формированию здорового образа жизни, созданию благоприятной среды обитания, оптимизации миграционных процессов. Главной целью принятой программы была провозглашена стабилизация демографической ситуации и формирование предпосылок демографического роста в Республике Беларусь. Общие затраты на реализацию программы за счет всех источников финансирования были предусмотрены в размере 668,33075 млрд р. в ценах 2006 г. [7].

В рамках общей программы были разработаны пять отдельных подпрограмм по следующим направлениям:

- стимулирование рождаемости и укрепление семьи;
- охрана здоровья матери и ребенка;
- формирование здорового образа жизни и создание благоприятной среды обитания;
- укрепление здоровья и увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения;
- оптимизация миграционных процессов;
- научное обеспечение;
- нормативное правовое и информационное обеспечение.

Среди ожидаемых результатов реализации программы выделим основные:

- увеличение общего коэффициента рождаемости до 10–11 на 1 000 чел. (в 2007 г. данный показатель был на уровне запланированного на конечную дату действия программы — 10,7 на 1 000 чел.) [5, с. 119];
- увеличение суммарного коэффициента рождаемости, то есть числа детей, рожденных одной женщиной на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет), до 1,4–1,5;
- снижение общего коэффициента смертности населения до 10–11 на 1 000 чел.;
- обеспечение ежегодного прироста населения до 5 тыс. чел. за счет внешней миграции преимущественно лиц трудоспособного возраста.

Важно констатировать, что, несмотря на значительную работу, большая часть намеченных к выполнению в программе ориентиров достигнуты не были. Не реализована главная цель программы — стабилизация демографической ситуации и формирование предпосылок демографического роста в Республике Беларусь. Рождаемость несколько увеличилась, но ее рост не позволил остановить естественную убыль населения (табл. 2). Рост во многом обеспечивался двумя факторами: увеличением числа женщин fertильного возраста с начала XXI в., когда в него

стали вступать относительно многочисленные поколения, рожденные в 80-е гг.; отложенными в 90-е гг. рожденими. Значительное улучшение социально-экономических условий в нашей стране по сравнению с периодом конца прошлого века, способствовало реализации имевшейся, но отложенной установки на рождение детей как первенцев, так и вторых в семье.

В настоящее время эти резервы роста рождаемости исчерпаны. По переписи населения 2009 г.

число женщин в активном детородном возрасте 20–29 лет составляло 777 351, в возрасте 10–19 лет — 514 869, то есть более чем на 30 % меньше, а поколение, которое вступит в fertильный возраст через десять лет, составляет 454 609, или 58 % от нынешнего [8]. Соответственно, в ближайшие годы рождаемость при неизменности существующих репродуктивных установок существенно уменьшится. Данный процесс начался в 2010 г. и в дальнейшем его темпы будут нарастать.

Таблица 2

Рождаемость (1), смертность (2), естественный прирост населения (3) Республики Беларусь (на 1 000 чел.)
[4, с. 3; 5, с. 119]

№ п/п	1950	1970	1980	1990	1993	2000	2002	2005	2007	2008	2009	2010
1	25,5	16,2	16,0	14,0	11,5	9,4	8,9	9,3	10,7	11,1	11,5	11,4
2	8,0	7,6	9,9	10,8	12,6	13,3	14,8	14,5	13,7	13,8	14,2	14,5
3	7,5	8,6	6,1	3,2	-1,1	-4,1	-5,9	-5,2	-3,0	-2,7	-2,7	-3,1

Данные таблицы свидетельствуют, что намеченного в программе сокращения смертности до 10–11 чел. достичь не удалось. Смертность даже выросла до 14,5 на тысячу чел. В результате темпы депопуляции в начале периода лишь несколько замедлились,

а в 2010 г. вновь увеличились до уровня выше начального года действия программы. Суммарное сокращение численности, вызванное факторами естественного движения населения, за период действия программы составило более 90 тыс. чел. (табл. 3).

Таблица 3

Естественный прирост (убыль) населения Республики Беларусь (тыс. чел. в год) [2, с. 60–61; 9]

1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
50,0	32,6	17,4	11,3	-11,2	-19,4	-32,6	-37,6	-47,1	-44,7	-49,1
2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
-41,2	-48,6	-57,9	-54,7	-51,1	-51,3	-41,7	-29,4	-26,0	-25,8	-29,1

Программа предусматривала и решение задачи привлечения в страну трудоспособного населения из других стран и обеспечения положительного сальдо внешней миграции в размере 5 тыс. чел. ежегодно. Международная миграция в нашей стране по данным национальной статистики последние десятилетия была положительной, соответственно миграционный прирост должен был частично компенсировать естественную убыль населения.

Однако сравнительные данные общего снижения численности населения с естественной его убы-

лью (табл. 1 и 3) свидетельствуют, что общая убыль населения превышает естественную как за весь период 1989–2010 гг. (на 131,6 тыс. чел.), так и по всем отдельным годам после 1994 г. Поскольку общее изменение численности населения складывается из естественного и миграционного роста (убыли), внешняя миграция в Республике Беларусь за анализируемый период не могла быть положительной. Данные о сальдо внешней миграции, приводимые Национальным статистическим комитетом, расходятся с данными того же комитета по численности населения и динамике его естественного движения (табл. 4).

Таблица 4

Сальдо внешней миграции населения Республики Беларусь (тыс. чел.) [рассчитано по 3, с. 51, 60–61]

Период	1989–1994 гг.	1994–1999 гг.	1999–2010 гг.	1989–2010 гг.
Всего за период	+67,5	-140,7	-77,4	-131,5
В среднем за год	+13,5	-28,1	-7,0	-6,3

Данные таблицы свидетельствуют, что положительное сальдо внешней миграции было характерно для нашей страны в начале 90-х гг. Максимальная миграционная убыль прослеживалась во второй половине 90-х, затем интенсивность миграционного оттока несколько снизилась, но его сальдо осталось отрицательным.

Таким образом, существует противоречие в декларируемом Национальным статистическим коми-

тетом превышении приезжающих в нашу страну из других государств над числом выезжающих из страны и данными учета естественного движения населения и его общей численности. Оно вызвано применяемой официальной статистикой методикой учета внешней миграции. Учет въехавших в страну сомнений не вызывает, поскольку любой гражданин, приехавший в Беларусь из другого государства, проходит обязательную регистрацию в органах МВД. Не-

которая часть приехавших мигрантов может не зарегистрироваться, но их удельный вес в общем количестве невелик.

Сложнее подсчитать число граждан нашей страны, выехавших за ее пределы. Применяемая Национальным статистическим комитетом методология их учета позволяет охватить: а) только безвозвратных мигрантов, сменивших гражданство; б) постоянных мигрантов, получивших разрешение на выезд в другие страны на постоянное место жительства; в) мигрантов, вставших на консульский учет в посольствах нашей страны за границей. Остальные, как долгосрочные, так и краткосрочные мигранты не подвергаются учету, что ведет к искажению общих данных по миграции.

Получить более точные цифры по числу наших соотечественников, в разные годы покинувших пределы страны, возможно на основе обмена статистическими данными с другими странами, с которыми происходит миграционный обмен.

Отрицательное сальдо внешней миграции подтверждают не только вышеуказанные данные, но также итоги двух переписей населения, проведенных в Беларуси в 1999 и 2009 гг. Результаты переписей свидетельствуют, что численность населения оказалась меньше данных текущего учета более чем на 300 тыс. чел. Именно эта разность составляет погрешность в подсчете статистическим комитетом реальных размеров и направления внешней миграции населения Беларуси.

На миграционную составляющую приходится более 18 % общей убыли населения в период между двумя последними переписями. Таким образом, до настоящего времени в международной миграции Беларусь в основном выполняла функцию поставщика трудовых ресурсов для экономик других стран мира. С учетом предстоящего существенного сокращения собственных трудовых ресурсов в следующие пять лет продолжение этой тенденции представляется недопустимым.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что реализация намеченного в Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 гг. комплекса мер не привела к достижению большинства целей и результатов. Это должно было стать важным сигналом для разработчиков следующей Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг. Опираясь на опыт реализации первой программы, логично ожидать от второй большей реалистичности, корректировки мер, не оправдавших себя, увязки демографических проблем с другими социально-экономическими проблемами страны.

Чем отличается новая программа от предыдущей, насколько она согласуется с существующими и прогнозируемыми тенденциями демографического развития страны? Прежде всего сужением круга разработчиков новой программы (семь министерств, облисполкомы и Минский горисполком) и отсутствием среди них представителей научных организаций. Главная цель, принятая на предстоящее пятилетие про-

граммы, повторяет первую: стабилизация численности населения в 2015 г. на уровне 9,44–9,45 млн чел. и обеспечение перехода к демографическому росту. По мнению разработчиков программы необходимо снизить убыль населения в 2011 г. до 18,5 тыс. чел., 2012 г.— до 15 тыс. чел., 2013 г.— до 9 тыс. чел., 2014 г.— до 4 тыс. чел.; обеспечить минимальный положительный естественный прирост в 2015 г. Добиться таких результатов программы можно за счет:

- увеличения общего коэффициента рождаемости в 2015 г. до 11,8–12,0 на 1 000 чел., в том числе в 2011 г.— 11,4, 2012 г.— 11,5, 2013 г.— 11,6, 2014 г.— 11,7, в 2015 г.— 11,8–12,0;
- снижения коэффициента общей смертности населения до 13,0–12,5 на 1 000 чел., в том числе в 2011 г.— 14,3, 2012 г.— 13,9, 2013 г.— 13,5, 2014 г.— 13,3, в 2015 г.— 13,0–12,5;
- увеличения ожидаемой продолжительности жизни при рождении до 72–73 лет, в том числе в 2011 г.— 71 год, 2012 г.— 71,2, 2013 г.— 71,4, 2014 г.— 71,6, в 2015 г.— 72–73 года;
- увеличения положительного сальдо внешней миграции до 60 тыс. чел., в том числе в 2011 г.— 10 тыс. чел., 2012 г.— 11 тыс., 2013 г.— 12 тыс., 2014 г.— 13 тыс., в 2015 г.— 14 тыс. [10].

Намеченные ориентиры по большинству из вышеперечисленных параметров вызывают серьезные сомнения. Достижение запланированных цифр по росту рождаемости нереально. В программе неверно указано само направление изменения данного показателя. Выше отмечалось, что в ближайшие 5–10 лет численность женщин в наиболее активном фертильном возрасте в Беларуси будет резко сокращаться. Соответственно следует ожидать не роста, не сохранения существующего общего коэффициента рождаемости, а его существенного снижения.

Крайне сомнительна возможность существенного снижения коэффициента общей смертности населения, с учетом продолжающегося изменения возрастной структуры населения в сторону роста в ней доли более пожилых возрастов.

Внешняя миграция, как отмечалось, последний раз была положительной в начале 90-х гг. ХХ в. Следовательно, можно вести речь только о снижении интенсивности миграционного оттока, а для поворота направления сальдо внешней миграции в сторону Беларуси нет реальных предпосылок.

Результаты анализа основных прогнозных показателей свидетельствуют, что они основаны не на научных прогнозах и расчетах, а на той численности населения, которую ее авторы представляют в нашей стране в 2015 г. Для доказательства ее реальности остальные параметры подобраны путем арифметического или прибавления к существующим, или вычитания от них. Мы солидарны с авторами программы в том, что описанный ими характер демографических процессов на ближайшую пятилетку стал бы оптимальным для страны. Но реальные процессы в области демографии будут развиваться по другому сценарию, что подтверждают данные по естественному движению населения за январь–июль 2011 г.

Превышение числа умерших над числом родившихся по стране за это время составило 19 772 чел., что превысило намеченную на весь год цифру по сокращению численности населения — 18,5 тыс. чел. [11]. То, что сообщается о положительном миграционном приросте, не должно обольщать, поскольку следующая перепись населения вновь покажет иллюзорность надежды на положительное сальдо внешней миграции.

Важно отметить необходимость большинства намеченных в программе мер по улучшению демографической ситуации в государстве. В то же время общая направленность Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг. дезинформирует как государственные органы, принимающие решения по формированию и использованию трудовых ресурсов страны, так и общественность страны. В программе сфор-

мирован посыл, что вскоре удастся переломить неблагоприятные демографические тенденции и не возникнет значительных проблем с формированием трудовых ресурсов страны.

До последнего времени, несмотря на депопуляцию, трудовые ресурсы Беларуси увеличивались (табл. 5). Это объясняется ростом доли населения в трудоспособном возрасте в его общем числе. На начало 1990 г. на эту группу населения приходилось 55,9 %, к 2000 г. она выросла до 58,0 %, а по переписи 2009 г. составила 61,6 % [4, с. 118; 8]. Приток трудовых ресурсов обеспечивался демографическим потенциалом, накопленным в стране в послевоенные десятилетия. В настоящее время этот потенциал исчерпан. Если в 2001–2010 гг. в трудоспособный возраст в Беларусь вступило 1 414 183 чел., то в 2011–2020 гг. эта цифра составит 907 238, или на 506 945 чел. меньше [8].

Таблица 5

Трудовые ресурсы Республики Беларусь, тыс. чел. [2, с. 92; 12, с. 106]

Годы	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Всего	5 848,7	6 004,6	6 210,2	6 227,9	6 241,4	6 251,6	6 230,8
в том числе: трудоспособное население в трудоспособном возрасте	5 503,3	5 711,3	5 942,3	5 958,4	5 956,5	5 948,0	5 927,2
лица старше и младше трудоспособного возраста, занятые в экономике	345,4	293,3	267,9	269,5	284,9	303,6	303,6

Одновременно будет нарастать число людей, достигающих пенсионного возраста. Результаты анализа половозрастной структуры населения по переписи 2009 г. показывают, что количество лиц, которые достигнут действующего пенсионного возраста в нынешнем десятилетии, увеличится по сравнению с предыдущим более чем на 40 %. За 2011–2020 гг. из трудоспособного возраста выйдут почти 1,5 млн чел. [8]. Одновременное действие этих двух процессов: с одной стороны, сокращение притока вступающих в трудоспособный возраст, а с другой — увеличение выбытия из него, обусловит сокращение на одну десятую трудовых ресурсов страны.

Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь, по нашему мнению, должна активизировать общество и государственные органы, причастные к разработке стратегии социально-экономического развития страны, содержать реальную характеристику существующих и усугубляющихся демографических угроз и давать предложения, позволяющие не снижать темпы экономического развития государства в этих условиях.

В ближайшем будущем численность населения и трудовых ресурсов Беларуси будет сокращаться. Однако не отменяется необходимость реализации комплекса мер по преодолению неблагоприятных демографических процессов. В этом и состоит положительная сторона принятой программы. Данные меры приведут только к ослаблению и смягчению вышеот-

меченных проблем, но не к повороту демографического развития страны в сторону роста численности населения и трудовых ресурсов. Чтобы не допустить замедления и снижения темпов экономического и социального развития в таких условиях, возможен вариант перехода от экспансивного к интенсивному инновационному пути при опоре на собственные сокращающиеся трудовые ресурсы.

В рамках этого перехода необходимо перейти от пропагандируемого стимулирования создания новых рабочих мест к их реструктуризации, внедрению инновационных трудосберегающих технологий. Рост объемов производства должен достигаться исключительно за счет роста производительности труда. Необходимость модернизации производства вызовет повышенную мобильность кадров с соответствующим их переобучением и переквалификацией.

Насущной становится проблема постепенного увеличения пенсионного возраста, но только одновременно с увеличением продолжительности жизни населения и укреплением здоровья людей пожилого возраста. Актуальными выступают реформа пенсионной системы, изменение всего механизма подготовки и переподготовки кадров, сбалансирование его с существующими и возникающими потребностями экономики. Только таким образом можно заранее подготовиться к неизбежным неблагоприятным демографическим изменениям и разработать комплекс мер по их нейтрализации.

Список использованных источников

1. Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал Республики Беларусь: системный анализ и оценка / С.Ю. Соловьевников [и др.]; под науч. ред. П.Г. Никитенко; Ин-т экон. НАН Беларусь. — Минск : Белорус. наука, 2008. — 424 с.
2. Human Development Report 2009. Overcoming barriers. Human mobility and development. — New York : United Nations Development Programme (UNDP), 2009. — 217 р.
3. Республика Беларусь. Статистический ежегодник, 2010. — Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2010. — 584 с.
4. Данные о числе зарегистрированных родившихся, умерших, браков, разводов по Республике Беларусь за январь–декабрь 2010 г. — Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2011. — 30 с.
5. Население Республики Беларусь. Статистический ежегодник. — Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2009. — 464 с.
6. О естественном движении населения Республики Беларусь в 2009 г. — Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2010. — 60 с.
7. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 годы, утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 26 марта 2006 г. № 135 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.minedu.unibel.by/main.aspx?guid=6291>. — Дата доступа: 01.10.2011.
8. Население Республики Беларусь: его численность и состав (Том 2). RAR [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Минск, 2011. — Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/regeric/2009/itogi1.php>. — Дата доступа: 01.10.2011.
9. Республика Беларусь в цифрах, 1995–2010 гг. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Минск, 2011. — Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/population.php>. — Дата доступа: 01.10.2011.
10. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы, утверждена Указом Президента Республики Беларусь 11 августа 2011 г. № 357 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mintrud.gov.by/min_progs/prog22. — Дата доступа: 01.10.2011.
11. Демографическая ситуация, оперативные данные [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Минск, 2011. — Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/main.php>. — Дата доступа: 01.10.2011.
12. Республика Беларусь. Статистический ежегодник, 2009. — Минск : Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2009. — 600 с.

18.10.2011

УДК 658.78

Д. В. Курочкин

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ЛОГИСТОВ В СТРАНАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА РОССИИ, БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Анализируются проблемы и перспективы подготовки логистов в странах Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана в условиях принятого руководством этих стран курса на развитие логистической отрасли. Дискутируется вопрос о возможности выделения логистики в высшей школе России как отдельного направления подготовки логистов.

Features of preparation of logisticians in the countries of the Customs union of Russia, Belarus and Kazakhstan are considered. Problems and prospects of preparation of logisticians in the conditions of a course on development of logistic branch accepted by the leaders of these countries are analyzed. The question of possibility of allocation of logistics at a higher school in Russia as separate direction of preparation of logisticians is discussed.

В соответствии с Программой развития логистической системы Республики Беларусь к 2015 г. планируется построить 50 логистических центров, 5 из которых начали работу в 2011 г. Доля логистических услуг в общем объеме ВВП страны к 2015 г. должна составить не менее 20 % [1]. Правительством Республики Казахстан планируется за предстоящие 10 лет построить не менее 5 крупных и 15 средних транспортно-логистических центров класса «А» в городах, на пограничных переходах открыть крупные складские комплексы [2]. На развитие логистических центров в крупных транспортных узлах направлена и Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010–2015 годы)» [3, с. 23].

Для развития логистической деятельности в странах Таможенного союза одной инфраструктуры недостаточно, нужны и специалисты, способные на высоком профессиональном уровне заниматься логи-

стическим управлением. Во многом недостаточное количество квалифицированных кадров объясняется низким мировым рейтингом России, Беларуси и Казахстана по развитию логистики. Следовательно, в условиях принятого руководством стран Таможенного союза курса на развитие логистической отрасли потребность в логистах будет возрастать. В настоящее время спрос на дипломированных логистов в странах Таможенного союза превышает предложение.

Следует отметить, что Беларусь не является участником Болонского процесса. В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З высшее образование состоит из двух ступеней — специалитет (4–5 лет) и магистратура (1–2 года). К послевузовскому образованию относятся аспирантура и докторанттура [4].

Начало подготовки дипломированных логистов в Республике Беларусь связано с открытием в 2005 г. специальности 1-26 02 05 «Логистика». Достаточно новая для рынка образовательных услуг, она отличается высокой востребованностью выпускников, престижностью профессии и максимальной практической направленностью процесса обучения. Обучение по данной специальности предполагает освоение знаний, умений и навыков в областях: микроэкономика, макроэкономика, управление запасами и затратами, складирование и грузопереработка, управление цепями поставок, информационное обеспечение логистики, администрирование логистических систем и др. Срок подготовки по специальности составляет 4 года, по окончании университета специалист получает высшее профессиональное образование, профессиональную квалификацию «Логистик-экономист». Перечень первичных должностей, предусмотренных в Общегосударственном классификаторе Республики Беларусь ОКРБ 011-2009 «Специальности и квалификации» по данной специальности, составляют: «Логистик», «Экономист», «Агент торговый», «Маркетолог», «Экономист по материально-техническому снабжению», «Экономист по сбыту» [5].

В настоящее время подготовку специалистов по специальности 1-26 02 05 «Логистика» осуществляют: с 2005 г.— Белорусский государственный экономический университет; с 2009 г.— Институт бизнеса и менеджмента технологий Белорусского государственного университета, Международный университет «МИТСО» и его филиалы в Витебске и Гомеле, Полоцкий государственный университет, Белорусский торгово-экономический университет потребкооперации [6, с. 202].

Строительство сети транспортно-логистических центров, создание необходимой логистической инфраструктуры и более активное включение Беларуси в систему европейского транзита потребовали открытия в 2009 г. новой специальности 1-27 02 01 «Транспортная логистика» (со специализациями «Автомобильный транспорт» и «Железнодорожный транспорт»). Она предусматривает получение квалификации специалиста «Инженер-экономист. Логист». Уход в инженерную сферу негативно повлиял на учебный план данной специальности, которая предполагает изучение достаточно большого количества технических дисциплин в ущерб дисциплинам специальности и специализации (вузовский компонент). Транспортная логистика является подсистемой общей системы логистики, и ее содержание следует раскрыть в вузовском компоненте. Перечень первичных должностей, предусмотренных Общегосударственным классификатором Республики Беларусь ОКРБ 011-2009 «Специальности и квалификации» по данной специальности: «Логистик», «Инженер по организации перевозок», «Экспедитор транспортный» [5].

Подготовку специалистов по специальности 1-27 02 01 «Транспортная логистика» по специализации «Автомобильный транспорт» осуществляют Белорусский национальный технический университет (с 2009 г.); Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (с 2011 г.); по специализации «Железнодорожный транспорт» — Белорусский государственный университет транспорта (с 2011 г.) [7, с. 324].

В Беларуси развита и система переподготовки кадров по логистике. Общегосударственным классификатором Республики Беларусь ОКРБ 011-2009 «Специальности и квалификации» предусмотрена специальность переподготовки 1-26 02 85 «Логистика» с присвоением квалификации «Специалист по логистике» [4] и сроком подготовки по заочной форме обучения 18 месяцев. Профессиональная переподготовка специалистов на базе высшего образования по специальности 1-26 02 85 «Логистика» осуществляется Институтом бизнеса и менеджмента технологий Белорусского государственного университета, Международным университетом «МИТСО», Белорусским национальным техническим университетом, Гродненским государственным университетом имени Янки Купалы, Белорусским торгово-экономическим университетом потребкооперации и другими учреждениями образования [7, с. 325].

Таким образом, Республика Беларусь демонстрирует «классическую» модель логистического образования: четкое разделение общей системы логистики (специальность «Логистика») и ее подсистем (специальность «Транспортная логистика»), отсутствие подготовки узкоспециализированных специалистов в области логистики, например в сфере складской логистики, управления запасами и др.

Важно отметить, что Россия (с 2003) и Казахстан (с 2010) являются участниками Болонского процесса и их системы высшего образования соответствуют основным положениям Болонской декларации — осуществлен переход к системе «бакалавр — магистр». Послевузовское образование в Казахстане представлено докторантурой, в России, как и в Беларуси, сохранена система «аспирантура — докторантура».

В Республике Казахстан 01.09.2009 г. был принят новый классификатор специальностей высшего и послевузовского образования, в рамках которого введена новая специальность 5B090900 «Логистика (по отраслям)» [8], открытая одновременно в бакалавриате, магистратуре и докторантуре. До введения нового классификатора специальности «Логистика» не было, в рамках базовых экономических специальностей существовали отдельные специализации, которые лишь косвенно указывали на логистику. Фактически подготовка бакалавров-логистов в Казахстане была начата с 2010 г., с момента утверждения «Руководства по специальности 5B090900 «Логистика».

Выпускнику бакалавриата по специальности «Логистика (по отраслям)» присуждается академическая степень «Бакалавр логистики». Сферой профессиональной деятельности бакалавра специальности «Логистика (по отраслям)» являются транспорт, сельское хозяйство и др.

В соответствии с «Квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и других служащих», утвержденным приказом министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 22.11.2002 г., № 273-П (с изм. и доп.), бакалавры логистики (по отраслям) могут занимать должности менеджера по логистике, логиста, специалиста по логистике, тарификатора, менеджера склада, экспедитора, координатора отдела логистики, ассистента отдела логистики [9, с. 209]. После успеш-

ного освоения образовательной программы выпускники имеют возможность продолжить обучение в магистратуре. Срок обучения в бакалавриате 4 года, в магистратуре — 1–2 года, в докторантуре — 3 года.

В Республике Казахстан подготовку логистов (бакалавриат) ведут Казахский национальный аграрный университет, Казахский национальный технический университет имени К. Сатпаева, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Кызылординский государственный университет имени Коркытата, Казахская академия транспорта и коммуникаций имени М. Тынышпаева, Международная академия бизнеса, Костанайский инженерно-педагогический университет, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза [10].

Россия располагает значительным опытом подготовки дипломированных логистов. Начало подготовки связано с утверждением Министерством образования РФ в 2000 г. нового образовательного стандарта специальности 062200 «Логистика» и ее открытием в качестве эксперимента в семи вузах [11, с. 11]. Ведущим считается Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ранее назывался Государственный университет «Высшая школа экономики»). Здесь были разработаны первые стандарты по образованию в области логистики и примерные программы по основным профессиональным дисциплинам; преподаватели подготовили и апробировали лекционные курсы и практические занятия, кейсы и контрольные тесты, стали авторами первых отечественных учебников. В 2006 г. специальность 062200 «Логистика» была трансформирована в специальность 080506 «Логистика и управление цепями поставок», по которой был разработан образовательный стандарт.

В 2012 г. Министерством образования и науки Российской Федерации принято решение ликвидировать специальность 080506 «Логистика и управление цепями поставок» и трансформировать ее в профиль подготовки бакалавров направления «Менеджмент». По сути, данные изменения трансформируют подготовку логистов в подготовку менеджеров по логистике (менеджеров по транспортной, складской логистике и т. д.). Такая трансформация ухудшит положение с подготовкой логистов, серьезный дефицит которых испытывает современная экономика России. Необходимо открытие нового, отдельного от менеджмента направления подготовки бакалавров и магистров «Логистика и управление цепями поставок». Опыт Беларуси и Казахстана, в которых специальность «Логистика» выделена в отдельное направление, свидетельствует, что наличие отдельной специальности подготовки полноценных логистов необходимо для качественной подготовки современных логистов в связи с принятым руковод-

ством данных стран курсом на развитие логистической отрасли. В Беларуси и Казахстане направление подготовки «Менеджмент» (1-26 02 02 «Менеджмент» и 5B050700 «Менеджмент» соответственно) не подчиняет логистику, отсутствуют и специализации, связанные с логистикой в рамках указанного направления.

Развитие Таможенного союза, последующая его трансформация в Единое экономическое пространство и возможность присоединения новых членов (Киргизстана, Туркменистана, Украины) обусловят востребованность специалистов прежде всего в области транспортной и международной логистики.

Перспективой развития профессиональной подготовки в области логистики в Республике Беларусь, не вступившей в Болонский процесс, может стать открытие специальности «Логистика» в магистратуре и аспирантуре. Следует отметить, что специальность 1-26 02 05 «Логистика» пока не предусматривает наличие специализаций, а в будущем целесообразно открытие специализаций «Складская логистика», «Управление запасами», «Международная логистика». Создание специализаций «Воздушный транспорт», «Водный транспорт» перспективно в рамках специальности 1-27 02 01 «Транспортная логистика».

Республике Казахстан, которая начала полноценную подготовку логистов значительно позже других стран Таможенного союза, следует четко ориентироваться на подготовку логистов в соответствии со спросом реального сектора экономики. В связи с принятием решения Правительством Республики Казахстан о строительстве за предстоящие 10 лет не менее 5 крупных и 15 средних транспортно-логистических центров класса «А» в городах, крупных складских комплексов на пограничных переходах, можно отметить, что наибольшим спросом в Казахстане будут пользоваться специалисты в области складской, транспортной и международной логистики.

Высшая школа России не может существовать без отдельного направления подготовки логистов, что подтверждается наличием квалифицированных кадров в ведущих вузах страны, качественных учебных пособий по логистике и возрастающим спросом на дипломированных логистов. В данном случае целесообразно ориентироваться не на подготовку менеджеров по логистике (в рамках специальности «Менеджмент»), а на подготовку полноценных логистов (в рамках отдельного направления), большой дефицит которых испытывает современная экономика России.

Таким образом, подготовка квалифицированных кадров в области логистики будет способствовать развитию логистической отрасли и позволит вывести экономику стран Таможенного союза на качественно новый уровень и поднять мировой рейтинг России, Беларуси и Казахстана по развитию логистики.

Список использованных источников

1. О программе развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2015 года: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 авг. 2008 г., № 1249: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 23 дек. 2011 г. № 1729 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.
2. Титюхин, Н. Терминално-складская инфраструктура Республики Казахстан / Н. Титюхин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ctcs.kz/ru/informaciya/stati/podrobno/ArticleId/229.aspx>. — Дата доступа: 16.03.2012.
3. Ерошев, С.М. Тенденции развития логистических центров в Российской Федерации / С.М. Ерошев // Логистика и управление цепями поставок. — 2011. — № 6 (47). — С. 22–30.

-
4. Кодекс Республики Беларусь об образовании, 13 янв. 2011 г., № 243-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 дек. 2011 г. № 325-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.
 5. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 011-2009 «Специальности и квалификации» / ГУ «Республиканский институт высшей школы». — Минск : Госстандарт, 2010. — 502 с.
 6. Курочкин, Д.В. Логистическое образование и его необходимость в современном обществе / Д.В. Курочкин // Новые материалы, оборудование и технологии в промышленности : материалы междунар. науч.-техн. конф. молод. ученых, Могилев, 18–19 нояб. 2010 г. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во образования и науки Рос. Федерации, Белорус.-Рос. уч-т; редактор: И.С. Сазонов (глав. ред.) [и др.]. — Могилев : Белорус.-Рос. уч-т, 2010. — С. 202.
 7. Курочкин, Д.В. Специальность «Логистика» и ее востребованность в регионе / Д.В. Курочкин // Материалы научно-методической конференции преподавателей и сотрудников по итогам научно-исследовательской работы в 2010 г. (3–4 февр. 2011 г.) / под ред. А.В. Иванова. — Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. — С. 324–325.
 8. Государственный классификатор Республики Казахстан. Классификатор специальностей высшего и послевузовского образования Республики Казахстан, введен с 01.09.2009 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://edu.gov.kz/fileadmin/user_upload/images/files/Klassifikator555.doc. — Дата доступа: 16.03.2012.
 9. Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих: утвержден приказом Министра труда и социальной защиты населения Респ. Казахстан от 22.11.2002 г. № 273-П (с изм. и доп.). — Астана : Лем, 2009. — 340 с.
 - 10 Государственный образовательный заказ на подготовку специалистов с высшим образованием на 2011/2012 учебный год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://uchi.kz/dokumenty>. — Дата доступа: 16.03.2012.
 11. Логистика : учебник / В.В. Дыбская [и др.]; под ред. В.И. Сергеева. — М. : Эксмо, 2011. — 944 с.
-

УДК 338.24

И. В. Марахина

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Показывается значимость работы со знаниями в постиндустриальном обществе. Приводятся два подхода к определению понятия «знание». Указываются отличия знаний, которые обуславливают иные подходы в работе с ними и обосновывают актуальность появления управления знаниями. Раскрыты сущность, особенности, практическая значимость и требования к управлению знаниями. Выявлены причины низкой активности внедрения системы управления знаниями в белорусских организациях и предложены меры по повышению такой активности.

The importance of work with knowledge in post-industrial society is shown. Two approaches are given to definition of "knowledge". Differences of knowledge which cause other approaches in work with them are specified and prove an urgency of emergence of a management of knowledge. The essence, features, the practical importance and requirements to a management of knowledge are opened. The reasons of low activity of introduction of a control system by knowledge in the Belarusian organizations are established and measures for increasing of such activity are offered.

В постиндустриальной экономике для организаций все большее значение приобретает эффективность работы со знаниями. Г. В. Бережнов полагает, что именно знание управляет возможностями предприятия, а интеллектуальные ресурсы ценятся выше материальных. В этих условиях управление материальными активами отходит на второй план, а предприятие должно концентрироваться на формировании внутренних дополнительных активов знаний [1, с. 5]. Изменяются подходы к бизнесу. Так, «3М» называет себя компанией по производству знаний. Компания «ИБМ» создает не только вычислительную технику, но и комплексы по выработке решений в промышленности. Компания «Стайлкейс» («Steelcase»), которая производит кабинетское оборудование, отмечает, что она продает знания [2, с. 125].

Анализ литературных источников позволяет выделить два основных подхода к определению знания. Первый подход рассматривает знание как отраженную в сознании, осмыщенную информацию, используемую для решения задач; оно относится только к человеку и вне его сознания не существует. Второй подход, более широкий, применим, когда речь

идет об организации или экономике, к знанию относят технологии, методики стратегии и цели, открытия и изобретения, которые отчуждены от человека и представлены в формализированном виде. Так, О. К. Тихомиров отмечает, что знания могут выступать в двух формах: как компонент индивидуальной психики; как компонент общественного, то есть надындивидуального опыта [3]. При этом подходе знание, в отличие от информации и данных, конструктивно и определенно, является основой для успешного действия, может быть использовано для решения теоретических и практических задач, имеет обобщенный характер. «В научном понимании знание — это селективная, упорядоченная, определенным способом полученная, в соответствии с какими-либо критериями оформленная информация, имеющая социальное значение и признаваемая в качестве именно знания определенными субъектами и обществом в целом» [4, с. 21].

В таблице 1 представлены отличия знаний (и нематериальных ресурсов в целом) от прочих ресурсов.

Таблица 1

Различия между нематериальными и материальными ресурсами [5, с. 14–17; 6; 7, с. 324]

Параметры	Знания	Физические ресурсы (материальные)
Открытость	Использование одним участником не мешает использованию другим	Использование одним участником не дает возможности одновременного использования другим
Амортизация	Не «изнашиваются», но обычно рано устаревают	Изнашиваются, могут устаревать быстро и медленно
Стоимость передачи	Трудно рассчитать (растет с увеличением доли неявного знания)	Легко рассчитать (зависит от стоимости транспортировки и всего, что с этим связано)
Применение положений прав собственности	Относительно трудно	Относительно легко
Измерение	Трудно измерить	Легко измерить
Предельная полезность	Возрастающая, сетевые эффекты	Убывающая
Затраты на тиражирование	Низкие	Высокие
Ограниченнность	Неограниченные	Ограниченные
Изменение в процессе использования	Увеличиваются	Уменьшаются

Названные отличия определяют иные подходы в работе со знаниями и обусловили необходимость появления управления знаниями.

Понятие «управление знаниями» (knowledge management) введено в 1986 г. К. Вигом, который использовал этот термин в докладе на конференции в Швейцарии. К настоящему времени предложено множество определений такого понятия. В целом они сводятся к пониманию управления знаниями как комплекса стратегий, процессов и технологий определения потребности в знаниях; выявления (поиска) и получения (сбора); создания; оценки, формализации; обработки; распределения и распространения («нужным людям в нужное время»), защиты, сохранения и обновления; использования (внутри организации — инновационный процесс, развитие организации, деятельность в соответствии со знанием и вне — коммерциализация) знаний (информационных ресурсов). В управление знаниями также включают выработку общей стратегии бизнеса, распространение передового опыта, обучение персонала, получение знаний о клиентах, управление интеллектуальными ресурсами, инновации [8, с. 15].

Следует отметить, что термин «управление знаниями» является неоднозначным и в недостаточной мере отражает сущность рассматриваемого явления. К. Эльбрехт полагает, что необходимо управлять не знаниями, а обстоятельствами, при которых знание будет процветать, создавать соответствующую культуру [9]. Г. Клименски также пишет о рамочном или контекстном управлении, которое подразумевает косвенное влияние на знания, включающее создание более благоприятных рамочных условий и определение «желаемой траектории» преимущественно с помощью стратегических целей и философии фирмы [10]. Такие обстоятельства включают и мотивацию, и образование, и инфраструктуру. Понятие «управление знаниями» активно употребляется и в научной литературе. Вышеизложенное свидетельствует, что актуальным является определение, предложенное М. К. Мариничевой, рассматривающей управление знаниями как «создание организационных, технологических и коммуникационных условий, при которых знания и информация будут способствовать

решению стратегических и тактических задач организации» [11, с. 19].

Обратим внимание на неоднозначность и широту толкования понятия «управление знаниями» и составляющих его процессов. Так, сотрудники зачастую осуществляют оценку и определение потребности в знаниях, выявление знаний, создание, формализацию, распространение, защиту, сохранение и обновление, использование знаний в своей деятельности. «Вместе с тем систематическое «общение» со знаниями на многих предприятиях ограничено: знания, конечно, приобретаются, распространяются, в том числе и по каналам неформальных коммуникаций, но это не управление знаниями» [12, с. 140–141]. Поэтому нами были выделены требования, позволяющие говорить об управлении знаниями в организации [13].

1. Управление включает планирование, организацию, мотивацию, координацию и контроль. Для управления знаниями на уровне организации речь идет о реализации этих действий. Определяются цели, задачи, стратегия и методы работы со знаниями, назначаются ответственные за регулярный мониторинг,дается оценка процессов управления знаниями и их совершенствование.

2. Одним из принципов работы организации является распределение и специализация функций, разделение труда. Применительно к управлению знаниями это означает, что в организации выделяются подразделения, обладающие правами, обязанностями и ответственностью за процессы управления знаниями. В организации, как правило, должны работать специалисты, основная задача которых — обеспечить развитие и эффективное функционирование системы управления знаниями в организации. В ряде западных компаний для разработки и реализации стратегии управления знаниями вводится должность директора по управлению знаниями. У. Букович и Р. Уилльямс для организации системы управления знаниями предлагают такие должности, как информационный координатор, информационный менеджер, информационный эксперт [14, с. 270–273]. К. Джанетто и Э. Уилер — должности директора, менеджера, координатора, анали-

тика (специалиста) и администратора по управлению знаниями [15, с. 94–102].

3. Управление знаниями направлено на все известные знания и информационные ресурсы организации, а также на постоянное их пополнение.

4. Управление знаниями — это целенаправленный и осознанный процесс. Как правило, сотрудники могут идентифицировать управление знаниями, понимают значение этого термина и сами активно участвуют в управлении знаниями.

5. Активно осуществляется работа с метазнаниями — знаниями второго уровня или знаниями о том, как обращаться с ресурсом знания. Р. Г. Клименски отмечает, что такие знания — это центральная область темы управления знаниями [10].

6. В настоящее время выработан комплекс действий, позволяющий наиболее полно и эффективно реализовать каждый процесс управления знаниями. Такой комплекс определяет инструментарий управления знаниями.

Следует отметить практическую направленность управления знаниями, характеризующуюся преобразованием знаний в материальные ценности, прибыль. В целом основными стратегическими целями управления знаниями являются: повышение способности организации к инновациям (в том числе координации совместной умственной деятельности сотрудников всех филиалов организации); организационной восприимчивости (скорости реагирования); эффективности; компетентности сотрудников [8, л. 47–48], конкурентоспособности организации.

Совокупность взаимодействующих и взаимозависимых элементов, относящихся к управлению знаниями (процессов, баз данных, программного обеспечения, организационных структур и пр.), обеспечивающая достижение поставленных целей, получила название системы управления знаниями [16]. Эффективность внедрения системы управления знаниями доказана практически. Так, для компании «Ксерокс» («Xerox») экономия за счет управления знаниями составила 100 млн долл., а для предприятий «Форд» («Ford») — более 300 млн долл. [17, с. 19–20]. Страховая компания «Сигма Корпорэйшнс» (Sigma Corporation) за счет основанных на знании решениях, в частности введения системы управления знаниями, в 1995 г. смогла получить прибыль в размере 87 млн долл., а в следующем году — 160 млн долл., хотя в 1993 г. она считалась убыточным предприятием. Чистый дисконтированный доход внедрения системы управления знаниями на ОАО «МЛЗ» составил 63,069 тыс. российских рублей при первоначальных инвестициях 1 020,645 тыс. российских рублей, срок окупаемости — 2,81 года [18]. За счет внедрения механизма управления знаниями в деятельность ООО «Димитровградский инструментальный завод» и ОАО «Автодеталь-Сервис» обеспечено снижение текучести кадров почти в три раза и рост прибыли почти на 70 % [19].

В Республике Беларусь внедрением системы управления знаниями занимается мало организаций. В 2010 г. в соответствии со статистическими данны-

ми внедрение корпоративной системы управления знаниями, относимое к организационным инновациям, осуществило только 9 организаций промышленности, связи и деятельности, связанной с вычислительной техникой (табл. 2). Е. В. Воронцов отмечает, что «на отечественных предприятиях должность по управлению знаниями фактически отсутствует, а службы управления персоналом, равно как и технические службы, не считают функцию управления знаниями обязательной» [20, с. 155]. В проведенном нами в 2010 г. исследовании из 43 отечественных организаций только 21 % указали, что у них внедрена система управления знаниями. При этом в 74 % опрошенных организаций отметили, что управление знаниями необходимо в их деятельности всегда или в большинстве случаев.

Таблица 2

Данные о белорусских организациях, которые осуществляли организационные инновации в 2010 г. [21]

Организации, которые проводили инновации	Организации промышленности	Организации связи и деятельности, связанной с вычислительной техникой
Всего организаций, которые осуществляли организационные инновации	92	11
Из них проводили внедрение корпоративных систем управления знаниями	8	1

Низкая активность внедрения системы управления знаниями обусловлена рядом причин.

1. Отношение к интеллектуальным ресурсам по сравнению с материальными, как к второстепенным. Как правило, в организациях Республики Беларусь знания не воспринимаются как ключевой ресурс. Предприятия характеризуются низкой информированностью о рынках научно-технической продукции, тенденциях их изменений, потенциальном спросе. Руководители не рассматривают информированность как условие инновационной активности [22, с. 99]. В настоящее время на предприятиях реализуется лишь 10–15 % всех рационализаторских предложений, в то время как в мире этот показатель достигает более 40 % [23, с. 178]. В индустриально развитых странах 80 % промышленного экспорта защищены патентами, в Беларусь — около 5 %. Из всего количества создаваемых изобретений за границей патентуется в год не более 100–120 [24, с. 109].

В белорусских организациях в недостаточной степени присутствует понимание сущности, принципов и выгод использования и развития интеллектуального потенциала. Такое положение получило отражение в невысоком уровне мотивации, в недостаточном внимании к формированию условий деятельности сотрудников. Если на отечественных предприятиях задача кадровых служб — это качественное исполнение функций по учету кадров и делопроизводству, то за рубежом — максимальное использование кадрового потенциала работника [25, л. 68–69].

В организациях недостаточное внимание уделяется обучению сотрудников, а значит, развитию их интеллектуального потенциала.

2. Преобладание в белорусских организациях, как и в большинстве российских, деятельности группы «А» (изготовление конкретных изделий или предоставление услуг). Но для них вторичны функции группы «В» (неосновная деятельность, направленная на улучшение основных функций группы «А») и группы «С» (деятельность, направленная на совершенствование функций группы «В») [26].

3. Пассивность организаций и их нежелание меняться. «Большая часть государственных или с государственной долей собственности предприятий слабо представляют направления модернизации и проявляют малый интерес к ее осуществлению. Об этом говорит низкое качество бизнес-планов и неосвоенность открытых кредитных линий и инвестиционных фондов» [27, с. 10]. Отмечается пассивность руководства, боязнь брать ответственность и идти на риск, неактивное отношение организации к окружению и собственным структурам, отсутствие стратегического мышления [28, с. 85; 29, с. 16].

4. Низкий уровень осведомленности о сущности и эффективности управления знаниями; практически полное отсутствие опытных специалистов в этой области. В стране только узкий круг

ученых занимается вопросами управления знаниями и публикуется по ним. Лишь в отдельных образовательных учреждениях в учебные курсы включаются темы по управлению знаниями.

5. Неопределенность смыслового наполнения термина «управление знаниями» и многогранность этого понятия создают фактор риска его внедрения. Данная причина, полагает М. К. Мариничева, приводит к непониманию сущности управления знаниями, решаемых им задач, не позволяет установить параметры для оценки эффективности таких процессов [11, с. 29–30].

Активизация внедрения управления знаниями в белорусские организации связана с решением выделенных проблем. С этой целью целесообразно:

- введение предметов и тем по управлению знаниями в учебные курсы в высших и средних учебных заведениях;
- проведение научно-исследовательских работ, направленных на изучение теории и практики формирования систем управления знаниями в организациях;
- организация информационной и пропагандистской работы о сущности и эффективности управления знаниями;
- создание благоприятных условий для формирования систем управления знаниями в белорусских организациях.

Список использованных источников

1. Бережнов, Г.В. Знать и уметь / Г.В. Бережнов // Креативная экономика. — 2008. — № 1. — С. 4–10.
2. Интеллектуальный капитал — стратегический потенциал организации : учеб. пособие / П.В. Беспалов [и др.]; под общ. ред. А.Л. Гапоненко, Т.М. Орловой. — М. : Социальные отношения, 2003. — 177 с.
3. Тихомиров, О.К. Психология мышления : учеб. пособие / О.К. Тихомиров. — М. : Академия, 2002. — 288 с.
4. Якимахо, А.П. Управление объектами интеллектуальной собственности : учеб. пособие / А.П. Якимахо, Г.И. Олехович. — Минск : ГИУСТ БГУ, 2006. — 335 с.
5. Гапоненко, А.Л. Управление знаниями. Как превратить знания в капитал / А.Л. Гапоненко, Т.М. Орлова. — М. : ЭКСМО, 2008. — 400 с.
6. Драчева, Е.А. Эффективная информация и управление знаниями внутри организации / Е.А. Драчева, П.С. Селезнев // Менеджмент в России и за рубежом. — 2004. — № 6. — С. 12–22.
7. Мильнер, Б.З. Теория организаций : учебник / Б.З. Мильнер. — 6-е изд. — М. : Инфра-М, 2008. — 797 с.
8. Синяева, О.Ю. Управление формированием и развитием интеллектуальной организации в сфере бизнеса : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / О.Ю. Синяева. — М., 2007. — 171 с.
9. Albrecht, K. Organizational Intelligence and Knowledge Management: Thinking Outside the Silos / K. Albrecht // Karl Albrecht [Electronic resource]. — 2003. — Mode of access: <http://www.karlalbrecht.com>. — Date of access: 10.10.2009.
10. Klimecki, R.G. Wissensmanagement — Wege zur intelligenten Organisation / R.G. Klimecki [Electronic resource]. — 2000. — Mode of access: http://www.ub.uni-konstanz.de/v13/volltexte/2000/431/pdf/431_1.pdf. — Date of access: 01.03.2006.
11. Мариничева, М.К. Управление знаниями на 100 %. Путеводитель для практиков / М.К. Мариничева. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. — 320 с.
12. Беляцкий, Н.П. Управление человеческими ресурсами (HRM) : учеб. пособие / Н.П. Беляцкий. — Минск : ФУАИФорм, 2006. — 320 с.
13. Марахина, И.В. Интеллектуальная организация как активный элемент национальной инновационной системы / И.В. Марахина // Наука и инновации. — 2012. — № 2. — С. 31–34.
14. Букович, У. Управление знаниями : руководство к действию / У. Букович, Р. Уильямс. — М. : ИНФРА-М, 2002. — 504 с.
15. Джанетто, К. Управление знаниями. Руководство по разработке и внедрению корпоративной стратегии управления знаниями / К. Джанетто, Э. Уилер. — М. : Добрая книга, 2005. — 192 с.
16. Вишняков, В.А. Интеллектуальные системы в управлении : учеб.-метод. комплекс / В.А. Вишняков. — Минск : Изд-во МИУ, 2010. — 363 с.
17. Стюарт, Т.А. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / Т.А. Стюарт. — М. : Поколение, 2007. — 368 с.
18. Можаровская, А.А. Повышение конкурентоспособности промышленных предприятий на основе формирования интеллектуального управления знаниями сотрудниками : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / А.А. Можаровская. — М., 2006. — 178 с.
19. Полякова, Ю.Н. Формирование управления знаниями персонала предприятия в условиях информационной экономики : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Ю.Н. Полякова. — Ульяновск, 2007. — 146 с.
20. Воронцов, Е.В. Трансформация информации в знание / Е.В. Воронцов // Новая экономика. — 2009. — № 9–10. — С. 147–158.
21. Об инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2010 году / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2011. — 75 с.

-
22. Государственное управление инновационной деятельностью. Курс лекций / авт.-сост. М.В. Мясникович, Н.Б. Антонова, Л.Н. Нехорошева. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. — 251 с.
23. Байнев, В.Ф. Значение и задачи прогнозирования и планирования научно-технического прогресса в условиях формирования инновационной экономики / В.Ф. Байнев // Гос. регулирование переходной экономики / С.А. Пелих [и др.]; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; под общ. ред. С.А. Пелиха. — Минск : Право и экономика, 2008. — Гл. 7. — С. 173–204.
24. Мясникович, М.В. Республика Беларусь на пути к новой экономике / М.В. Мясникович. — Минск : Беларус. наука, 2009. — 292 с.
25. Рудак, И.К. Организационно-методическое обеспечение развития системы управления персоналом на предприятиях Республики Беларусь : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / И.К. Рудак. — Минск, 2008. — 232 л.
26. Управление знаниями — одна из основных концепций управления // БИГ-Петербург [Электронный ресурс]. — 2001–2010. — Режим доступа: <http://www.big.spb.ru>. — Дата доступа: 20.10.2010.
27. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2007 года. Аналитический доклад / Гос. комитет по науке и технологиям Респ. Беларусь; А.Н. Коршунов [и др.]; под общ. ред. В.Е. Матюшкова [и др.]. — Минск : БелИСА, 2008. — 308 с.
28. Сачук, Т.Г. Анализ и оценка инновационной деятельности предприятий Республики Беларусь / Т.Г. Сачук // Инновационное развитие звеньев экономики : монография / А.А. Быков [и др.]; под ред. А.А. Быкова, М.И. Ноздрина-Плотницкого. — Минск : Мисанта, 2009. — С. 84–94.
29. Кочетов, Н.В. Инновационное развитие и динамика инновационного мышления / Н.В. Кочетов // Новая экономика. — 2009. — № 7–8. — С. 13–19.

17.04.2012

УДК 339.138

А. А. Чебоганов

ПРОМЫШЛЕННЫЙ МАРКЕТИНГ: ГЕНЕЗИС, ОСОБЕННОСТИ, ОТЛИЧИЯ ОТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО МАРКЕТИНГА

Анализируется эволюция теории маркетинга. Определяются особенности промышленного маркетинга через выявление различий между промышленным и потребительским маркетингом. Формируется парадигма промышленного маркетинга, делается вывод об ориентации промышленного маркетинга на решение конкретных хозяйственных ситуаций.

Evolution of the theory of marketing is analyzed. Features of industrial marketing are defined by detection of distinctions between industrial and consumer marketing. The paradigm of industrial marketing is formed, the conclusion about orientation of industrial marketing to the solution of concrete economic situations is drawn.

Предпосылки маркетинга как самостоятельной теории начали формироваться в начале XX в. В 1901 г. в США был опубликован отчет промышленной комиссии по продажам сельскохозяйственной продукции с анализом рынка [1, с. 13]. В 1920–1930-е гг. развиваются функциональный, институциональный и товарный подходы, предусматривающие изучение экономического аспекта маркетинга. В 30-е гг. в трудах европейских экономистов формируется «отношенческий» аспект. В 50-е гг. в трудах ученых США среди основных функций маркетинга (ценовая, сбытовая, пропаганда, распределения) выделяется контактная, в рамках которой компании развивают и поддерживают отношения, что способствовало его системной гибкости и адаптивности [там же]. В середине ХХ в. традиционные подходы теории маркетинга перестали соответствовать потребностям практики, что привело к созданию концепции «Marketing-mix» («4Р»). К 1960-м гг. знания маркетинга сформировались в самостоятельную научную теорию, основным направлением исследования которой становится изучение взаимоотношений между компаниями и конечными потребителями.

В 70–80-е гг., с усилением конкуренции на промышленных рынках, пересматриваются принципы и

методы управления. Значимый вклад в развитие маркетинга внесли исследователи промышленных рынков, которые выявили тенденцию к формированию и развитию длительных отношений с ключевыми партнерами [1, с. 18]. Активно внедряются в теорию маркетинга достижения социально-психологических наук, увеличивается интерес к стратегическому планированию и управлению. В 80–90-е гг. формируется новый подход, согласно которому долгосрочные взаимоотношения между компаниями являются приоритетными. Приоритет получают такие неэкономические категории, как доверие, приверженность, взаимоотношения, ценность.

Современный маркетинг позволяет любой организации разрабатывать, продвигать и доставлять товары и услуги потребителям или клиентам. Он ориентирован на клиента и в значительной степени на долгосрочную перспективу. В соответствии с маркетинговой концепцией основная задача любой коммерческой организации — повышение удовлетворенности клиента. **Маркетинг** можно определить как *знание клиентов и их проблем, поиск новых решений этих проблем и доведение информации до точно выявленного целевого сегмента* [2, с. 13].

Промышленные рынки характеризуются жесткой конкуренцией, что обусловлено глобализацией бизнеса, стремительным развитием информационных технологий, совершенствованием производственных процессов. В новых условиях ведения бизнеса, когда успех промышленной компании во многом зависит от эффективности ее взаимодействия с бизнес-партнерами, применение традиционного маркетингового инструментария существенно ограничено, что диктует необходимость пересмотра базовых маркетинговых концепций и разработки новых подходов в маркетинге, ориентированных на формирование и поддержание долгосрочных взаимоотношений с бизнес-партнерами [1, с. 5]. Таким образом, маркетинг достиг такого этапа своего развития, на котором можно принять самостоятельную профессиональную парадигму его применения на промышленных рынках.

В широком понимании парадигма (гр. *paradeigma* — пример, образец) — ключевая идея, лежащая в основе построения концепции; исходная позиция (понятие, модель) в постановке проблем, их объяснении и решении; пример из истории, взятый для доказательства, сравнения [3]. Профессиональ-

ные парадигмы дают возможность практикам концептуализировать природу своего предмета изучения, уяснить практику в этом контексте и отличить свою профессию от других (или подразделов в рамках данной профессии). Подобные парадигмы возникают исторически, с развитием конкретной области человеческой деятельности [4, с. 20].

Промышленный маркетинг — это продажа товаров и услуг промышленным и институциональным клиентам. К ним относятся компании-производители, правительственные учреждения, коммунальные предприятия, образовательные и медицинские учреждения, оптовые и розничные продавцы, а также другие организации. **Потребительский маркетинг** — это продажа отдельным людям, семьям и домашним хозяйствам, покупающим товары и услуги для собственного потребления. Отличительной особенностью промышленных и институциональных клиентов является то, что покупатели используют приобретенные товары и услуги для производства собственных товаров и услуг [2, с. 16]. Потребительский маркетинг ориентирован на конечного потребителя, а промышленный — на конкретные хозяйствственные практические ситуации (рис. 1).

Рис. 1. Различия между потребителями

На концептуальном уровне основополагающие принципы маркетинга применимы ко всем рынкам, где есть потребители, конкуренты и происходят перемены в окружении. Промышленный маркетинг отличается от потребительского главным образом спецификой и характером клиента, а не продукта [2, с. 21]. Реальные расхождения начинаются после ответа на вопрос: *Как эффективно удовлетворить потребности клиента?*

Границы парадигмы промышленного маркетинга можно определить по двум измерениям процесса маркетинга: силы, которые стимулируют компании развивать рынок и разрабатывать новые продукты; процессы, с помощью которых потребители принимают решения о покупках (рис. 2).

Представленные на рисунке 2 диаметрально противоположные ячейки «Техника и технология/Организация» и «Мода/Частное лицо» определяют базовые «области парадигмы» соответственно для

промышленного и потребительского маркетинга. Потребительская ячейка ориентируется на потребителя: его социально-демографические характеристики, особенности его образа жизни и т. п.

Промышленная ячейка «Техника и технология/Организация» должна ориентироваться на «конкретные хозяйственные (практические) ситуации, кейсы», что означает конкретную потребность, которую выявил промышленный потребитель, а также историю поисков определенного решения для нее. На рисунке 2 представлены две дополнительные ячейки: «Техника и технология/Частное лицо» и «Мода/Организация». Первая характеризуется большим разнообразием сделок (с домашними компьютерами, потребительской электроникой и т. п.), она не работает с кейсами; вторая — весьма низким разнообразием операций.

Важным представляется аргументировать тезис, что разработка продуктов на промышленном рынке

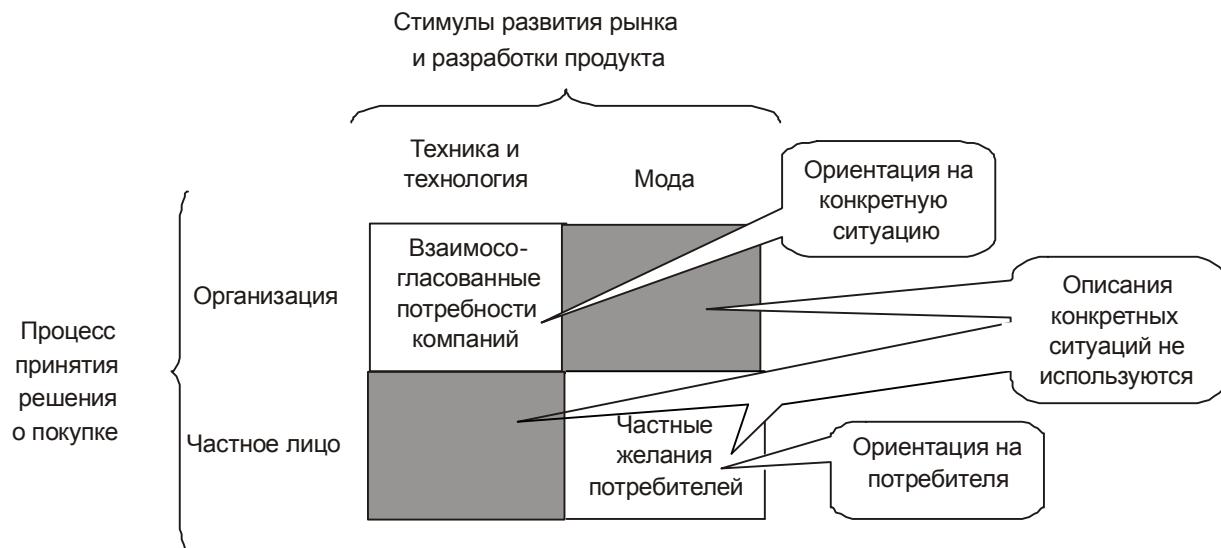

Рис. 2. Два измерения парадигмы [4, с. 21, рис. 1.2]

(промышленных продуктов) стимулируется техническим прогрессом, тогда как движущей силой развития и совершенствования продуктов на потребительском рынке (потребительских продуктов) выступают изменения тенденций моды. Соответствующие им группы потенциальных и существующих потребителей по-разному воспринимают продукт и по-разному ведут себя по отношению к нему [4, с. 23].

На рисунке 3 представлены различия в типичных местоположениях продуктов на рынке. На одном конце этого спектра прослеживается развитие технологий, на другом — мода. На разработку продукта влияет комплекс факторов, которые могут колебаться от чрезвычайно высокого «технологического» фактора на одном конце спектра до чрезвычайно высокого фактора «моды» на другом.

Рис. 3. Различия в типичных местоположениях продуктов на рынке [4, с. 24, рис. 1.4]

Идея использования спектра заключается в том, что конечные точки представляют идеальные типичные крайние ситуации: продукты в реальном мире всегда находятся между этими крайними точками [4, с. 23].

Рассмотрим положения продуктов вдоль данного спектра. Косметические товары могут располагаться очень близко к концу спектра «Мода». Их разработка стимулируется исключительно непредсказуе-

мыми личными предпочтениями. Маловероятно, что потребитель, делая свой выбор, будет вникать в техническую информацию об интересующем его продукте. В данном случае происходит влияние имиджа, создаваемого рекламой. Потребители продуктов, разработкой которых стимулируется модой, задают вопрос: *Соответствует ли данный продукт особенностям моего образа жизни, и в какой мере он будет доносить эти особенности до людей, мнение которых важно для меня?* [4, с. 28].

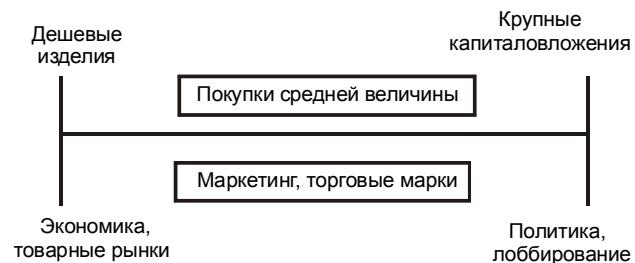

Рис. 4. Диапазон промышленных закупок [4, с. 22, рис. 1.3]

Важно также определить, что такая «величина промышленной закупки» (рис. 4). Очевидно, что диапазон промышленных закупок компаний достаточно широк и насчитывает от десятка винтиков до крупных стратегических инвестиций. Идея состоит в том, что основу эффективного промышленного маркетинга составляют так называемые закупки средней величины. На одном конце диапазона, где сконцентрированы простые в технологическом отношении, дешевые изделия, воспринимаемые покупателями как предметы потребления, значительное влияние на решение о покупке оказывает цена и известность, следовательно, в данном случае применимы базовые принципы экономики (например, соотношение спроса и предложения). На другом, где речь идет о крупных инвестициях (создание национальных телекоммуникационных систем и т. п.), преобладающее влияние на решения оказывают политические факторы.

Таким образом, диапазон эффективного промышленного маркетинга находится примерно посередине между этими крайними точками. В этом положении риск и неопределенность достаточно велики, чтобы использовать цену как основной критерий оценки, в то же время последствия решения не настолько глобальны для компании, чтобы серьезно влиять на компанию и связанные с ней группы людей. Это, по сути, территория «конкретной ситуации использования продукта», где все стороны, вовлеченные в соответствующую транзакцию, ведут между собой диалоги, направленные на принятие решения, и результатом становится конкретная ситуация из практики. Следовательно, именно здесь проявляется эффективность методов промышленного маркетинга, в процессе заключения сделок между компаниями [4, с. 22].

На противоположном конце спектра группа продуктов, которую можно разместить очень близко к идеально типичному, стимулируемому развитием технологии, концу, это станки и прочее обрабатывающее оборудование. Потенциальные потребители весьма заинтересованы в технической информации о соответствующем продукте и, как правило, пытаются найти оптимальный вариант соотношения цены и выгод, которые можно получить. Техническая информация о продукте позволяет потенциальному потребителю оценить достоверность утверждений поставщика этого продукта (рис. 5) [4, с. 25].

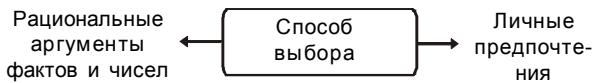

Рис. 5. Различия в способах выбора продукта

Выбор продукта осуществляется в рамках «идеологии рационального выбора», предполагающей публичное использование рациональных доводов, что не равно понятию «исключительно рациональные решения». Покупая технологические продукты, потребители желают иметь дело с фактами и числами, характеризующими эти продукты: выслушать рациональные мнения, касающиеся принципов действия и функциональных возможностей продуктов [2, с. 30]; сравнить интересующий их продукт с аналогичными продуктами фирм-конкурентов.

История технологий имеет поступательное движение, то есть для нее характерен линейный прогресс (рис. 6).

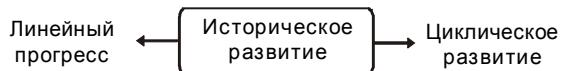

Рис 6. Рыночные стимулы разработки новых продуктов

Тенденции в моде приходят, уходят, иногда возвращаются. Учитывая это, важно знать, что развитие рынка и разработка продуктов для отдельных производителей «модных» продуктов должны стимулироваться четким отслеживанием производителями общественных тенденций. Разработка продуктов, стимулируемых технологией, должна быть привязана к открытиям в результате научных исследований (рис. 7).

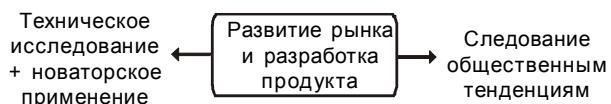

Рис. 7. Различия в разработке продуктов

Таким образом, маркетинговое искусство выступает главным источником значительного конкурентного преимущества для промышленных компаний. Промышленный маркетинг широко распространен в торгово-промышленной деятельности и значительно отличается от потребительского маркетинга. Различия обусловлены особенностями поведения потребителей.

Индивидуальный покупатель действует на рынке не с целью получения прибыли, а для удовлетворения личных потребностей. Он чаще всего принимает решения о покупке самостоятельно. Поэтому потребительский маркетинг ориентируется на усредненного покупателя, его социально-демографические характеристики, особенности его образа жизни, предпочтения и пр. В роли промышленных покупателей выступают организации, которые совершают покупки в зависимости от конкретных потребностей их бизнеса. В решениях, принимаемых в промышленном окружении, всегда участвуют группы людей. Следовательно, промышленный маркетинг ориентируется на решение конкретных хозяйственных ситуаций и проблем. На промышленном рынке разработка продуктов диктуется техническим прогрессом, на потребительском — изменениями тенденций моды.

Маркетинг продуктов, разработка которых стимулируется технологией, практически не знает границ. Причины: при маркетинге таких продуктов существует широкое поле для использования рациональных аргументов и количественной информации, которые не сковываются рамками конкретных этических, национальных или религиозных культур; на протяжении примерно двух последних столетий бизнес выработал так называемую идеологию рациональности. Это означает, что в процессе принятия решений в организациях предпочитают использовать «рациональную», «объективную» и в идеале количественную информацию [2, с. 35]. Указанные различия между потребительским и промышленным маркетингом важно учитывать в практической деятельности.

Список использованных источников

- Кущ, С.П. Маркетинг взаимоотношений на промышленных рынках / С.П. Кущ; Высш. шк. менеджмента СПбГУ. — 2-е изд. — СПб. : Изд-во «Высшая школа менеджмента»; Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. — 272 с.
- Уэбстер, Ф. Основы промышленного маркетинга / Фредерик Уэбстер. — М. : Изд. дом Гребенникова, 2005. — 416 с.
- Экономический словарь // Яндекс. Словари [Электронный ресурс]. — 2011. — Режим доступа: <http://www.slovarei.yandex.ru/~книги/Экономический словарь/Парадигма/>. — Дата доступа: 05.11.2011.
- Минетт, С. Маркетинг B2B и промышленный брендинг / Стив Минетт; пер. с англ. — М. : Изд. дом «Вильямс», 2008. — 208 с.

23.04.2012

УДК 346

С. С. Вабищевич

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРАВА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ВЕДЕНИЯ И ПРАВА ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Анализируются содержание и пределы осуществления правомочий, образующих право хозяйственного ведения и право оперативного управления как ограниченных вещных прав. Обосновывается правильность позиции, согласно которой закрепленное за учреждением «право самостоятельного распоряжения» доходами от предпринимательской деятельности и имуществом, приобретенным на такие доходы, рассматривается в качестве одного из правомочий, слагающих право оперативного управления учреждения.

The contents and limits of implementation of the competences forming the right of economic maintaining and the right of an operational management as the limited real rights are observed. Correctness of a position according to which assigned to establishment "the right of the independent order" of the income of business activity and the property acquired on such income is considered as one of the competences composing the right of an operational management of an establishment.

Право хозяйственного ведения и право оперативного управления с позиции классификации вещных прав относятся к группе наименее ограниченных субъективных прав на чужие вещи, состоящих из возможностей фактического владения, пользования и распоряжения этими вещами.

Содержание и пределы осуществления правомочий, образующих право хозяйственного ведения, в общем виде определены нормой п. 1 ст. 276 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1] (далее — ГК): «...унитарное предприятие или государственное объединение, а в случаях, определяемых Президентом Республики Беларусь, иное юридическое лицо, которым имущество принадлежит на праве хозяйственного ведения, владеют, пользуются и распоряжаются этим имуществом в пределах, определяемых в соответствии с законодательством». Указанные пределы определяются правомочиями собственника имущества, переданного названным организациям, который:

- осуществляет контроль за использованием по назначению и сохранностью имущества, являющегося объектом права хозяйственного ведения;
- имеет право на получение части прибыли от его использования (ч. 2 п. 2 ст. 276 ГК);
- по общему правилу решает вопросы распоряжения (любыми способами, в том числе не влекущими отчуждения) недвижимым имуществом (п. 3 ст. 276 ГК); при этом согласие требуется на каждую конкретную сделку по распоряжению недвижимым имуществом [2, с. 530];
- решает вопросы дарения как движимых, так и недвижимых вещей, кроме обычных подарков небольшой стоимости (п. 1 ст. 547 ГК).

Собственник имущества унитарного предприятия кроме перечисленных имеет следующие правомочия:

- решает вопросы, связанные с возникновением и прекращением права хозяйственного ведения: создание унитарного предприятия; определение предмета и целей его деятельности; его реорганизация и ликвидация;
- назначает руководителя унитарного предприятия (п. 2 ст. 276 ГК) или передает полномочия руководителю

унитарного предприятия по договору другой коммерческой организации (управляющей организации) либо индивидуальному предпринимателю (управляющему); кроме того, собственник имущества унитарного предприятия — физическое лицо вправе непосредственно осуществлять функции руководителя (п. 4 ст. 113 ГК);

- утверждает устав унитарного предприятия и изменения и (или) дополнения, вносимые в него;
- формирует уставный фонд унитарного предприятия, принимает решение о его изменении;
- принимает решение об изъятии имущества у унитарного предприятия в порядке и случаях, предусмотренных нормами права либо уставом;
- осуществляет контроль за деятельностью унитарного предприятия, использованием по назначению и сохранностью имущества, принадлежащего унитарному предприятию;
- дает письменное согласие на создание, реорганизацию и ликвидацию дочерних предприятий, создание и ликвидацию представительств и филиалов (п. 6 ст. 113 ГК).

Унитарное предприятие отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом и не несет ответственности по обязательствам собственника его имущества. В свою очередь собственник имущества унитарного предприятия не отвечает по обязательствам предприятия, за исключением случаев, предусмотренных нормой п. 3 ст. 52 ГК. Такое же правило об ответственности собственника установлено в отношении государственных объединений (п. 5 ст. 123-1 ГК).

Аналогично случаю с правом хозяйственного ведения законодатель различает два вида права оперативного управления в зависимости от субъекта, выступающего носителем права,— унитарное (казенное) предприятие, государственное объединение или учреждение, выделяя при этом некоторые особенности права оперативного управления государственных объединений. Последнее обстоятельство связано и с тем, что государственные объединения в отличие от казенных предприятий (коммерческая организация) и учреждений (некоммерческая организация) могут быть как коммерческими, так и некоммерческими.

В соответствии с общей для всех перечисленных субъектов нормой п. 1 ст. 277 ГК «казенное предприятие, учреждение или государственное объединение, за которыми имущество закреплено на праве оперативного управления, в отношении закрепленного за ними имущества осуществляют в пределах, установленных законодательством, в соответствии с целями своей деятельности, заданиями собственника и назначением имущества права (в данном случае правильно говорить о правомочиях — примеч. автора) владения, пользования и распоряжения им». Учитывая эту и другие нормы ГК, можно сформулировать следующие общие для всех субъектов права оперативного управления признаки:

- распоряжение закрепленным на праве оперативного управления имуществом как движимым, так и недвижимым осуществляется только с согласия его собственника; иное правило может быть предусмотрено актами Президента Республики Беларусь применительно к государственному объединению (п. 3 ст. 278 ГК);
- собственник вправе изъять излишнее, неиспользуемое либо используемое не по назначению имущество и распорядиться им по своему усмотрению (п. 2 ст. 277 ГК);
- собственник несет полную субсидиарную ответственность по долгам казенного предприятия — при недостаточности имущества предприятия (п. 5 ст. 115 ГК) и учреждения — при недостаточности находящихся в распоряжении учреждения денежных средств (п. 2 ст. 120 ГК); применительно к государственным объединениям, за которыми имущество закреплено на праве оперативного управления, правило о субсидиарной ответственности собственника имущества отсутствует.

Особенности правового режима имущества казенного предприятия состоят в следующем:

- казенное предприятие самостоятельно реализует товары (работы, услуги), если иное не установлено нормами права (ч. 2 п. 1 ст. 278 ГК);
- собственником имущества казенного предприятия определяется порядок распределения доходов (п. 2 ст. 278 ГК).

Данные правила, если иное не предусмотрено актами Президента Республики Беларусь, распространяются на государственные объединения. Как справедливо отмечает Д. В. Петров, если казенное предприятие может производить недвижимые вещи, то его возможности по распоряжению имуществом могут оказаться шире, чем у субъекта права хозяйственного ведения [3, с. 195].

В соответствии с правилами ст. 279 ГК учреждение как субъект права оперативного управления:

- не вправе без согласия собственника отчуждать или иным способом распоряжаться закрепленным за ним имуществом и имуществом, приобретенным за счет средств, выделенных ему, если иное не установлено нормами законодательных актов; для сравнения: в соответствии с правилом п. 1 ст. 298 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] (далее — ГК Российской Федерации) частное или бюджетное учреждение даже с согласия собственника не может распоряжаться имуществом, закрепленным за ним собственником или приобретенным этим учреждением за счет средств, выделенных ему собственником на

приобретение такого имущества. При таком подходе ни учреждение, ни собственник (при отсутствии оснований, предусмотренных п. 2 ст. 296 ГК Российской Федерации, имущество является излишним, неиспользуемым или используемым не по назначению) не могут распорядиться имуществом, закрепленным в оперативном управлении, что вряд ли экономически обосновано);

- имеет право самостоятельно распоряжаться доходами от разрешенной учредительными документами приносящей доходы деятельности¹ и приобретенным за счет этих доходов имуществом, в том числе недвижимым, если иное не предусмотрено законодательством.

Указанные доходы и имущество учитываются на отдельном балансе. Отметим, что в данном случае имеет место несовпадение норм ГК и норм о бухгалтерском учете и отчетности. В частности, в соответствии с Правилами учета доходов, полученных учреждениями от осуществления приносящей доходы деятельности, и приобретенного за их счет имущества, утвержденными постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 29 декабря 2000 г. № 133 [5], бухгалтерский учет доходов, полученных от осуществления приносящей доходы деятельности, и приобретенного за их счет имущества ведется раздельно от доходов, полученных из других источников, на отдельных субсчетах с составлением единого баланса по учреждению (п. 3).

В соответствии с нормой п. 14 Положения о порядке создания унитарных предприятий, учреждений, имущество которых находится в республиканской собственности, их реорганизации и ликвидации, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 июля 2004 г. № 913 [6] (далее — Положение о порядке создания унитарных предприятий, учреждений), полученные созданным государственным органом учреждением доходы от предпринимательской деятельности и приобретенное за счет их имущество поступают в оперативное управление учреждения. В то же время правом самостоятельно распоряжения доходами от предпринимательской деятельности и имуществом, приобретенным на такие доходы, наделены как частные, так и государственные учреждения.

¹ Интерес представляет практика применения нормы п. 2 ст. 279 ГК, предусматривающей возможность учредителя предоставить учреждению право осуществлять приносящую доходы деятельность, в сфере образования. В соответствии с позицией законодателя, недвусмысленно выраженной в ст. 120 ГК, учреждением признается организация, созданная собственником для осуществления управлений, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера и финансируемая им полностью или частично. Частные учреждения образования, как известно, создаются исключительно для осуществления приносящей доходы предпринимательской деятельности в виде оказания платных образовательных услуг, то есть с целью, соответствующей целям создания коммерческих организаций (п. 1 ст. 46 ГК). Иными словами, вышеуказанная возможность, призванная решить проблемы, связанные с финансированием собственниками, прежде всего публичными, созданных ими учреждений, фактически превратилась в возможность использования правовой формы некоммерческих организаций при создании организаций, по сути являющихся коммерческими, что противоречит нормам ГК.

ственное учреждения образования (п. 4 ст. 138 Кодекса Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. [7]). Следовательно, возможность применения нормы п. 2 ст. 279 ГК необходимо уточнять в каждом конкретном случае ввиду наличия в действующем законодательстве норм, исключающих для отдельных учреждений рассматриваемое правомочие самостоятельного распоряжения.

Правовая природа данного правомочия с момента его закрепления в ГК является предметом дискуссии. Аналогичные положения включены в ГК Российской Федерации. Применительно к ним высказаны следующие точки зрения. В современной юридической литературе «право самостоятельного распоряжения» доходами от предпринимательской деятельности и имуществом, приобретенным на такие доходы, рассматривается в качестве:

- права хозяйственного ведения [8, с. 75] (если учреждение рассматривать в качестве субъекта не только права оперативного управления, но и права хозяйственного ведения в отношении доходов, полученных от разрешенной учредительными документами предпринимательской деятельности и приобретенного за счет этих доходов имущества, то неизбежным является применение правил п. 3 ст. 276 ГК о получении согласия собственника в случае распоряжения (любыми способами, в том числе не влекущими отчуждения) недвижимым имуществом, однако, как представляется, право самостоятельного распоряжения не предполагает получения чьего-либо согласия – примеч. автора);
- особого вещного права, «которое не укладывается ни в рамки права оперативного управления, ни в рамки права хозяйственного ведения» [9, с. 489];
- права собственности [2, с. 544–545];
- отдельного режима «права оперативного управления», так сказать, право оперативного управления «прим» [10, с. 92];
- «разновидности права оперативного управления» [11, с. 615];
- правомочия в рамках права оперативного управления [3, с. 197].

Соответствует положениям ГК, на наш взгляд, последняя точка зрения, получившая нормативное закрепление в ч. 2 п. 14 действующего Положения о порядке создания унитарных предприятий, учреждений. Так, в соответствии с нормой п. 2 ст. 280 ГК (аналогичная норма п. 2 ст. 299 ГК Российской Федерации, которую в качестве аргумента приводит Д. В. Петров) «плоды, продукция и доходы от использования имущества, находящегося в ...оперативном управлении, а также имущество, приобретенное... учреждением... по договорам или иным основаниям, поступают в ...оперативное управление... учреждения... в порядке, установленном законодательством для приобретения права собственности». Следовательно, если имуществом, закрепленным за учреждением, и имуществом, приобретенным за счет средств, выделенных ему, оно не вправе распоряжаться без согласия собственника (п. 1 ст. 279 ГК), то доходами от предпринимательской деятельности и имуществом, приобретенным на такие доходы, учреждение распоряжается самостоятельно, но в рамках права опера-

тивного управления, что необходимо для дальнейшего осуществления предпринимательской деятельности, определяемой законодателем в качестве деятельности самостоятельной (ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК). Системное толкование норм ст. 277 и ст. 279 ГК с учетом их названий также подтверждает вывод о том, что учреждение в рассматриваемом случае может быть субъектом лишь права оперативного управления.

Логичной представляется постановка следующих вопросов:

- имеет ли собственник право изъять имущество, полученное в результате осуществления предусмотренной учредительными документами приносящей доходы деятельности, по основаниям, предусмотренным нормой п. 2 ст. 277 ГК;
- вправе ли кредиторы обращать взыскание на такое имущество.

Положительный ответ на первый вопрос при рассмотрении «права самостоятельного распоряжения» в качестве правомочия в рамках права оперативного управления соответствует п. 2 ст. 277 ГК¹, а на второй — противоречит прямому указанию п. 2 ст. 120 ГК. Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь в постановлении от 27 октября 2006 г. № 11 «О некоторых вопросах применения субсидиарной ответственности» [12] также указал, что «на иное, нежели денежные средства, имущество, находящееся у учреждения, в том числе приобретенное за счет доходов, полученных от приносящей доход деятельности, не может быть обращено взыскание по долгам учреждения» (ч. 3 п. 13). В юридической литературе встречается противоположный подход, основанный на том, что в норме п. 2 ст. 120 ГК (соответствует п. 2 ст. 120 ГК Российской Федерации) отсутствует запрет на обращение взыскания на имущество, приобретенное учреждением самостоятельно [2, с. 548], однако такой запрет отсутствует и в отношении остального имущества, закрепленного собственником за учреждением.

В порядке раскрытия предмета исследования отметим также, что собственник имущества, находящегося в хозяйственном ведении или в оперативном управлении, лишен возможности передать это имущество в доверительное управление. Такая переда-

¹ При любой квалификации данного права — как права оперативного управления, права хозяйственного ведения или как особого вещного права — учреждение не приобретает право собственности на имущество (ч. 3 п. 2 ст. 44 ГК), полученное в результате осуществления предусмотренной учредительными документами приносящей доходы деятельности, а учредитель, соответственно, его не утрачивает, следовательно, имеет возможность изъять в предусмотренных законом случаях. Нельзя признать достаточным аргументом в пользу возможности существования у учреждения права собственности лишь то обстоятельство, что нормы ГК не исключают возможности возникновения у учреждения права собственности на имущество, приобретенное за счет разрешенной предпринимательской деятельности [2, с. 544]. Следуя такой логике, можем предположить возможность существования права собственности у унитарного предприятия, в частности на движимое имущество, которым предприятие распоряжается самостоятельно, поскольку нормы ГК прямо это не запрещают.

ча возможна только после ликвидации организации, в хозяйственном ведении или оперативном управлении которой имущество находилось, либо прекращения права хозяйственного ведения или оперативного управления имуществом и поступления его во владение собственника по иным предусмотренным нормами права основаниям (п. 3 ст. 896 ГК).

Таким образом, законодатель различает виды права — хозяйственное право и право оперативного управления — в зависимости от субъекта, выступающего носителем соответствующего ограниченного

вещного права. Имуществом, закрепленным за учреждением, и имуществом, приобретенным за счет средств, выделенных ему, оно не вправе распоряжаться без согласия собственника. Однако доходами от предпринимательской деятельности и имуществом, приобретенным на такие доходы, учреждение распоряжается самостоятельно, но в рамках права оперативного управления, что необходимо для дальнейшего осуществления предпринимательской деятельности, определяемой законодателем в качестве деятельности самостоятельной (ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК).

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.
2. Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой / В.А. Белов [и др.]; под общ. ред. В.А. Белова. — М. : Юрайт-Издат, 2009. — С. 530.
3. Петров, Д.В. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления / Д.В. Петров. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. — 326 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — М., 2012.
5. Правила учета доходов, полученных учреждениями от осуществления приносящей доходы деятельности, и приобретенного за их счет имущества: утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь 29.12.2000 г. № 133: текст по состоянию на 22 апр. 2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.
6. Положение о порядке создания унитарных предприятий, учреждений, имущество которых находится в республиканской собственности, их реорганизации и ликвидации: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь 23.07.04 № 913: текст по состоянию на 5 сент. 2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.
7. Кодекс Республики Беларусь об образовании: принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.
8. Белов, В.А. Гражданское право. Особенная часть : учебник / В.А. Белов. — М. : Центр ЮрИнфоР, 2004. — 767 с.
9. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / Н.Д. Егоров [и др.]. — 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. — М. : ПБОЮЛ Л.В. Рожников, 2005. — 632 с.
10. Рабинович, А. Нормативно-правовые основы составления отдельного баланса внебюджетного учреждения по учету доходов от разрешенной деятельности и приобретенного за этот счет имущества / А. Рабинович // Хозяйство и право. — 2001. — № 1. — С. 90–98.
11. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / В.С. Ем [и др.]; отв. ред. Е.А.Суханов. — М. : Статут, 2010. — 958 с.
12. О некоторых вопросах применения субсидиарной ответственности: постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь от 27 окт. 2006 г. № 11 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2012.

02.04.2012

УДК 347

Ю. Н. Гайдук

ПРАВОВАЯ РАБОТА В ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Разрабатываются вопросы правового положения юридической службы, определяются ее задачи и функции. Показывается активная роль юридической службы по улучшению экономических показателей работы организаций. Выводы статьи могут использоваться для изучения юрисконсультам, работающим в народном хозяйстве.

Questions of a legal status of legal service are developed. Its tasks and function are defined. The active role of legal service in improvement of economic indicators of the work of organizations is shown. Conclusions of the article can be used for studying to the legal advisers working in a national economy.

Правовая работа в организации направлена на правовое обеспечение производственно-хозяйственной деятельности конкретного трудового коллектива, цели которой — реализация уставных задач, полное и своевременное выполнение договорных обязательств. Этим же целям подчинена экономичес-

кая, финансовая, проектно-конструкторская, технологическая и иная деятельность, связанная с применением норм права.

В повседневной служебной деятельности хозяйствственные руководители всех уровней, специалисты обязаны точно соблюдать действующее законода-

тельство, использовать правовые средства для улучшения экономических показателей работы своих коллективов, защищать их законные интересы и права. В связи с этим различные службы хозяйственных организаций в процессе деятельности разрабатывают проекты локальных нормативных актов, устанавливают договорные связи, ведут претензионно-исковую работу, принимают меры по укреплению трудовой и производственной дисциплины, обеспечению законности трудовых отношений, осуществляют меры по борьбе с хищениями, порчей продукции и материальных ценностей, ведут правовоспитательную и профилактическую работу. Таким образом, правовая работа в организации тесно связана с выработкой и принятием управлеченческих решений, обеспечивает условия для укрепления дисциплины, неукоснительного соблюдения законности. Правовая работа — неотъемлемая часть управления производством. В контексте анализа данной темы определим правовую работу:

- как особый многоплановый вид деятельности, с одной стороны, самостоятельный, а с другой — часть всей деятельности по управлению и хозяйствованию, проводимой на предприятии;
- деятельность государственных органов, юридических лиц, общественных организаций, руководителя предприятия, всех должностных лиц, трудового коллектива, структурных подразделений организации (прежде всего юридической службы);
- производственный процесс, направленный на обеспечение законности, усиление воздействия права на общественное производство, решение задач социального и экономического развития организации, снижение себестоимости, повышение производительности труда и качества продукции, то есть увеличение прибыли.

Правовая работа носит универсальный характер. Это подтверждается ее содержанием, которое определяется как осуществляемая в организации система мер по исполнению законодательных предписаний и запретов и применению правовых средств для решения хозяйственных и иных задач. Универсальность правовой работы раскрывается с трех сторон:

- охват различных видов деятельности субъектов хозяйствования;
- участие в ней органов управления, общественных организаций, трудовых коллективов и т. д.;
- правовое регулирование существующих общественных отношений с помощью правовых предписаний органов государственной власти и управления, а также нормотворческая деятельность.

Основные направления правовой работы:

- локальное (ведомственное) нормотворчество;
- организация реализации предписаний, содержащихся в нормах права;
- организация защиты прав и законных интересов организаций. Включает два производства: претензионное и исковое (претензионно-исковая работа);
- контроль за соблюдением норм гражданского, трудового, финансового и других отраслей права;
- анализ практики применения законодательства, внесение на основе анализа предложений компетентным органам и должностным лицам об устранении противоречий, пробелов, других недостатков;

- ведение кодификационной работы — систематического учета нормативных актов.

Основные задачи правовой работы:

- укрепление законности в деятельности хозяйственных организаций;
- активное использование правовых средств для улучшения экономических показателей;
- обеспечение сохранности собственности (имущества) предприятий;
- защита прав и законных интересов предприятий.

Управление правовой работой в Республике Беларусь законодательно не закреплено. Однако необходимость руководства правовой работой со стороны государства может быть обоснована, во-первых, оказанием помощи юристам в связи с различным уровнем их подготовки, во-вторых, правовой безграмотностью руководителей организаций, не имеющих представления о содержании юридической работы, что не способствует достижению эффективных хозяйственных и финансовых результатов.

Управление правовой работой условно может осуществляться следующими группами способов:

- *нормативно-правовое регулирование правовой работы.* Статус юрисконсульта (юридической службы) предприятия определен подзаконными актами и сам юрисконсульт среди юристов-коллег (адвокатов, юристов-предпринимателей) находится в «карьергарде» себе подобных. В этой связи необходимо незамедлительно разрабатывать законопроект, регулирующий деятельность юридических служб организаций и определяющий требования к юрисконсульту (как это сделано, например, в законах, регламентирующих деятельность прокуратуры и адвокатуры). Законодательное закрепление специальных требований, основных задач и способов работы юристов позволит государству скординировать действия корпоративных юристов, направленных на осуществление законной хозяйственной (предпринимательской) деятельности предприятий;
- *ведомственный контроль.* Термин «контроль» в данном случае условен и понимается как разработка соответствующих правил деятельности юридических служб в различных отраслях, ведомствах, учреждениях (государственных, федеральных и региональных), а также создание соответствующих систем повышения квалификации и переподготовки кадров по вопросам правовой работы. К этой группе можно отнести и меры государственного поощрения за лучшие результаты в правовой работе.
- *административная группа способов.* Объединяет лицензирование юридической деятельности, аккредитацию и сертификацию юристов. Данная группа способов вызывает у юристов много споров. С нашей точки зрения, административный способ может выявить только некоторые проблемы в знаниях юристов. Но работа юриста строится кроме профессиональных знаний на авторитете, служебных контактах, на умении применять обычай делового общения в конкретной организации, на знаниях экономики, бухучета, иностранных языков, автоматизированных систем управления.

Способность сохранять независимость и собственное профессиональное авторитетное мнение может быть приобретена только с опытом работы.

Юристу не поможет аттестация или аккредитация, его лицензия. В этой связи вопросы административного способа управления правовой работой правильнее передать общественной организации. Например, в Европе с 1983 г. действует Европейская ассоциация юристов, которая выполняет работу по методическому руководству корпоративными юридическими службами, повышению уровня квалификации, защите от неправомерных действий нанимателей и т. д.

Правовая работа в организации базируется на четырех основных функциях.

Организационная функция. Юридическая служба должна оперировать терминами: «подготовить», «упорядочить», «основать», «объединить». Она обязана наладить систематизированный учет поступающих на предприятие и издаваемых им нормативных актов. Эта функция утрачивает значение в том понимании, что необходимо вести учет в каком-либо журнале, ведомости и т. д.

Если учет законодательных и нормативных актов, принятых на государственном уровне, осуществляется исходя из наличия на предприятии компьютерных юридических программ (информационных справочных правовых систем), то учет приказов, положений и других локальных нормативных документов, принятых на предприятиях, вызывает напряженность в деятельности предприятия. Напряженность снимается, если сразу определиться со структурой учета: приказы, издаваемые отделом кадров, учитываются в отделе кадров, касающихся оплаты труда — в планово-экономическом отделе, бухгалтерии — в бухгалтерии и т. д. Для этого юридическому отделу необходимо подготовить соответствующий приказ, который упорядочит структуру издаваемых актов в организации и ответственных лиц за учет этих актов. Организация исковой работы, как одна из основных задач организационной функции, также решает реализацию определенных направлений.

Координационная функция. Сотрудничество юридической службы со структурными подразделениями стало неотъемлемой и важнейшей частью жизнеобеспечения предприятия. Все направления такого сотрудничества должны быть отражены в соответствующем положении о юридическом отделе (или юрисконсульте). Динамичное сотрудничество юридической службы с другими подразделениями требует координации и согласования действий сотрудников. Координация обеспечивает согласованность действий во времени и пространстве органов управления и должностных лиц, а также между системой в целом и внешней средой.

Координационная функция играет в управлении роль, которую образно можно сравнить с ролью дирижера в оркестре. Именно благодаря ей обеспечивается динамизм административной системы предприятия, создается гармония взаимосвязей структурных подразделений, осуществляется маневрирование трудовыми ресурсами внутри предприятия. Координация призвана обеспечить единство действий всех подразделений, работников управления и спе-

циалистов для наиболее эффективного воздействия на хозяйственно-экономические (финансовые) процессы предприятия.

Аналитическая функция. Подразумевает периодическую распечатку и представление руководству нескольких десятков таблиц, содержащих первичные, расчетные, структурные показатели в разрезах: по количеству предъявленных претензий, исков, исполненных решений судов и находящихся в исполнительном производстве. В целом получается значительный объем информации, требующий немалого времени для его просмотра и анализа, которое трудно выделить в условиях постоянной текущей загруженности руководителей.

Контрольная функция. Контроль — одна из функций, без которой не могут быть реализованы в полной мере остальные. Он призван обеспечивать правильную оценку реальной ситуации и тем самым создавать предпосылки для внесения корректиров в запланированные показатели развития отдельных подразделений и всей фирмы. Контроль — один из главных инструментов выработки политики и принятия решений, обеспечивающих нормальное функционирование фирмы и достижение ею намеченных целей как в долгосрочной перспективе, так и в вопросах оперативного руководства.

В функцию контроля входят: сбор, обработка и анализ информации о фактических результатах деятельности всех подразделений фирмы, выявление отклонений и анализ причин этих отклонений; разработка мероприятий, необходимых для достижения намеченных целей. В связи с этим контроль рассматривается не только как фиксирование отклонений, но и как анализ причин отклонений и выявление возможных тенденций развития. Наличие отклонений в одном из звеньев может потребовать принятия срочных решений, касающихся оперативной деятельности конкретного подразделения.

Важной функцией контроля выступает разработка стандартной системы локальной документации и отчетности, проверка этих документов и их анализ как по результатам хозяйственной деятельности фирмы, так и каждого подразделения. Обеспечение функции контроля опирается в первую очередь на организацию системы учета и отчетности, включающей финансовые и производственные показатели деятельности и проведение их анализа. Всю работу не осилить юридической службе, но комплексное применение всех функций позволит достичь высоких показателей в управленческой деятельности организации, направленной на мобильность и слаженность всех подразделений.

Вышеизложенное позволяет заключить, что юридическая служба как составная часть структуры предприятия призвана направлять ведение хозяйственной деятельности в законное русло и с позиции закона обеспечивать защиту имущественных и иных интересов организации. Ее задачи определяются многообразием хозяйственных связей, прав и обязанностей сторон, сложившейся в организации корпоративной культурой.

Список использованных источников

Гайдук, Ю.Н. Правовая работа в организации (на предприятии) / Ю.Н. Гайдук. — Минск : Амалфея, 2008. — 364 с.

В. Ф. Ермолович, О. В. Кутилин

ВИДЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Анализируются концептуальные взгляды ученых по классификации и систематизации административно-правовых режимов. Предлагается авторская система данных режимов в Республике Беларусь.

Conceptual views of scientists on classification and ordering of administrative legal regimes are analyzed. The author's system of these modes in the Republic of Belarus is offered.

Длительное время в теории административного права российскими и белорусскими учеными уделялось значительное внимание решению проблеме классификации и систематизации административно-правовых режимов.

В. Б. Рушайло полагает, что административно-правовые режимы могут классифицироваться по некоторым основаниям, среди которых наибольшую теоретическую и особенно практическую значимость имеет классификация административно-правовых режимов по степени их принадлежности к обеспечению национальной безопасности государства [1].

Исследуя вопрос режимов применительно к государственному (социальному) управлению, С. С. Маилян рассматривает административно-правовые режимы в более широком плане. Главным основанием классификации таких комплексных административно-правовых режимов, по его мнению, является их принадлежность к той или иной сфере государственного управления [2, с. 22–23]. Автор выделяет такие виды комплексных административно-правовых режимов, как антимонопольная деятельность, управление экономической деятельностью, управление социально-культурной деятельностью, управление административно-политической деятельностью. По мнению С. С. Маиляна, среди предметных комплексных административно-правовых режимов наиболее значимыми представляются:

- режимы государственной безопасности (государственной охраны; обороны государства);
- общественной безопасности (оборота и использования оружия; гражданской обороны; оперативно-розыскной деятельности; проведения специальных операций);
- безопасности осуществления тех или иных видов предметной деятельности;
- тесно связанные с режимами обеспечения безопасности охранные режимы (государственной, служебной и коммерческой тайны);
- обеспечения требуемого уровня результатов тех или иных видов производственной деятельности;
- процедурные режимы (лицензирования, стандартизации, метрологии и др.) [2, с. 190–191].

Ю. А. Тихомиров разделяет административно-правовые режимы по назначению и содержанию:

- на целевые режимы, когда устанавливается определенное состояние и целевой порядок деятельности субъектов права (их права, обязанности, возможные ограничения и т. п.): пограничный; чрезвычайный; экологического бедствия; санитарно-эпидемиологический; ветеринарно-карантинный и т. п.;

- функционально-юридические, сопутствующие различным видам деятельности (правила бытового обслуживания, правила пользования гостиницами и т. п.);
- юридико-технологические, связанные с эксплуатацией машин, механизмов и т. п.;
- административные надзоры;
- пресечения (задержание, приостановление работ и т. п.) [3].

Д. Н. Баухах предлагает различать, с учетом совместного влияния таких важных признаков правового регулирования, как предмет, метод, правовые принципы, система субъектов и система источников, следующие отраслевые режимы: административно-правовой; гражданско-правовой; финансово-правовой; гражданско-процессуальный и т. д. [4, с. 411]. Автор подчеркивает, что одной из разновидностей особых правовых режимов, действующих в сфере публичного права, являются специальные административно-правовые режимы.

Многие административно-правовые режимы, по мнению Д. Н. Баухаха, определяются законодателем как комплексные. При этом используются категории «особый правовой режим», «особый режим», «специальный режим охраны». В конструировании указанных режимов принимают участие нормы конституционного, административного, международного, муниципального, финансового отраслей права. Данные режимы затрагивают различные по характеру права и обязанности субъектов режимного регулирования. Это относится, например, к режиму исключительной экономической зоны, закрытого административно-территориального образования, режима в зоне проведения контртеррористической операции. Однако включение в правовые режимы, обеспечивающие безопасность, охрану территорий, объектов, учреждений, норм различной отраслевой принадлежности не изменяет природу основных регулятивных средств этих режимов. Данные режимы, безусловно, являются административно-правовыми [4, с. 415].

В. М. Манохин, Ю. С. Адушкин и З. А. Багишаев предлагают различать административно-правовые режимы также по объему мер административного пресечения (задержание, приостановление работ и т. п.) [5].

Особого внимания заслуживает точка зрения И. С. Розанова, утверждающего, что конкретные виды административно-правовых режимов и пределы их реализации устанавливаются применительно к их назначению, состоянию обстановки в стране и ее отдельных регионах. Они могут зависеть от характера

преступных посягательств, от нацеленности действий и принадлежности субъектов преступных посягательств (устремлений спецслужб, действий подрывных организаций, организованной преступности), от состояния собственных сил и средств, от уровней взаимодействия в системе исполнительно-распорядительной власти и т. п. [6, с. 87]. По его мнению, правовые режимы могут быть подразделены на международно-правовые и внутригосударственные.

Внутригосударственные правовые режимы в подавляющем большинстве нацелены на обеспечение различных аспектов безопасности государства и общества по всему ее комплексу. Их объектом выступает система таких внутригосударственных отношений в сфере обеспечения безопасности, которые либо в принципе не подлежат урегулированию международным правом (например, пограничный режим), либо по которым международно-правового урегулирования пока не достигнуто. Согласимся с И. С. Розановым в том, что рассматривать обособленность международных и внутригосударственных режимов является ошибкой, поскольку они взаимосвязаны. Внутригосударственные правовые режимы не следует считать производными от международно-правовых режимов. Их основой является суверенная концепция собственной безопасности общества и государства [6, с. 85]. Следует отметить, что некоторые виды режимов правовой основой имеют и международные соглашения (например, режим выезда-въезда граждан, режим Государственной границы).

По юридическому содержанию и назначению внутригосударственные правовые режимы подразделяют на два вида: 1. полностью отвечающие своему назначению — строго регламентированные правовые отношения в той или иной важной для безопасности сфере общественной жизни (например, режим пребывания иностранных граждан на территории государства); 2. регламентирующие иные отношения, не затрагивающие интересы безопасности государства. По мнению И. С. Розанова, они представляют собой облеченный в правовую форму порядок технических и организационных действий, нацеленный на регулирование отношений в иных областях деятельности государства (например, земельные отношения, режим водопользования и др.) [6, с. 85].

Таким образом, действующие в правовой системе Республики Беларусь правовые режимы столь же многогранны и многоаспектны, как и в международно-правовой практике. Каждый из этих режимов представляет собой своеобразный правовой институт, нацеленный на установление оптимальных с точки зрения государства отношений в конкретной жизненно важной сфере, обеспечивающей безопасность личности, общества и государства. Их назначение заключается в том, чтобы стабильно и надежно обслуживать острые и уязвимые участки государственной деятельности, относящиеся преимущественно к обеспечению нерушимости и безопасности, основных устоев государства, общества и среды обитания.

В отличие от производственно-технологических режимов, являющихся совокупностью не правовых, а технических норм, регулирующих область непосредственного производства, административно-правовые режимы устанавливаются и осуществляются в сфере

общественных отношений в следующих целях: сделать эти отношения подконтрольными, с точки зрения интересов обеспечения национальной и общественной безопасности; не допустить отклонения от предусмотренных правовыми нормами установлений; предупредить и пресечь действия, которые могут нанести ущерб охраняемым интересам.

В юридической науке имеют место попытки обосновать введение новых административно-правовых режимов. Например, предлагается введение режима военно-технического сотрудничества с иностранными государствами и административно-правового режима внешнеторговой деятельности в сфере военно-технического сотрудничества (внешнеторговая деятельность в отношении продукции военного назначения) [7], режима особых экономических зон [8], правового режима социального бедства [9] и т. п.

В Республике Беларусь установлены основные административно-правовые режимы:

- защиты государственных секретов [10];
- выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь [11];
- Государственной границы;
- пограничный;
- в пунктах пропуска через Государственную границу [12];
- чрезвычайного положения [13];
- военного положения [14];
- пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь [15];
- обеспечения безопасности гражданской авиации от актов незаконного вмешательства [16];
- таможенный [17];
- оборота оружия и боеприпасов [18];
- паспортный [19].

По формальным признакам к иным, установленным в законодательстве Республики Беларусь режимам, можно отнести, например, режим свободной экономической зоны.

Административно-правовые режимы в теории административного права могут быть дифференцированы по разным основаниям на другие виды и подвиды.

Административно-правовые режимы в зависимости от пространственного предела их действия подразделяются:

- на общегосударственные (таможенный, секретности и др.);
- региональные (военного положения, карантина и др.);
- объектовые (аэропортов, пунктов пропуска через границу, атомных электростанций и т. д.) [4, с. 192–193].

В зависимости от порядка введения административно-правовые режимы можно дифференцировать на централизованные и децентрализованные [20].

По территориальному признаку административно-правовые режимы подразделяются на общегосударственные (режим секретности) и региональные (закрытого административно-территориального образования, режим пограничной зоны, заповедника).

В зависимости от времени действия административно-правовые режимы подразделяются на постоянные, временные или ситуационные (режимы чрезвычайного и военного положения).

Форма реализации административно-правового режима также может рассматриваться в качестве основания дифференциации данного вида правового режима. По указанному основанию можно выделить следующие виды административно-правового режима: таможенный; режимы деятельности пожарных, горноспасательных и иных военизированных спасательных частей.

Достаточно часто комплексные административно-правовые режимы не имеют четко выраженной отраслевой принадлежности. В связи с этим можно выделять:

- межотраслевые режимы, действующие во всех или нескольких сферах или отраслях государственного управления;
- многомерные комплексные режимы, которые включают ряд комплексных административно-правовых режимов, действующих в различных сферах и отраслях государственного управления.

По роли в обеспечении регулирования различных отраслей государственного управления и нужд самого государственного управления комплексные административно-правовые режимы могут быть разделены:

- на предметные, ориентированные на конкретные, не являющиеся непосредственно управленческими, виды деятельности;
- управленческие или обеспечивающие нужды самого государственного управления.

Исходя из общего назначения административно-правового режима, представляется целесообразным данный правовой режим дифференцировать и в зависимости от его функционального назначения.

Установленные в Республике Беларусь административно-правовые режимы взаимосвязаны и вза-

имообусловлены. Они фактически все предназначены обеспечивать одновременно несколько функций. При этом каждый из этих режимов имеет свою специфическую доминирующую (основную) функцию. В частности, режимы защиты государственных секретов, выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь, Государственной границы, пограничный режим и режим в пунктах пропуска через Государственную границу имеют доминирующей функцией обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь.

Отдельные административно-правовые режимы выполняют одновременно более двух функций (обеспечения национальной безопасности, поддержания обороноспособности страны, охраны общественного порядка и др.). Такими режимами, имеющими многофункциональное (комплексное) значение, выступают режимы чрезвычайного и военного положения.

Режим разрешительной системы и режим паспортной системы предназначены главным образом для обеспечения охраны общественного порядка. Режимы обеспечения безопасности гражданской безопасности от актов незаконного вмешательства и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь преимущественно обеспечивают одновременно интересы национальной безопасности государства и охраны общественного порядка.

По функциональному назначению режим защиты государственных секретов органически связан с режимом въезда в Республику Беларусь и выезда из Республики Беларусь и с режимом пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики.

Список цитированных источников

1. Рушайло, В.Б. Административно-правовые режимы / В.Б. Рушайло. — М. : Изд-во «Щит-М», 2000. — С. 39.
2. Маилян, С.С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью / С.С. Маилян. — М. : ЮНПИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000.
3. Тихомиров, Ю.А. О концепции развития административного права и процесса / Ю.А Тихомиров // Государство и право. — 1998. — № 1. — С. 9.
4. Баxрах, Д.Н. Административное право России: учебник для вузов / Д.Н. Баxрах. — М. : Изд-во НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 2000.
5. Манохин, В.М. Российское административное право: учебник В.М. Манохин, Ю.С. Адушкин, З.А. Багишаев. — М. : Юристъ, 1996. — С. 340.
6. Розанов, И.С. Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их назначение и структура / И.С. Розанов // Государство и право / И.С. Розанов. — 1996. — № 6. — С. 87.
7. Кудашкин, В.В. Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации / В.В. Кудашкин // Государство и право. — 1998. — № 9. — С. 76.
8. Туманов, Г.А. О некоторых актуальных проблемах административного права / Г.А. Туманов // Государство и право. — 1997. — № 6. — С. 20.
9. Петрухин, И.Л. Правовой режим в условиях социального бедствия / И.Л. Петрухин. — М. : Государство и право. — 1993. — № 2. — С. 46–57.
10. О государственных секретах: Закон Респ. Беларусь, 19.07.2010 г., № 170-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
11. О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 20.09.2009 г., № 49-З: в ред. от 29.12.2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
12. О Государственной границе Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 21.07.2008 г., № 419-З: в ред. от 29.12.2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.

13. О чрезвычайном положении: Закон Респ. Беларусь, 24.06.2002 г., № 117-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
14. О военном положении: Закон Респ. Беларусь, 13.01.2003 г., № 185-З: в ред. от 06.01.2009 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
15. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства: Закон Респ. Беларусь, 04.01.2010 г., № 105-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
16. Воздушный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 16.05.2006 г., 117-З: в ред. от 17.05.2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
17. Договор о Таможенном кодексе таможенного союза (вместе с «Таможенным кодексом таможенного союза»): подписан в г. Минске 27.11.2009 г.: в ред. от 16.04.2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
18. Об оружии: Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
19. О документировании населения Республики Беларусь (вместе с «Положением о документах, удостоверяющих личность», «Положением о документах для выезда из Республики Беларусь и (или) въезда в Республику Беларусь»): Указ Президента Респ. Беларусь, 03.06.2008 г., № 294: в ред. от 30.09.2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
20. Бахрах, Д.Н. Административное право : учебник для вузов / Д.Н. Бахрах. — М. : Изд-во БЕК, 1999. — С. 202.
21. Ермолович, В.Ф. Административно-правовые режимы в обеспечении пограничной безопасности Республики Беларусь / В.Ф. Ермолович, О.В. Кутинин; под общ. ред. А.А. Павловского. — Минск : Тесей, 2004. — 296 с.
22. Комментарий к Закону Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. «О Государственной границе Республики Беларусь» / И.А. Рачковский [и др.]. — Минск : Тесей, 2010. — 552 с.
23. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 23.07.2008 г., № 421-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
24. Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 17.07.2007 г., № 263-З: в ред. от 31.12.2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.
25. О некоторых вопросах органов пограничной службы (вместе с «Положением о Государственном пограничном комитете Республики Беларусь»): Указ Президента Респ. Беларусь, 25.09.2007 г., № 448: в ред. от 25.02.2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2011.

09.02.2012

УДК 34:634.0

Н. И. Забродский, С. П. Годунов

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЛЕСНОМ И ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩЕМ КОМПЛЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Наиболее значимым направлением оперативно-розыскной деятельности в настоящих условиях является осуществление противодействия экономической преступности. В статье рассматриваются некоторые аспекты теории и практики эффективного пресечения преступлений в лесном и деревообрабатывающем комплексе Республики Беларусь на современном этапе.

The most significant direction of operational search activity in modern conditions is implementation of counteraction of economic crime. In the article some aspects of the theory and practice of counteraction to the crimes made in a wood and woodworking complex are considered. Authors undertook an attempt to analyze some organizational and tactical aspects allowing effectively counteract crime in a wood and woodworking complex of the Republic of Belarus at the present stage.

Лесной комплекс Республики Беларусь объединяет отрасли и производства, связанные с воспроизводством, защитой и охраной лесных ресурсов (лесное хозяйство), заготовкой и механической переработкой древесного сырья и отходов (лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная промышленность). Он включает 5 тыс. предприятий, относя-

щихся как к государственной, так и к частной форме собственности (в том числе свыше 470 крупных и средних), на которых работает более 146 тыс. чел.

Главным связующим звеном в технологической цепочке отраслей лесного комплекса служит древесина. В Республике Беларусь площадь лесного фонда составляет 9,3 млн га, запас лесонасаждений —

1,4 млрд м³. Ежегодно заготавливается 14–15 млн м³ древесины, что позволяет не только практически полностью удовлетворять спрос внутреннего рынка, но и экспортить около 2 млн м³ деловой древесины. В качестве основных владельцев леса выступают предприятия Министерства лесного хозяйства, в ведении которых находится 77,3 % общей площади земель лесного фонда.

Структура лесопромышленного комплекса Республики Беларусь представлена лесозаготовительной (13,5 % общего объема выпуска продукции), деревообрабатывающей (69,5 %), целлюлозно-бумажной (16,4 %) и лесохимической промышленностью (0,6 %).

В лесопромышленном комплексе активно осуществляется процесс разгосударствления собственности: на предприятиях с частной формой собственности производится более 70 % всей продукции и занято 75 % работников. Наиболее крупные и технически оснащенные предприятия отрасли находятся в сфере управления концерна «Беллесбумпром», на долю которого приходится почти 45 % объема промышленной продукции отрасли. Он имеет развернутую дилерскую сеть в ряде зарубежных стран.

Несмотря на предпринятые в последние годы государством организационные меры, направленные на упорядочение лесопользования и оптимизацию отрасли, в настоящее время для ряда групп населения лес представляет источник получения высоких доходов, что оказывает влияние на разнообразие преступных посягательств в данной сфере. Их возможно разделить на преступления:

- против интересов службы (ст. 210 «Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями»; ст. 211 «Присвоение либо растрата»; ст. 424 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями»; ст. 425 «Бездействие должностного лица»; ст. 426 «Превышение власти или служебных полномочий»; ст. 427 «Служебный подлог»; ст. 428 «Служебная халатность»; ст. 430 «Получение взятки»);
- собственности (ст. 205 «Кражा», ст. 209 «Мошенничество», ст. 213 «Повторное мелкое хищение», ст. 216 «Причинение имущественного ущерба без хищения», ст. 218 «Умышленное уничтожение либо повреждение имущества»);
- экологической безопасности и природной среды (ст. 276 «Уничтожение либо повреждение леса по неосторожности», ст. 277 «Незаконная порубка деревьев и кустарников»);
- порядка осуществления экономической деятельности (ст. 233 «Незаконная предпринимательская деятельность», ст. 243 «Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов», ст. 257 «Обман потребителей»);
- управления (ст. 377 «Хищение, уничтожение, повреждение либо сокрытие документов, штампов, печатей, хищение бланков», ст. 380 «Подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков» Уголовного кодекса Республики Беларусь).

За 2009–2011 гг. всеми правоохранительными органами в лесохозяйственной отрасли страны раскрыто (выявлено) 339 преступлений, из которых основная часть пришлась на коррупционные 137

(40,4 %) и кражи с объектов лесопромышленного комплекса — 117 (34,5 %). Количество посягательств, связанных с уничтожением и повреждением лесов, невелико — 63 (18,5 %).

Анализируемый период характеризуется общим снижением количества преступлений, выявляемых в рассматриваемой сфере экономической деятельности: 2009 г.— 145, 2010 г.— 142, 2011 г.— 53. Данная тенденция имеет место и для коррупционной составляющей (с 57 до 13 фактов), кражу леса (с 32 до 14) и незаконную порубку деревьев (с 28 до 11).

Ущерб, нанесенный экономике государства, составил около 5,5–6 млрд р. В незаконный оборот было вовлечено примерно 15 тыс. кубометров деловой древесины.

Для преступности в лесном комплексе характерен высокий уровень латентности и низкий уровень раскрываемости. В большей степени это характерно для краж и незаконной порубки деревьев. Причины высокой латентности данной группы преступлений: значительные территории лесного фонда; низкий уровень охраны леса и контроля деятельности лесозаготовителей; недооценка общественной опасности преступлений в этой сфере; значительный временной разрыв между нарушением и наступившим последствием; недостаточная подготовленность кадров с учетом специфики посягательств.

Группировка элементов структуры личности преступника, включающей социально-демографические показатели и уголовно-правовые признаки, позволила создать обобщенный портрет злоумышленника.

В четырех из пяти случаев преступления совершины лицами мужского пола, проживающими преимущественно в сельской местности. Наибольшая криминальная активность присуща для возрастной категории 30–40 лет. В каждое третье преступное посягательство вовлечены должностные лица различного уровня (лесхозов, лесоперерабатывающих предприятий, областных лесохозяйственных объединений). Лица, совершившие уголовно наказуемые деяния, имеют достаточно высокий образовательный уровень: 87 % имеют среднее специальное и высшее образование. Посягательства в лесном комплексе обладают выраженным признаком организованности: более четверти установленных в результате совершения преступлений лиц совершили преступные деяния в составе группы.

Анализ уголовной статистики в отношении лиц, совершивших преступные посягательства в лесном комплексе, свидетельствует о снижении количества их выявления: 2009 г.— 79, 2010 г.— 90, 2011 г.— 31. Отчасти это объясняется общей тенденцией снижения количества преступлений в лесном комплексе. Тем не менее за 2009–2011 гг. вырос удельный вес лиц, совершивших кражи леса и лесоматериалов (с 26,8 до 35,8 %), незаконную порубку деревьев (с 19,3 до 21,3 %). Это связано с тем, что на фоне плавного уменьшения количества краж и незаконных порубок деревьев произошло резкое снижение количества выявленных преступлений коррупционной направленности.

Анализ личности преступников свидетельствует об ориентации большинства из них на материально-

pragmaticические ценности. Их правосознание криминогенно деформировано и проявляется в двух аспектах: незнании уголовно-правовых запретов и пренебрежении угрозой наказания.

Значительная часть преступлений в сфере лесопользования и лесопереработки приходится на коррупционные составы. За 2009–2011 гг. их выявлено 137, при этом большая часть в Витебской (37) и Гомельской (32) областях, меньшая — в Брестской области (6). К уголовной ответственности привлечено 134 чел., каждый третий — в Витебской области (44).

Групповой признак характерен для каждого десятого, а квалифицированный состав — для каждого третьего коррупционного преступления.

Костяк коррупционных преступлений образуют три состава: служебный подлог — 55, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями — 30, присвоение либо растрата — 17.

Преступники, привлеченные к уголовной ответственности по ст. 427 УК, предпочитали использовать в преступной деятельности официальные документы (квитанции об уплате штрафов, бухгалтерские документы финансово-хозяйственной деятельности), в которые вносились заведомо ложные сведения (69 % всех преступлений). В каждом пятом случае они составляли заведомо ложные документы и в каждом десятом занимались подделкой официальных документов. В каждом пятом случае преступные деяния наносили материальный ущерб гражданам, в остальных — предприятиям, на которых работали злоумышленники.

Каждый второй преступник, привлеченный к уголовной ответственности по ст. 210 УК, предпочитал изымать предмет хищения, который находился в их ведении, каждый третий вносил ложные сведения в официальные документы, каждый седьмой начислял незаконную заработную плату. Только 8 % преступников занимались созданием излишков материальных ценностей с последующим их изъятием. Среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности, удельный вес руководителей структурных подразделений организаций составил 7 %, бухгалтеров — 13 %, иных должностных лиц — 80 %.

Примерно 42 % злоумышленников, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 211 УК, занимались хищением денежных средств, остальные — древесины. В двух из трех преступлений лицо, совершившее хищение денежных средств, внесло заведомо ложные сведения в расчетно-платежные документы, в остальных — наличными из кассы. В каждом пятом случае хищение подотчетной древесины происходило в ходе погрузочно-разгрузочных работ, в остальных — из лесных угодий.

Среди лиц, привлеченных к уголовной ответственности, удельный вес руководителей структурных подразделений организаций составил 18 %, бухгалтеров — 25 %, лесничих — 57 %.

Результаты гендерного анализа коррупционных преступлений свидетельствуют, что большинство из них совершено мужчинами (79 %), значительная часть которых были в возрасте 45–55 лет (38 %), 35–45 лет (28 %) и имели высшее образование (82 %).

В структуре рассматриваемых преступлений наибольший удельный вес имели три состава: служебный подлог (37 % от совершенных); хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (25 %); взяточничество (13 %). Размер разовой взятки составил от 25 до 1 300 долл. США и зависел от решаемого вопроса.

Значительную часть коррупционных преступлений совершили лица мужского пола, которые по роду служебной деятельности занимались охраной и воспроизводством леса (68 %). Причины, способствующие данному явлению: особенности учета лесных фондов; невысокая заработка; недостаточный контроль со стороны руководства лесничеств и лесхозов. Удельный вес лиц, возглавлявших лесхозы и предприятия по переработке леса, составил 5 %; занимавшихся заготовкой и переработкой древесины — 27 %.

Каждое пятое коррупционное преступление совершено женщинами в возрасте 45–55 лет (74 %) и с высшим образованием (90 %). Каждое второе преступление представляло собой служебный подлог, каждое третье — хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. Три из четырех преступниц занимали должности, связанные с бухгалтерским учетом, каждая пятая — с охраной и воспроизводством леса, каждая двадцатая — с руководством субъекта хозяйствования.

Вторым по значимости в сфере лесопользования и лесопереработки являются преступления против собственности. В 2009–2011 гг. их выявлено 117, каждое третье — в Минской области (41).

К уголовной ответственности привлечено 35 чел., каждый третий — в Минской области (11). Высокая латентность подобных преступлений отражается на степени раскрываемости: не установлены лица, причастные к совершению 83 преступлений, из них 30 — в Минской области; в Брестской области по 8 уголовным делам подозреваемые не установлены.

Групповой признак имел место в каждом шестом, а квалифицированный состав — в каждом пятом преступлении.

В структуре преступлений против собственности доминируют кражи, на которые приходится 82 % всех преступлений. Значительная часть выявленных преступников (93 %) представляли собой лица мужского пола 30–40 лет (70 %) со средним и средним специальным образованием, которые работали долгое время на своих предприятиях.

В 85 % случаев преступным посягательствам подвергалось имущество Министерства лесного хозяйства, в остальных — предприятий концерна «Беллесбумпром», расположенных в Минской, Могилевской и Гомельской областях. Предметом краж чаще становились лесоматериалы, а в ряде случаев — средства малой механизации (бензопилы), горючесмазочные материалы, расходные материалы, средства радиосвязи, одежда.

Третьими по значимости в сфере лесопользования и лесопереработки являются преступления против экологической безопасности и природной среды. За 2009–2011 гг. их зарегистрировано 63, каждое

третье — в Витебской области (23). Каждое седьмое преступление имело квалифицированный состав.

К уголовной ответственности привлечено 17 чел., каждый третий — в Минской области (5). Высокая латентность преступлений против экологической безопасности и природной среды отразилась на степени раскрываемости: правоохранительными органами не установлены лица, причастные к совершению 50 преступлений, среди них 20 — в Витебской области.

В структуре преступлений доминируют уголовные дела, связанные с незаконной порубкой деревьев и кустарников (95 % всех выявленных), остальные — уничтожение либо повреждение леса по неосторожности. Преступления совершили лица мужского пола 35–45 лет (75 %), которые имели среднее образование (80 %), проживали в сельской местности.

За 2009–2011 гг. зарегистрировано 22 преступления против порядка осуществления экономической деятельности, каждое второе — в Могилевской области (10). Каждое третье преступление имело квалифицированный состав.

К уголовной ответственности привлечено 19 чел., каждый третий — в Могилевской области. Около 72 % преступлений связано с незаконной предпринимательской деятельностью, по 14 % приходится на обман потребителей и уклонение от уплаты сумм налогов, сборов. Преступления совершили лица мужского пола 30–40 лет (85 %), имеющие высшее образование (74 %). Около 42 % преступников являлись индивидуальными предпринимателями, 16 % — должностными лицами субъектов хозяйствования государственной формы собственности, по 21 % — сотрудниками и руководителями субъектов хозяйствования негосударственной формы собственности. Около 53 % преступлений связано с незаконной заготовкой древесины, 25 % — предоставлением в контролирующие (лицензионные) органы недостоверных сведений, по 11 % — с обработкой и реализацией леса, в том числе за рубеж.

Структура преступности в лесном комплексе, выявленная подразделениями по борьбе с организованной преступностью, однородна и включает только преступления против интересов службы (ст. 210 «Хищение путем злоупотребления служебными полномочиями», ст. 211 «Присвоение либо растрата», ст. 425 «Бездействие должностного лица», ст. 427 «Служебный подлог», ст. 430 «Получение взятки»).

Групповой признак характерен для двух, а квалифицированный состав — для пяти коррупционных преступлений. В каждом втором случае преступник был взят с поличным.

Основу коррупционных преступлений образует взяточничество — 6 фактов, на остальные составы приходится по одному преступлению. Взятки вымогались за заключение договоров на продажу леса, решение вопроса о выигрыше аукциона по продаже леса, за благоприятное решение вопроса об отпуске деловой древесины высокой сортности по заниженной цене. Размер взятки колебался от 50 до 1 200 долл., в зависимости от решаемого вопроса. В незаконный оборот в результате указанных преступлений было вовлечено около 300 м³ деловой древесины.

Схемы преступной деятельности разрабатываются достаточно просто. Как и должностные лица других отраслей материального производства, они занимаются взяточничеством при реализации готовой продукции и заключении договоров на разработку леса, что является актуальным и в сегодняшних условиях хозяйствования, однако не отражает всего спектра противоправных посягательств в рассматриваемой сфере.

Организованные группы и преступные организации, занимающиеся криминальным бизнесом в лесной отрасли, не разрабатывались, однако на возможность их существования указывают результаты работы и оперативные данные других правоохранительных органов.

Основные экономические причины и условия преступности в белорусском лесном комплексе: относительная дешевизна, доступность, простота заготовки лесных ресурсов; постоянный высокий спрос на них; наличие запасов лесных ресурсов, близкого рынка сбыта древесины; слабость, недостаточная оснащенность и низкий уровень государственного финансирования лесхозов и связанный с этим низкий уровень охраны лесов.

Причины организационно-управленческого характера: недостаточно эффективная система управления лесным комплексом; слабый внутриотраслевой контроль процесса заготовки, переработки и реализации древесины; сосредоточение в лесхозах функций как лесопользования, так и контроля за ним; слабая координация между контролирующими, природоохранными и правоохранительными органами в области пресечения и выявления преступных действий в этой сфере.

С точки зрения материальной жизни населения (обеспечение насущных жизненных нужд) влияние на преступность в лесном комплексе оказывает низкая социальная устроенность жителей в сельской местности, высокий уровень скрытой безработицы в лесоресурсных районах.

Среди явлений в духовной сфере, оказывающих влияние на преступность в лесном комплексе, можно выделить наличие потребительского отношения части населения к естественным ресурсам; низкий уровень эколого-правовой культуры населения; деформация правового сознания не склонных к законопослушанию граждан, в том числе должностных лиц, ответственных за организацию рационального использования лесных ресурсов.

Отсутствие в настоящее время полноценной системы предупреждения преступных действий в лесном комплексе обуславливает применение как общих, так и специальных (превентивных) мер, направленных на минимизацию противоправных посягательств в рассматриваемой отрасли.

К наиболее действенным, общим превентивным мерам относятся: техническое и технологическое переоснащение лесозаготовительных предприятий; дальнейшее создание условий для развития в стране глубокой переработки древесины; развитие системы транспортных коммуникаций; обеспечение финансирования лесхозов; совершенствование законодательства, стимулирующего развитие в стране

перерабатывающих предприятий; разработка и осуществление государственных программ (трудоустройства населения, переквалификации кадров) в целях снижения скрытой безработицы и повышения уровня жизни населения, проживающего в лесоресурсных районах; организация системы экологического воспитания и просвещения граждан.

Специальные превентивные меры включают комплекс мер экономического характера: выработку механизма, исключающего выделение леса в рубку недобросовестным заготовителям, нарушающим требования законодательства об охране леса; проверку контрольными органами обоснованности и законности разрешений на рубку леса; сокращение в лесопромышленном комплексе числа мелких фирм-однодневок.

Выводы

1. Криминогенная ситуация в лесном и лесоперерабатывающем комплексе Республики Беларусь является сложной, обуславливается противоречиями в организации лесопользования и представляет серьезную угрозу социально-экономическому развитию, экологической безопасности государства, которая вступает неотъемлемой составной частью национальной безопасности страны.

2. Учитывая высокую ликвидность балансовой древесины и продукции ее первичной переработки (доска, брус и пр.) на внешних рынках республики, а также относительную дешевизну древесины как одного из основных строительных материалов для массового индивидуального жилищного строительства (в первую очередь на селе), спрос на указанную продукцию в ближайшее время будет оставаться стабильно высоким.

3. Оперативными подразделениями ослаблен оперативный контроль за процессами, происходящими в лесном и лесоперерабатывающем комплексе республики, о чем свидетельствует отсутствие практических результатов работы — выявленных пре-

ступлений в данной отрасли и установленного и (или) возмещенного (предотвращенного) материального ущерба, а также перспективных оперативных разработок. Реформирование лесной и лесоперерабатывающей отрасли является одним из приоритетных проектов инновационного развития экономики республики, посредством реализации которого планируется осуществить прорыв на рынки мебели и высокотехнологичных строительных материалов ведущих государств, в первую очередь Европейского Союза.

4. Оперативными подразделениями не изучаются схемы движения древесины и полученных от ее реализации денежных средств в цепи «лесопользователь — лесозаготовитель — лесопереработчик (либо импортер)», в том числе в части отпуска древесины на корню по таковой стоимости и по ценам, установленным по соглашению между сторонами биржевой сделки, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществлявшим покупку древесины на корню на биржевых торгах открытого акционерного общества «Белорусская универсальная товарная биржа».

5. Отсутствуют оперативные подходы к организациям, обладающим исключительным правом внешней торговли (в части экспорта) лесоматериалами (экспортно-производственное РУП «Беллесэкспорт», РУП «Беларусьторг», торговое РУП «Беллесбумпромэкспорт»), которые реализуют указанное исключительное право государства посредством заключения с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями Республики Беларусь договоров комиссии для непосредственного осуществления внешней торговли данными лесоматериалами.

6. Деятельность оперативных подразделений по выявлению и пресечению преступных схем в лесной и деревоперерабатывающей промышленности нуждается в совершенствовании с учетом реализуемых в настоящее время новых подходов к реформированию системы лесопользования в республике.

10.05.2012

УДК 343.13

В. В. Захаренкова

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Рассматривается малоисследованная проблема правовой помощи по уголовным делам как важный компонент международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Предлагаются различные точки зрения на понятие «правовая помощь» и в контексте их анализа выделяются общие его свойства. Изучаются документы, регулирующие вопросы этой сферы деятельности. Определяются место, роль и значимость правовой помощи в межгосударственной практике по борьбе с преступностью.

The low-studied problem of legal aid in criminal cases as an important component of the international cooperation in the sphere of criminal legal proceedings is observed. There are various points of view on the concept "legal aid" and of a context of their analysis its general properties are offered. The documents regulating questions of this field of activity are studied. The place, a role and the importance of legal aid in interstate practice are determined by fight against crime.

Вопросы международного сотрудничества по уголовным делам ежедневно получают все большее практическое значение и становятся предметом дискуссий. Важной формой международного сотрудничества государств в сфере уголовного судопроизводства выступают правовая помощь и взаимодействие по уголовным делам. Данный вид международного сотрудничества сформировался как относительно самостоятельный правовой институт, регулируемый нормами международного и уголовно-процессуального права.

Международно-правовое сотрудничество и правовая помощь — понятия неоднозначные. По мнению Л. А. Лазутина, международно-правовое сотрудничество означает целенаправленную и постоянную, совместную и согласованную, широкую по масштабам и разнообразную по формам и направлениям деятельность компетентных правоохранительных органов, затрагивающую общие интересы сотрудничающих государств и направленную на достижение единых целей в борьбе с преступностью и обеспечение эффективности деятельности прокуратуры. Правовая помощь — это выполнение отдельных действий, предусмотренных соглашениями между государствами, которые призваны содействовать решению вопросов, связанных с расследованием, судебным рассмотрением и исполнением наказания по отдельным уголовным делам. Правовая помощь включает только процессуальные действия, осуществляемые на основании просьб правоохранительных органов иностранных государств. Юридическое основание правовой помощи — поручения иностранных учреждений юстиции [1].

Известный исследователь вопросов международного сотрудничества в уголовной сфере Ф. Ф. Мартенс представлял международную судебную помощь одной из составляющих международного уголовного права и выделял в ней следующие признаки: закрепление в договорах взаимных обязательств в области судебной помощи; реализация этой помощи на основании внутреннего законодательства запрашиваемого государства [2].

Исследованию учения о правовой помощи посвящали труды выдающиеся деятели К. Ломбуа, Ф. Маркуш, К. Ломбойс, Л. Н. Галенская, В. П. Шутилов. К. Ломбуа описывает правовую помощь по уголовным делам как «совокупность мер, посредством которых одно государство представляет другому государству содействие (*le concours*) своих общественных служб или своих судебных институтов в расследовании, судебном рассмотрении или наказании за совершенное преступление» [3]. Аналогичного мнения придерживался К. Ломбойс [4]. Ф. Маркуш понимает данный институт как «помощь, оказываемую органам определенного государства при рассмотрении конкретного уголовного дела органами другого государства; помощь, которая может заключаться в исполнении определенных процессуальных актов, необходимых для рассмотрения уголовного дела, или в передаче документов» [5].

В. П. Шутилов, подвергая критике вышеуказанные суждения, под правовой помощью по уголовным делам подразумевает осуществление действий компетентными органами одной из Сторон соответствую-

щего договора, выполнение которых необходимо для расследования уголовного дела, а также его рассмотрения в суде и исполнения назначенного другой Стороной договора наказания по делу. К оказанию правовой помощи он относит положения: выдача разрешения на допрос свидетеля; выдача преступников; передача вещественных доказательств [6].

Вопрос о видах правовой помощи по уголовным делам характеризуется двумя составляющими: их теоретическом осмыслиении, основанном на общем определении и понятии правовой помощи как самостоятельной категории в механизме межгосударственного сотрудничества; установлении вариантов взаимосогласованных действий государств, воплощенных в нормативных формулировках объема правовой помощи, что можно обозначить в качестве юридического содержания [7].

Некоторые авторы рассматривают правовую помощь в широком и в узком смысле слова [8]. В широком — оказание любого содействия по уголовным делам судебным и следственным органам иностранных государств, а также правоохранительным органам, органам юстиции, международным уголовным судам, международным организациям, действующим трибуналам на основе положений международных договоров (конвенций) и принципа взаимности. В узком — оказание содействия посредством исполнения различного рода запросов иностранных и международных судебно-следственных органов (ст. 453–457 УПК РФ), которые необходимы для расследования уголовного дела или его рассмотрения в суде в другом (запрашивающем) государстве либо в международном уголовном суде (трибунале).

Авторы, предлагая разные определения правовой помощи, указывают на общие свойства данного понятия. Таким образом, правовая помощь:

- предусматривает выполнение действий, которые определены соглашениями между государствами, призваны содействовать решению вопросов, связанных с расследованием, судебным рассмотрением и исполнением наказания по отдельным уголовным делам;
- имеет юридическим основанием поручения иностранных компетентных органов;
- оказывается органам определенного государства при рассмотрении конкретного уголовного дела органами другого государства;
- осуществляется посредством действий компетентными органами одной из сторон соответствующего договора, выполнение которых необходимо для расследования уголовного дела, а также его рассмотрения в суде и исполнения назначенного другой стороной договора наказания по делу.

На основании изложенного сформулируем следующее определение: **правовая помощь** — это выполнение отдельных действий по поручению определенных иностранных компетентных органов, выполнение которых является необходимым для расследования уголовного дела, а также призванных содействовать решению отдельных вопросов, связанных с расследованием, судебным рассмотрением и исполнением наказания по конкретным уголовным делам.

С учетом обстоятельства, что правовая помощь по уголовным делам рассматривается как межотраслевой компонент, представленный нормами уголовного права, уголовно-процессуального права, уголовно-исполнительного права, административного права, правоприменительная практика нередко основной акцент делает на отраслевые нормативные предписания без учета требований международных договоров. Коллизии норм национального законодательства и норм международного права по вопросам правовой помощи отрицательно влияют на ее реализацию.

По справедливому мнению М. П. Глумина, «в контексте досудебного и судебного доказывания по уголовным делам международно-правовая помощь объективно является единственным легальным способом собирания и проверки доказательств вне правовой системы государства, на территории которого производится расследование или рассмотрение уголовного дела с международным элементом» [9].

Правовая помощь регламентируется разнохарактерными по предмету регулирования договорами с неоднозначным содержанием и различным официальным статусом — межгосударственного, межправительственного, межведомственного характера. Среди наиболее значимых многосторонних документов, регулирующих вопросы взаимной правовой помощи и правовых отношений, необходимо упомянуть Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., которую Россия подписала 7 ноября 1996 г. Через три года она была ратифицирована Федеральным Собранием РФ [10]. В силу для Российской Федерации Конвенция вступила 9 марта 2000 г.

В настоящее время действует Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее — Минская конвенция) [11], а также Дополнительный протокол к ней [12]. Россия ратифицировала данную Конвенцию* 4 августа 1994 г., и она вступила в силу 10 декабря 1994 г. Минская конвенция представляет собой международное соглашение, регулирующее весь комплекс отношений, традиционно относящихся к международной правовой помощи. Закрепленный в Минской конвенции порядок исполнения поручений по гражданским и уголовным делам полностью соответствует общепринятой международной практике. Однако наличие тесных связей между странами Содружества позволило усовершенствовать такую практику. В частности, фактически признав русский язык в качестве универсального средства общения в данной сфере отношений, были решены многие проблемы, связанные с языковым барьераом [13].

Важными международными документами являются Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. (далее — Кон-

венция ООН 2003 г.), подписанная от имени Российской Федерации в городе Мерида (Мексика) 9 декабря 2003 г. и ратифицированная в 2006 г. [14], и Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» (1999) [15], которые предусматривают разработанные на основании опыта зарубежных государств нормы, направленные на предупреждение и противодействие коррупции.

В основу Конвенции ООН 2003 г. положен комплексный подход, отражающий сложную социально-правовую природу коррупции, ее взаимосвязь с другими формами преступности, в частности организованной преступностью и отмыванием денежных средств, разнообразие мер и многоуровневый характер борьбы с этим явлением. Тем не менее в п. 7 ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» от 08.03.2006 г. № 40-ФЗ Российская Федерация заявляет, что в соответствии с п. 2 ст. 48 Конвенции она рассмотрит Конвенцию в качестве основы для взаимного сотрудничества между правоохранительными органами в отношении преступлений, охватываемых Конвенций, при условии, что это сотрудничество не будет включать проведение следственных и иных процессуальных действий на территории Российской Федерации.

Кроме многосторонних конвенций, Российской Федерации были заключены международные двусторонние договоры. Далеко не со всеми государствами и не по всем вопросам Российская Федерация может заключать полноценные международные договоры, так как некоторые из них могут не соответствовать российскому законодательству, а также иметь нежелательные финансово-экономические или иные последствия для страны при их подписании и последующей ратификации. Поэтому некоторые вопросы регулируются договорами межведомственного характера: соглашениями между правоохранительными, таможенными, налоговыми органами различных стран.

Значимым в вопросах взаимодействия выступает опыт Европейского Союза. Государства ЕС активно участвуют в конвенциях, регламентирующих различные аспекты получения доказательств. Европейская Конвенция о правовой помощи по уголовным делам 1959 г. (далее — Европейская Конвенция) [16] обеспечивает основные направления сотрудничества в получении доказательств. В 1978 и 2001 гг. к Европейской Конвенции были приняты дополнительные протоколы. Положения Европейской Конвенции были расширены Шенгенской конвенцией 1990 г.

Так, согласно ст. 5 Европейской Конвенции каждое государство может сделать заявление о том, что выполнение судебного поручения по обыску или конфискации (letters rogatory for search or seizure) может быть поставлено в зависимость от одного или более следующих условий: двойная криминализация; преступление, по которому делается запрос, является основанием для выдачи; исполнение производится в соответствии с законом запрашивающего государства. Законодательство стран ЕС предусматривает большое число процессуальных мер в процессе со-

* Первоначально Конвенцию подписали: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан, Украина. 22 сентября 1995 г. к данной Конвенции присоединилась Азербайджанская Республика, 5 февраля 1996 г. — Грузия.

бириания доказательств по уголовным делам. В целях унификации правил передачи доказательств в ЕС было принято Рамочное решение Совета по Европейскому доказательственному ордеру в получении предметов, документов и данных для их использования в производстве по уголовным делам [17]. Данное Рамочное решение заменяет существующие условия правовой помощи в Конвенциях Совета Европы и ЕС в той части, в какой они имеют дело с объектами, документами или данными, находящимися в пределах объема этого решения. Аналогичные нормы закреплены в Рамочном решении о Европейском ордере на арест [18].

Процедура Европейского доказательственного ордера имеет преимущества по сравнению с процедурой правовой помощи по уголовным делам. Плюсы Ордера следующие: 1. запрос из другого государства ЕС признается без специального решения национального правоохранительного органа; 2. запросы стандартизированы использованием единой формы; 3. установлены предельные сроки выполнения запросов; 4. предусмотрены минимальные гарантии направления и исполнения; 5. ограничены основания отказа в выполнении запросов. С 1 января 2005 г. члены ЕС начали реализацию указанного Рамочного решения. Каждое государство ЕС должно осуществить проверку своего законодательства на предмет устранения препятствий для получения данных с его территории. Мониторинг Рамочного решения осуществляют Еврокомиссия. Введение Европейского единого доказательственного ордера следует рассматривать в качестве одного из шагов Евросоюза к успешному формированию единого пространства правосудия. Представляется, что подобный опыт может быть применим в рамках СНГ.

Среди ученых-процессуалистов отсутствует единое мнение относительно классификации международно-правовых актов, применяемых при сотрудничестве государств по уголовным делам. Н. Н. Мазаева называет главным основанием формирования системы международных договоров, регламентирующих международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, наличие в них норм процессуального характера, которые составляют правовую основу регулирования взаимоотношения судов, прокуроров, следователей и дознавателей с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями. В результате Н. Н. Мазаевой была предложена следующая классификация межгосударственных договоров, регламентирующих международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства:

- многосторонние межгосударственные договоры, регламентирующие различные виды международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства;
- международные договоры о борьбе с отдельными видами преступлений, содержащие обязательства государств-участников сотрудничать в вопросах выдачи и оказывать друг другу возможно более широкую правовую помощь в связи с указанными в них преступными деяниями;

- двусторонние международные договоры, регулирующие международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства России с отдельными государствами, обладающие большей детальностью и наилучшим образом отражающие интересы сторон [19].

А. Г. Волеводз связывает правовое регулирование международного сотрудничества в уголовном процессе с обязательствами РФ, которые принимаются ею при подписании международных договоров. Многие из них содержат, с одной стороны, нормы уголовно-процессуального характера, а с другой — нормы, предписывающие государствам-участникам принять меры к включению в национальное законодательство процессуальных правил для максимально широкого международного сотрудничества в уголовном процессе [20].

По мнению Е. В. Курушиной, «основные параметры деления международно-правовых актов зависят от их правового значения, направленности, роли и влияния на процесс производства по уголовному делу. С учетом этого их разграничитывают на акты основополагающего значения, куда входят документы, содержащие общепризнанные международные нормы, а также обеспечивающие международную защиту прав и законных интересов участников процесса РФ. Сюда следует относить универсальные международные акты, международные региональные конвенции, многосторонние соглашения и договоры между РФ и различными зарубежными государствами. Отдельное место в классификации международно-правовых актов занимают многосторонние и двусторонние конвенции и соглашения, регламентирующие область уголовно-процессуальных отношений. Данные международно-правовые источники посвящены: общим вопросам борьбы с уголовными преступлениями международного характера; взаимодействию компетентных органов России и зарубежных государств; оказанию взаимной международной правовой помощи в процессе возбуждения уголовного преследования, расследования преступлений, судебного производства и исполнения приговоров» [21].

С точки зрения Е. В. Карасевой, международные договоры необходимо разграничивать в зависимости от того, каким органом государства они заключены. Договоры должны подразделяться: на межгосударственные, межправительственные и межведомственные. Такие акты могут носить многоаспектный характер либо посвящаться конкретному предмету сотрудничества [22]. Данного мнения придерживается и Б. И. Спанов в труде, посвященном международному сотрудничеству органов предварительного следствия МВД РФ в сфере уголовного судопроизводства [23].

К внутригосударственному законодательству относится Конституция РФ, в которую включено положение, определяющее общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации как часть ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Международные договоры заключаются в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами РФ от имени Российской Федерации уполномочен-

ными на то федеральными органами. После официального признания, ратификации и одобрения международные договоры в установленном порядке приобретают обязательную силу на территории России. Также Конституция РФ содержит положение о том, что в случае расхождения закона и иного нормативного акта с международным договором, в котором участвует Российской Федерации, или с общепризнанными нормами международного права применяются правила, установленные этими нормами или договором (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ, в частности в ч. 5, сгруппированы нормы, совокупность которых представляет собой процессуальный институт международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, где наряду с другими закреплены основные положения о порядке взаимодействия следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями.

Полномочия суда и следственных органов РФ по вопросам международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства устанавливаются также федеральными конституционными законами и федеральными законами РФ.

К иным правовым источникам, регламентирующим вопросы международного сотрудничества, относятся Указ Президента РФ от 30 июля 1996 г. № 1113 (с изм. на 27.10.2011) «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции — Интерпола», Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 (ред. от 25.11.2003) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» и др.

Содействие в сфере уголовного судопроизводства возможно и без наличия договорных обяза-

тельств РФ с другим государством. В этой ситуации основанием для оказания правовой помощи по уголовным делам является договоренность государств — международное соглашение, зафиксированное обменом письмами, нотами и иным образом при посредничестве Министерства иностранных дел РФ на условиях взаимности [24].

Сравнительно новым видом сотрудничества в договорной практике выступает заключение межправительственных соглашений [25]. С точки зрения В. М. Волженкиной, объем сотрудничества предусматривает взаимное исполнение, но не принятие процессуальных решений по уголовным делам, поскольку полномочия принимать такие решения зависят от юрисдикции договаривающихся стран и определяются их внутренним уголовным законом [26]. Таким образом, принципы международного права носят общий характер и не могут заменить национальное процессуальное правило. Российская Федерация осуществляет сотрудничество с иностранными государствами на основе взаимного соблюдения международных договорных норм и руководствуясь принципом взаимности. В международном сотрудничестве Россия является равноправным, суверенным, независимым субъектом международных правоотношений [там же].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что Российская Федерация впервые, за всю историю развития взаимоотношений с другими государствами в сфере расследования преступлений, вышла на высокий уровень формирования международно-правовой уголовно-процессуальной базы. К концу XX в. сложилась практика заключения универсальных конвенций, типовых договоров, на двустороннем уровне характерно стремление урегулировать отдельными договорами каждое направление (институт) международного сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере.

Список использованных источников

1. Лазутин, Л.А. Международное сотрудничество и правовая помощь / Л.А. Лазутин // Законность. — 2008. — № 3.
2. Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Ф.Ф. Мартенс. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб., 1986. — Т. 2.— С. 379.
3. Lombois, C. Droit penal international / C. Lombois. — DaLloz, 1971. — Р. 447. Цит. по: Шинкевич, Д.В. Особенности доказывания по уголовным делам при оказании правовой помощи иностранным государствам : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Д.В. Шинкевич. — Омск, 2006. — С. 24.
4. Lombois, C. Droit penal international / C. Lombois. — Paris : Dalloz Zed., 1979. — 537 р. Цит. по: Шинкевич, Д.В. Указ. соч. С. 24.
5. Markus, F. Lentrade judiciaide en matière penale comme institution du droit penal international ("Acta juridical", t. XIII, № 1–2, Budapest, 1971, p. 60). Цит. по: Шинкевич, Д.В. Указ. соч. С. 23.
6. Шупилов, В.П. Международная правовая помощь по уголовным делам / В.П. Шупилов // Советское государство и право. — 1974. — № 3. — С. 86. Цит. по: Шинкевич Д.В. Указ. соч. С. 25.
7. Лазутин, Л.А. Виды правовой помощи по уголовным делам: вопросы теории / Л.А. Лазутин // Журнал российского права. — 2008. — № 7. cmt.consultant.ru/cji/list/2008/0820.htm
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. рук. В.И. Радченко; науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2006. — С. 925.
9. Глумин, М.П. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.П. Глумин. — Н. Новгород, 2005. — С. 182–183.
10. О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и дополнительного протокола к ней: Федеральный закон от 25.10.1999 г. № 193-ФЗ // Российская газета. — 1999. — 28 окт.
11. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Заключена в г. Минске 22.01.1993] // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». — 1997. — № 2.
12. Протокол к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г. (Москва, 28 марта 1997 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 1999. — № 3. — (Приложение).

-
13. Михайленко, К.К. Межгосударственное регулирование оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам на примере стран СНГ : дис. ... канд. юрид. наук. — М. 2003. — С. 201.
 14. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Федеральный закон от 08.03.2006 г. № 40-ФЗ: принят ГД ФС РФ 17.02.2006 // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 12. — Ст. 1231.
 15. Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31. — Ст. 3424.
 16. Бюллетень международных договоров. — 2000. — № 9. — С. 51–59.
 17. Council Framework Decision N 978 on the European Evidence Warrant for objects, documents and data for use in proceeding in criminal matters // OJ L 196. 02.08.2003. — P. 45.
 18. OJ L 190. 18.07.2002. — P. 1.
 19. Мазаева, Н.Н. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н.Н. Мазаева. — М., 2004. — С. 105–107.
 20. Волевозд, А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А.Г. Волевозд. — М., 2002. — С. 21.
 21. Курушина, Е.В. Международно-правовые акты как источники уголовно-процессуального права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.В. Курушина. — М., 2003. — С. 51.
 22. Карасева, Е.В. Процессуальные аспекты международного сотрудничества органов предварительного следствия при МВД Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е.В. Карасева. — М., 1999. — С. 26.
 23. Сланов, Б.И. Международное сотрудничество органов предварительного следствия МВД Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — Владимир, 2004. — С. 23–24.
 24. Феоктистова, Е.Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. — М., 2006. — С. 19–20.
 25. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о сотрудничестве в области борьбы с преступностью [Заключено в Москве 06.10.1997] // Бюллетень международных договоров. — 1998. — № 2. — С. 55–58; Соглашение о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Правительством Португальской Республики в области борьбы с преступностью [Заключено в Москве 29.05.2000] // Бюллетень международных договоров. — 2002. — № 3. — С. 76–78.
 26. Волженкина, В.М. Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества : учеб. пособие / В.М. Волженкина; С.-Петербург. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ. — СПб., 1999.

30.05.2012

УДК 341

В. Н. Кивель

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ БЕЖЕНЦЕВ И ЛИЦ, КОТОРЫМ ПРЕДОСТАВЛЕНА ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЗАЩИТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Проблема массового притока вынужденных мигрантов является достаточно серьезной в Республике Беларусь и требует государственного регулирования. Понятия «беженец» и «лицо, ищущее убежища», являются синонимами, при их использовании сложилась практика обозначения вторым термином иностранца, который еще не признан официально беженцем на территории принимающего государства. В статье рассматриваются права и обязанности такого лица, показана процедура предоставления ему статуса беженца.

The problem of mass inflow of the compelled migrants is rather serious in the Republic of Belarus and demands state regulation. The concepts "refugee" and "the person who is looking for shelters", are synonyms, with their use there is developed the practice of designation by the second term of the foreigner who isn't recognized yet officially as the refugee in the host state territory. In the article the rights and duties of such a person are considered, procedure of granting him the status of the refugee is shown.

Проблема беженцев тревожит весь мир и является одной из глобальных. Вооруженные конфликты в различных частях планеты заставляют людей оставлять свои дома и страны. Массовый приток вынужденных мигрантов — достаточно серьезный для нашего государства вопрос, который требует государственного регулирования. В общем плане право на убежище закреплено в ст. 12 Конституции Республики Беларусь: «Республика Беларусь может предоставлять право убежища лицам, преследуемым в других государствах за политические, религиозные убеждения или национальную принадлежность» [1].

Несмотря на то что понятия «беженец» и «лицо, ищущее убежища» выступают синонимами, при их

использовании сложилась практика обозначения вторым термином иностранца, который еще не признан официально беженцем на территории принимающего государства. В отношении такого лица осуществляется процедура предоставления ему статуса беженца, соответственно объем прав и обязанностей иностранца напрямую зависит от стадии процедуры, на которой находится ходатайствующее лицо. В законодательстве Республики Беларусь существует также категория лиц (иностранных граждан или лиц без гражданства), у которых отсутствуют основания для предоставления им статуса беженца, но имеются обоснованные опасения столкнуться при

возвращении в государство гражданской принадлежности с угрозой смертной казни, пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания либо с угрозой жизни, возникшей по причине насилия в условиях вооруженного конфликта международного или немежнационального характера, и которые не могут или не желают вследствие таких опасений пользоваться защитой этого государства. Данной категории предоставляется дополнительная защита.

Дополнительная защита предоставляется таким лицам на срок до одного года. В случае сохранения в государстве гражданской принадлежности либо прежнего обычного места жительства иностранных граждан или лиц без гражданства оснований, по которым им предоставлена дополнительная защита, срок ее предоставления может продлеваться до одного года.

Права и обязанности лица, ищущего убежища:

- группы лиц, индивидуальное рассмотрение ходатайств о защите которых невозможно по причине их одновременного массового прибытия и в этой связи необходимости решения вопроса об их допуске и пребывании в Республике Беларусь по основаниям, предусмотренным для предоставления статуса беженца или дополнительной защиты (временная защита);
- права и обязанности лица ходатайствующего о защите;
- права и обязанности признанного беженца;
- права и обязанности лиц, которым предоставлена дополнительная защита.

Правовой статус иностранцев, относящихся к группе лиц, индивидуальное рассмотрение ходатайств о защите которых невозможно по причине их одновременного массового прибытия в Республику Беларусь (временная защита), закреплен ст. 25 и 26 Закона Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защите в Республике Беларусь» [2]. Данная категория лиц имеет право:

- получение информации о своих правах и обязанностях;
- бесплатную скорую (неотложную) медицинскую помощь в государственных учреждениях здравоохранения;
- поселение в местах, определенных Советом Министров Республики Беларусь, и передвижение по территории Республики Беларусь в порядке, определенном Советом Министров Республики Беларусь;
- добровольное возвращение в государство гражданской принадлежности либо прежнего обычного места жительства;
- обращение в Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев;
- пользование иными правами наравне с иностранцами, временно пребывающими в Республике Беларусь, если иное не определено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь.

Обязанности данных лиц:

- соблюдать Конституцию и законодательство Республики Беларусь, а также уважать национальные традиции белорусского народа;
- представить документы для выезда за границу;

- пройти идентификацию личности в случае отсутствия документа для выезда за границу либо в случае предъявления подложного или поддельного документа для выезда за границу;
- пройти обязательную государственную дактилоскопическую регистрацию и обязательное медицинское освидетельствование;
- исполнять иные обязанности наравне с иностранцами, временно пребывающими в Республике Беларусь, если иное не определено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь.

Правовой статус иностранца, ходатайствующего о защите, также практически целиком регулируется национальным правом с соблюдением важнейших прав беженца (невысылки, невынуждены и др.), закрепленных в международно-правовых нормативных актах и законодательстве Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защите в Республике Беларусь» в ст. 29 называет следующие права данной категории лиц, а также прибывших вместе с ним членов его семьи:

- получение информации о своих правах и обязанностях, а также о рассмотрении ходатайства о защите;
- самостоятельное поселение в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь;
- проживание в пункте временного поселения либо месте временного поселения в случае отсутствия возможности самостоятельного поселения;
- получение денежной помощи в порядке и размерах, определенных Советом Министров Республики Беларусь;
- бесплатную скорую (неотложную) медицинскую помощь в государственных учреждениях здравоохранения;
- трудоустройство наравне с иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь;
- подачу заявления о прекращении рассмотрения ходатайства о защите;
- обращение в Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев;
- судебную защиту наравне с гражданами Республики Беларусь;
- пользование иными правами наравне с иностранцами, временно проживающими в Республике Беларусь, если иное не определено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь.

Несовершеннолетний, ходатайствующий о защите, кроме указанных прав имеет также право на обучение в учреждениях, обеспечивающих получение дошкольного и общего среднего образования, и медицинское обслуживание наравне с несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь.

К обязанностям ходатайствующего о защите относятся:

- соблюдать Конституцию и законодательство Республики Беларусь, а также уважать национальные традиции белорусского народа;
- стать на учет в подразделении по гражданству и миграции по месту временного проживания в Республике Беларусь в течение трех рабочих дней после ознакомления с решением о предоставлении дополнительной защиты;

- сообщить в течение семи дней в подразделение по гражданству и миграции сведения об изменении фамилии, собственного имени, отчества, состава семьи, семейного положения, о приобретении гражданства другого государства;
- сообщить в подразделение по гражданству и миграции о намерении выехать на постоянное место жительства за пределы Республики Беларусь;
- стать на учет в подразделении по гражданству и миграции при перемене места временного проживания в Республике Беларусь в течение трех рабочих дней со дня прибытия к новому месту временного проживания в Республике Беларусь;
- исполнять иные обязанности наравне с иностранцами, временно проживающими в Республике Беларусь, если иное не определено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь.

Правовой статус признанного беженца в Республике Беларусь характеризуется самым широким объемом прав и обязанностей и имеет комплексный характер. Фактически, права беженца включают следующие группы прав:

- права граждан Республики Беларусь: на бесплатную медицинскую помощь; получение образования; социальную защиту, в том числе социальное обеспечение и т. д.;
- права иностранцев и лиц без гражданства, постоянно проживающих в нашей стране: право заниматься трудовой, хозяйственной или иной незапрещенной деятельностью; вступать в профессиональные союзы и другие общественные объединения; заключать или расторгать брак с гражданами Республики Беларусь и иными лицами и др.;
- специфические права, присущие только беженцу: не-применение уголовных и административных санкций за незаконный въезд и пребывание беженца на территории Республики Беларусь; право на убежище, невыдачу и невысылку беженцев, запрет их принудительного возвращения в страну, откуда они прибыли, выдачу признанному беженцу соответствующего удостоверения личности.

По уровню закрепления можно выделить права, охраняемые Конституцией; Законом Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защите в Республике Беларусь» и другими законами, регулирующими правовое положение иностранцев и лиц без гражданства в Республике Беларусь; подзаконными нормативными правовыми актами.

Конституция Республики Беларусь закрепляет права на жизнь, на свободу, неприкосновенность и достоинство личности, презумпцию невиновности и др.

Закон Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защите в Республике Беларусь» говорит о праве беженца на проживание на территории нашего государства на период действия статуса беженца, о праве на получение денежной помощи и других видов помощи и т. д.

Подзаконные нормативные правовые акты конкретизируют порядок осуществления беженцами своих прав, регулируют вопросы, связанные с поселени-

ем беженцев, получением ими вида на жительство и проездных документов для выезда за пределы Республики Беларусь и въезда на территорию республики и др.

В отличие от личных прав, которые по своей природе неотчуждаемы и принадлежат каждому человеку от рождения, политические права связаны с обладанием человеком гражданством конкретного государства. Исходя из этого иностранные граждане и лица без гражданства в соответствии со ст. 19 и 20 Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [3] не могут избирать и быть избранными в выборные государственные органы республики, принимать участие в референдумах, а также не могут занимать должности, назначение на которые в соответствии с законодательством связано с принадлежностью к белорусскому гражданству.

Однако неверно утверждать, что данная категория населения не обладает политическими правами и свободами. Статья 9 вышеуказанного Закона говорит о том, что иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, имеют право вступать на общих основаниях с белорусскими гражданами в профессиональные союзы и другие общественные объединения, не преследующие политические цели, если это не противоречит их уставам и законодательству Республики Беларусь. Среди прочих прав беженца, перечисленных в ст. 19 Закона Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защите в Республике Беларусь», абзац 12 называет право на судебную защиту наравне с белорусскими гражданами. Возможности пользования социально-экономическими и культурными конституционными правами и свободами предоставлены беженцам на равных возможностях с иностранными гражданами, постоянно проживающими на территории Республики Беларусь.

Неразрывно связаны с правами признанного беженца и его обязанности. Различают две группы обязанностей:

- обязанности беженца как лица, постоянно проживающего на территории Республики Беларусь:
 - соблюдать Конституцию и законы Республики Беларусь, уважать национальные традиции,
 - уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц,
 - заботиться о сохранении историко-культурного, духовного наследия,
 - охранять природную среду;
- обязанности беженца, связанные с его особым правовым статусом, которые содержатся в ст. 20 Закона «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защите в Республике Беларусь»:
 - стать на учет в подразделении по гражданству и миграции по месту жительства или временного проживания в Республике Беларусь в течение трех рабочих дней после ознакомления с решением о предоставлении статуса беженца;

- сообщить в течение семи дней в подразделение по гражданству и миграции сведения об изменении фамилии, собственного имени, отчества, состава семьи, семейного положения, о приобретении гражданства другого государства;
- сообщить в подразделение по гражданству и миграции о намерении выехать на постоянное место жительства за пределы Республики Беларусь;
- стать на учет в подразделении по гражданству и миграции при перемене места жительства или временного проживания в Республике Беларусь в течение трех рабочих дней со дня регистрации по новому месту жительства или временного проживания в Республике Беларусь;
- исполнять иные обязанности наравне с иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь, если иное не определено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь.

Права и обязанности лиц, которым предоставлена дополнительная защита, закреплены ст. 22 и 23 Закона Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь». Права данной категории лиц:

- получение информации о своих правах и обязанностях, в том числе об обращении с заявлением о prodлении дополнительной защиты;
- получение свидетельства о дополнительной защите;
- получение разрешения на временное проживание в Республике Беларусь на срок предоставления дополнительной защиты;
- проживание в месте временного поселения в случае отсутствия возможности самостоятельного поселения на срок предоставления дополнительной защиты, но не более одного года;
- медицинское обслуживание и трудоустройство наравне с иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь;
- обращение в подразделение по гражданству и миграции с заявлением о продлении дополнительной защиты;
- обращение в подразделение по гражданству и миграции с новым ходатайством о защите в случае возникновения оснований для предоставления статуса беженца;
- содействие Департамента в получении сведений о близких родственниках, проживающих в государстве гражданской принадлежности либо прежнего обычного места жительства;
- добровольное возвращение в государство гражданской принадлежности либо прежнего обычного места жительства;

- выезд на постоянное место жительства в другое государство;
- воссоединение семьи;
- обращение в Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев;
- судебную защиту наравне с гражданами Республики Беларусь;
- пользование иными правами наравне с иностранцами, временно проживающими в Республике Беларусь, если иное не определено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь.

Несовершеннолетний иностранец, которому предоставлена дополнительная защита, кроме указанных прав имеет также право на обучение в учреждениях, обеспечивающих получение дошкольного и общего среднего образования, и медицинское обслуживание наравне с несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь. Обязанности данной категории лиц:

- соблюдать Конституцию и законодательство Республики Беларусь, а также уважать национальные традиции белорусского народа;
- стать на учет в подразделении по гражданству и миграции по месту временного проживания в Республике Беларусь в течение трех рабочих дней после ознакомления с решением о предоставлении дополнительной защиты;
- сообщить в течение семи дней в подразделение по гражданству и миграции сведения об изменении фамилии, собственного имени, отчества, состава семьи, семейного положения, о приобретении гражданства другого государства;
- сообщить в подразделение по гражданству и миграции о намерении выехать на постоянное место жительства за пределы Республики Беларусь;
- стать на учет в подразделении по гражданству и миграции при перемене места временного проживания в Республике Беларусь в течение трех рабочих дней со дня прибытия к новому месту временного проживания в Республике Беларусь;
- исполнять иные обязанности наравне с иностранцами, временно проживающими в Республике Беларусь, если иное не определено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь.

Таким образом, совокупность прав и обязанностей беженца и лица, ищущего убежища, представляет собой комплексное явление. Они неразрывно связаны между собой и необходимы. В целом, они позволяют данной группе лиц нормально существовать в нашей стране и направлены на реализацию как их интересов, так и интересов государства.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). — Минск : Амалфэз, 2006. — 48 с.
2. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 23.06. 2008 г., № 354-З: в ред. законов Респ. Беларусь от 04.01.2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2010.
3. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 04.01. 2010 г. № 105-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2010.

04.05.2012

А. Л. Козик, Э. А. Калинина

СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ОСОБЕННОСТИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРАВОМ

Рассматриваются особенности современного международного права, разные подходы к пониманию его терминологии, путей проникновения в национальное право мирового сообщества государств. Особое внимание обращено на проблемы взаимодействия белорусского национального и международного права.

Features of the modern international law, different approaches to understanding of its terminology, ways of penetration to the national law of the states' world community are observed. The special attention is turned to the problems of interaction of the Belarusian national and international law.

Международное право — древнейший изобретенный человечеством правовой институт. Но до сих пор дискутируются вопросы относительно сущности понятия «международное право», его терминологии. В настоящей статье в контексте анализа достижений зарубежной и отечественной мысли ставилась цель рассмотреть наиболее значимые учения о проблемах взаимосвязи и взаимовлияния международного и национального права.

Любое исследование необходимо начинать с изучения общепризнанных особенностей, свойств, черт международного права, затем — спорных признаков, либо требующих какого-либо уточнения, дополнения. С нашей точки зрения, основную особенность современного международного права необходимо рассматривать как следствие длительной многовековой практики мирового сообщества государств¹.

В научной литературе термин «международное право» многими авторами понимается как самостоятельная система норм, опосредующая отношения между государствами и иными субъектами². Некоторые полагают, что международное право представляет собой симбиоз международного публичного и международного частного права³. Американский профессор А. д'Амато рассматривает право лишь как форму аргументации при попытках добиться от кого-либо определенного поведения [1, с. 12–13]. Существуют иные концепции [2, с. 196–201].

Проявление многих точек зрения относительно понятия международного права может свидетельствовать, на первый взгляд, об отсутствии в нем конкретного смысла. Но понимание нормативного характера, механизмов международного права в доктрине вполне ясное, поскольку он предусматривает их отражение и реализацию в первую очередь в практике государств. Практика — один из важнейших элементов формирования норм международного права. Даже

¹ Козик, А.Л. Международное и национальное трудовое право [проблемы взаимодействия] / А.Л. Козик, К.Л. Томашевский, Е.А. Волк. — Минск : Амалфея, 2012. — С. 9–31.

² С несущественными, для нашего рассмотрения, различиями в формулировках такую позицию можно обнаружить в работах советских ученых И. И. Лукашук, В. В. Лазарева, С. В. Черниченко, В. И. Кузнецова, Б. Р. Тузумхамедова и др.

³ Данная позиция прослеживается в работах американских профессоров М. Джейниса и А. М. Слотор.

при прогрессивном его развитии практика играет важную роль как при формировании самих норм, так и при последующем расширении сферы их действия.

Термин «международное право» впервые возник в правовой системе Древнего Рима. Точнее, в Риме использовался термин *jus gentium*⁴, который обозначал совокупность норм, главным образом регулирующих отношения римлян с иностранцами, а также иные смежные отношения. Позже термин модифицировался в *jus inter gentes*⁵ — право между народами или международное право [1, с. 69–71; 3, с. 19–23].

Основными субъектами международного права выступают государства, а не народы. Однако проблема наименования существует главным образом для русского и некоторых других славянских языков. В английском (как и многих других европейских языках) термин «international law» означает «межгосударственное право», поскольку термин «nation» может быть переведен и как «государство».

Термины «международное право» и «международное публичное право» большинством авторов употребляются как синонимы, хотя имеются другие мнения. В исследованиях юристов, изучающих отличные от международного права отрасли юридической науки, термин «международное право» трактуется как совокупность двух групп норм — международного публичного и международного частного права. Такой подход не представляется обоснованным. Международное частное право, по определению М. М. Богуславского, «это составная часть внутренней правовой системы каждого государства» [4, с. 13]. Оно подчиняется внутригосударственному правопорядку и главной задачей ставит регулирование коллизий между нормами права различных стран. Международное частное и международное публичное право пользуются различными правовыми механизмами, имеющими в основе различные методы, предмет регулирования, субъектный состав, у них иной процесс возникновения норм, иные методы принуждения. На наш взгляд, совместить эти две, безусловно, взаимодействующие друг с другом, но в целом различные системы норм без утраты практической пользы невозможно.

⁴ Право народов (лат.)

⁵ Право между народами (лат.)

Наиболее аргументированным представляется подход определения международного права как самостоятельной (отличной от государственной) системы права, явившейся следствием длительной многовековой практики взаимодействия государств.

Следует отметить, что хотя постановка вопроса о соотношении международного и национального права осуществлялась в литературе, полагаем, что рассмотрение особенностей международного права, проблем взаимосвязи и взаимовлияния международного и национального права представляется весьма важным для социальной практики государств. Среди особенностей международного права определим основные.

Создание норм международного права согласованной волей субъектов международного сообщества государства. В основе отношений, регулируемых международным правом, лежит древнеримский принцип *par in parem non habet imperium*⁶. Следовательно, государства свободны в регулировании общественных отношений внутри своей юрисдикции и в отношении субъектов национальной системы права, но не могут выйти за пределы своих правомочий и установить норму, обязывающую иного субъекта международного права без согласия последнего. Именно это предопределяет основную особенную специфику международного права.

Тенденция трансформации объекта международного права на базе расширения его субъектного состава. Объектом, на который направлено международно-правовое регулирование, часто называют межгосударственные отношения [1, с. 11; 3, с. 36–37]. Согласимся с И. И. Лукашуком в том, что «международное право призвано регулировать особую разновидность общественных отношений — межгосударственных, т. е. властных отношений с участием суверенных государств. Поэтому механизм формирования и действия международного права носит межгосударственный, а не надгосударственный характер» [1, с. 11]. Н. А. Ушаков уточняет данный термин, называя отношения, регулируемые международным правом, международными [5, с. 3–4].

В круг межгосударственных (международных) включаются и отношения с участием государств, межгосударственных организаций, вольных городов, наций, борющихся за самоопределение⁷. Вместе с тем с возникновением института защиты прав человека, расширением практики создания конфедеративных союзов [6] и некоторыми другими тенденциями в современном международном праве все чаще говорят о расширении субъектного состава и, в результате, трансформации объекта регулирования международного права.

Обусловленность механизма реализации норм международного права имплементацией его обязательств в национальную систему права. Известно, что международное право возникло и развивалось как право межгосударственного общения. Принцип *par in parem non habet imperium* обеспечивает невмешательство государств во внутренние дела

друг друга. Поэтому, каким образом государство имплементирует (включит) обязательства в национальную систему права,— его внутреннее дело. Если государство не станет отражать на национальном уровне свои международно-правовые обязательства, то это не будет иметь последствий до нарушений им норм международного права⁸.

Обеспечение механизма принуждения в международном праве юридически равными объектами. Характерной чертой общественных отношений, регулируемых международным правом, выступает и то, что механизм принуждения здесь действует иначе, нежели во внутригосударственном праве. Субъекты, будучи юридически равными, обеспечивают юридически обязательную силу международного права. В международном праве не существует некого «полицейского органа». Присоединимся в этом к мнению И. И. Лукашука: «Источником юридически обязательной силы международного права является соглашение государств. Юридическая сила общепризнанных норм порождается общим согласием государств, согласием международного сообщества в целом. <...> При создании нормы международного права достигаются как бы два соглашения. Одно — относительно содержания нормы, другое — о придании ей юридически обязательной силы» [1, с. 45, 47].

Нормы международного права являются обязательными. Известный российский учёный С. В. Черниченко отмечает следующие особенности принуждения в международном праве [3, с. 40–42]: оно адресуется непосредственно участникам межгосударственных отношений; обеспечивается юридически равными субъектами; в организационном плане может быть опосредованым через другие организации или органы; диапазон принимаемых мер ограничен международным правом — нормами, являющимися результатом согласования воли субъектов. Хотя международное право называют «публичным», однако, как свидетельствуют приведенные мнения, ему, как системе и большинству его отраслей, не свойствен императивный метод (власть и подчинение) регулирования. Термин «публичное» означает, что отношения регулируются главным образом между особыми субъектами — носителями публичной власти, государствами.

Критерий деления права на отрасли в международном праве — предмет правового регулирования. Особенностью международного права выступает иной подход к критериям разграничения его на отрасли. Единственным критерием деления международного права на отрасли является предмет правового регулирования. В отличие от национальной системы права метод правового регулирования в международном праве один — соглашение между субъектами [5, с. 33–34]. Критерии разделения права на отрасли более мягкие, нежели в национальной доктрине. Это делает такое деление условным, тем более, что не существует единого и общепризнанного основания классификации объекта между-

⁶ Равный над равным власти не имеет (лат.).

⁷ Это отмечено в научных работах Я. Броунли, И. И. Лукашука, Н. А. Ушакова, Г. И. Тункина и др. ученых.

⁸ Хороший анализ практики и обязательств государств приведен в решении и мнениях судей Международного Суда ООН по делу Difference Relating to Immunity from Legal Process of a Special Rapporteur of the Commission on Human Rights.

народного права. Это очевидно, поскольку в доктрине международного права порой нет единобразия даже в понимании предмета той или иной отрасли (например, понимание гуманитарного права профессором И. П. Блищенко [7, с. 76] и другими авторами [8, с. 93–108]).

Таким образом, деление международного права на отрасли выступает своеобразной теоретической фикцией, удобной для группировки норм в зависимости от предмета, на который направлен взгляд исследователя. Доктрина чутко реагирует на расширение нормативной базы и развитие отдельных институтов права, выделяя новые отрасли — международное информационное право, международное таможенное право, международное трудовое право и пр.

Государство — основной, первоначальный, определяющий, универсальный субъект международного права [9]. На протяжении многовековой истории государство было единственным субъектом международных отношений. Современное международное право по-прежнему регулирует главным образом взаимоотношения между государствами. В настоящее время к субъектам относят также международные организации и другие международные институции [5, с. 9]. Остальные субъекты «черпают» правоспособность от него и поэтому называются производными. Общепризнанными субъектами современного международного права, помимо государств, являются межгосударственные (международные) организации. В доктрине также обоснована международная правосубъектность наций и народов, борющихся за самоопределение, вольных городов, Ватикана. Данные субъекты возникают и существуют благодаря воле первоначальных субъектов права, наделивших их специальной правоспособностью.

В науке международного права в настоящее время дискутируются вопросы наличия и характера международной правосубъектности индивида. Противники расширения круга субъектов в международном праве утверждают, что «существенная особенность статуса субъектов международного права состоит в том, что они непосредственно участвуют в создании и осуществлении его норм» [10] и что «международная правосубъектность есть юридическое выражение членства в международном сообществе. Субъект должен обладать независимым международным статусом и быть подчинен непосредственно международному праву. Если связь с международным правом опосредована каким-либо иным политico-правовым образом, то в лучшем случае можно говорить о какой-то особой, производной правосубъектности» [1, с. 23–24].

С развитием международного права за индивидами закрепился ряд международно-правовых прав и обязанностей, поскольку индивид: несет ответственность за тяжкие деяния, например за преступления против человечности, на основе непосредственного применения международных норм (международные военные трибуналы, международные уголовные трибуналы, специальный суд по Сьерра-Лионе, Международный уголовный суд); получил возможность защищать свои права в международных органах, выдвигая иски против государства, гражданином которо-

го он является (например, в Европейском суде по правам человека); приобретает все больший объем прав и обязанностей по международному праву, хотя по-прежнему не заключает договоры и не объявляет войн и, видимо, никогда этого делать не будет; «стал непосредственным субъектом международного права» [11].

Независимо от дискуссии о круге субъектов международного права, все они обладают важной характеристикой: не находятся в прямом соподчинении относительно друг друга.

В соответствии с методом международно-правового регулирования нормы международного права устанавливаются по взаимному согласию и соглашению между субъектами международных отношений и ими охраняются путем применения в необходимых случаях принуждения к их соблюдению [5, с. 6]. Именно соглашение — явно выраженное или достаточно ясное молчаливое — создает основу для возникновения нормы международного права. Поскольку субъекты международного права юридически равны, то нормы, созданные путем согласования воли одними субъектами, не создают обязательств для третьих сторон.

Специфической чертой международного права является то, как справедливо отметил Н. А. Ушаков, что «субъективному праву предусмотренных нормами международного права субъектов всегда противостоят субъективные обязательства других субъектов международного права (курсив.— Э. К. и А. К.)» [5, с. 10].

Закрепление правил международного права в нормах международного права, изложенных в различных его источниках. В международном праве не существует нормативно закрепленного перечня источников. Единственное авторитетное нормативно закрепленное мнение по данному вопросу отражено в ст. 38 Статута Международного Суда ООН. В ней перечислены источники, которыми руководствуется суд при вынесении решений: договоры; обычаи; общие принципы права в качестве основных источников; прецедент и доктрина наиболее квалифицированных специалистов в качестве вспомогательных. Практика свидетельствует, что данный перечень не является исчерпывающим. В качестве источников выделяют также: решения (резолюции) международных организаций и односторонние акты государства (акты-обязательства, акты-признания).

Как отмечалось, общим для всех источников права является способ создания — соглашение субъектов. И международный договор и международный обычай имеют одинаковый способ создания, хотя отличаются формой существования и процессом создания [12, с. 77–78].

В международном праве выделяют писаные и устные международные договоры. Если сравнивать международное право с внутригосударственной системой права, то следует отметить, что нормативные договоры в последней скорее исключение, чем правило, тогда как в международном праве договоры являются одной из основных форм закрепления нормы права. Это обусловлено спецификой отношений между субъектами, о которой излагалось выше.

Существование договоров ярко иллюстрирует еще одну специфическую особенность международно-правовой системы. Нормы, закрепленные в договоре, адресованы и обязывают только его участников. В международном праве обычным считается наличие различных договоров (норм), имеющих одинаковый предмет и цель, но различное содержание (например, Женевская конвенция о континентальном шельфе 1958 г. и Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.). Причем эти договоры будут действующими между различными субъектами. Например, Россия является участницей Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и Женевской Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. США выступает участником только последнего договора. В отношениях между Россией и США действует Конвенция 1958 г. В отношениях России с государствами-участниками Конвенции ООН 1982 г. действует последняя.

Большое значение для регулирования международных отношений носит международный обычай. В ст. 38 Статута Международного Суда ООН международный обычай определен как «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы» [13]. Таким образом, можно выделить важные элементы обычая: 1. единообразная практика государств; 2. признание международным сообществом данной практики в качестве обязательной (*opinion juris*⁹). Как отмечает Н. А. Ушаков, «о международном обычай речь... идет как о норме общего международного права. И, в частности, потому, что формирование локального многостороннего международного обычая хотя в принципе и возможно, но происходит крайне редко. Двусторонний же обычай вообще не имеет смысла» [5, с. 11]. Общий характер обычных норм обозначил еще одну специфику международно-правовых отношений — они консервативны. Обычные нормы, как и договорные, являются основным источником международного права. Даже в ситуации, когда обычная норма кодифицируется в договоре, она не перестает существовать [14].

Таким образом, в международном праве в качестве основных источников права параллельно существуют договор (предоставляющий субъектам возможность волевым решением создавать новую норму) и обычай (общая норма, возникающая на основе практики). В международном праве появляются случаи формирования обычая на основе единственного факта, а не длительной практики. Так, запуск в 1957 г. первого искусственного спутника земли, при молчаливом одобрении остальных субъектов права, стал основой сложившейся обычной нормы о свободе использования космического пространства [12, с. 166–170].

Международно-правовой обычай — особый элемент международного права. Именно обычай как форма выражения (закрепления) норм права обеспечивает возможность существования общего (универсального) международного права. Поскольку единственным способом создания норм является соглашение государств, то государство должно выразить согласие на обязательность в отношении его

юридической нормы. Такое согласие может быть молчаливым (например, следование практике).

Особый подход в международном праве к принципам права. В упоминавшейся ст. 38 Статута Международного Суда ООН в качестве основного источника, которым руководствуется суд, указаны также «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». Имеются в виду принципы, которые главным образом исходят из римского права и признаны основными правовыми системами: «равный перед равным силы не имеет»; «никто не может быть судьей в собственном деле»; принцип эстопеля и т. п. Данные нормы были призваны компенсировать неразвитую процессуальную составляющую международного права, а также дать возможность правопримениителю опереться на устоявшиеся правовые концепции.

Изложенная позиция широко поддерживается в доктрине [3, с. 153–154]. Фактически общие принципы права есть заимствование правопримениителем норм национальной системы (систем) права. Суды и арбитражи, перенимая эти нормы и придавая им международно-правовое звучание, фактически создают новый элемент международного права [15, с. 15–18]. Сам Международный Суд ООН и его предшественник — Постоянная Палата Международного Правосудия — неохотно упоминали данный источник в своих решениях, хотя активно пользовались им. Пожалуй, самой знаменитой ссылкой на общие принципы права является параграф из Chorzow Factory case, в котором суд отметил, что «это принцип международного права, и даже общая концепция права, что любое нарушение влечет обязательства возмещения» [16, с. 29].

Нет явных оснований утверждать, что общие принципы права не могут являться общими принципами международного права [15, с. 18–19]. Учитывая особый характер создания норм (требуется согласие субъектов), отметим, что любые принципы международного права, то есть элементы международно-правовой системы, будут носить обычно-правовой характер и не нуждаются в особом закреплении. Тогда как ст. 38.1(с) дает возможность эффективно произвести «техническую» рецепцию из национальных систем (получая *opinion juris* такие нормы, очевидно, получают и обычно-правовой статус).

Судебные решения и доктринальные толкования как источники имеют большое значение при формировании позиций международных органов (в том числе судебных), при определении возникновения обычая и т. п. Это прослеживается при ознакомлении с частными мнениями судей Международного Суда ООН и самими решениями. Международный Суд ООН часто ссылается на доктрину и судебные решения как на дополнительное обоснование правильности своих выводов, но невозможно представить вынесенное по существу решение, основанное на вспомогательных источниках.

Понятие «принципы международного права» нашло отражение в международно-правовых актах [17] и в доктрине [18, с. 105–108]. В доктрине под термином «принципы международного права» понимаются: комплекс норм международного права [19,

⁹ Юридическое мнение, мнение обладающее юридической силой (лат.).

с. 16–17]; обычные нормы права; общие принципы права (в понимании ст. 38(1)(с) Статута Международного Суда ООН) [15, р. 18]. Важно отметить, что термин «принципы международного права» в правоприменительной практике определен ясно — как норма общего международного права [20]. Общий характер норм предопределяет их форму закрепления (обычай). Таким образом, принцип международного права — это норма международного права, закрепленная в форме обычая.

В западной и отечественной доктрине международного права существуют некоторые различия, касающиеся понимания значения термина «принцип международного права» [21, р. 498–499]. Представители отечественной школы международного права традиционно отводят принципам международного права особую роль в иерархии его норм [18, с. 105–108; 22, с. 106–108]. Данная позиция не находит подтверждения в правоприменительной практике.

Таким образом, очевидно, что для применения в праве «принцип» должен обладать нормативным характером, то есть формулироваться в виде нормы права. Это важная особенность международного права.

Постоянная Палата Международного Правосудия в *Lotus (SS) case* [20] определила принцип права как норму общего (обычного) международного права. Так, известная резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2625 [17], определяющая семь принципов, которыми должны руководствоваться государства в отношениях между собой,— это документ, не носящий обязывающего характера. Декларация может лишь констатировать существующие на момент ее принятия обязательства государств или выразить позицию конкретного органа, но декларация (не путать с договором) в данном случае не является формой закрепления норм международного права. Это не умаляет значимости декларации. Но и в этом случае и в случае с документом аналогичного характера (включая Всеобщую декларацию прав человека) необходимо помнить, что они могут служить подтверждением практики, или выраженным *opinio juris*, что важно для существования обычая. Но сами документы не являются формой закрепления норм права. Это вытекает из метода международного права, из вышеупомянутого принципа *par in parem non habet imperium*.

Нормы, закрепленные в форме обычая (принципы), подразделяются на диспозитивные и императивные. Диспозитивная норма может быть изменена сторонами в отношениях между собой путем формирования локального обычая или заключения международного договора. Практика [23–24] и доктрина [15, р. 488–490] подтверждают данный тезис. Императивная норма определяется общим международным правом как норма *jus cogens*.

В соответствии со ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. договор, который противоречит норме *jus cogens*, ничтожен; норма *jus cogens* может быть отменена или изменена только последующей нормой такого же значения. Закрепленного где-либо перечня норм *jus cogens* не

существует. *Travaux préparatoires*¹⁰ Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. указывают на то, что государства практически единогласно приняли концепцию норм *jus cogens* и не формировали список таких норм с целью дальнейшего ее развития в доктрине и судебных прецедентах. Тем не менее в качестве примера были названы некоторые из норм *jus cogens*: запрет геноцида, апартеида, обращение в рабство. Правоприменительная практика позволяет выделить другие нормы *jus cogens*: запрет пыток [25] и иное бесчеловечное обращение [26]; право на доступ к правосудию; соблюдение судебных гарантий и объективное рассмотрение дела [27]; равенство и недискриминация [28]. Нормы *jus cogens* налагаются на субъектов права обязательства *ergo omnes* [29, пар. 33], которые противопоставлены правам не только конкретных государств, но и мирового сообщества. В этом также заключается их особый характер. Отметим, что дискуссия о существовании в международном праве императивных норм общего международного права (*jus cogens*), их характере, конкретном перечне таких норм не закрыта [15, р. 488–490; 30, р. 42, 93–94; 31, р. 220–222; 32].

Вышеизложенное свидетельствует, что не все принципы международного права (в том понимании этого термина, какое в него вкладывает правоприменительная практика) можно отнести к нормам *jus cogens*.

В отечественной доктрине выделяют также «основные принципы международного права». Среди них обобщенно можно выделить принципы международного права особой значимости [18, с. 105–108; 33, с. 122]. К «основным принципам международного права» относят только некоторые нормы *jus cogens* [22, с. 106–108; 33, с. 122]. Данное понятие является доктринальным, как и круг таких принципов. Правоприменительная практика не выделяет отдельной категории таких норм. Она ориентируется на вышерассмотренную концепцию норм *jus cogens*. Хотя бесспорен факт, что, например, принципы, отраженные в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 2625 [17], получили широкую политическую поддержку и в этом смысле могут считаться «общепризнанными», но это, на наш взгляд, не является дополнением к их правовому режиму. Более того, упомянутая резолюция и утвержденная ею декларация называют данные нормы «принципы международного права» (без слова «общепризнанные») без указания на их особый статус.

Есть мнения, что «любая норма международного права независимо от юридической природы (договорная или обычая) становится недействительной, если не соответствует основным принципам [международного права]» [33, с. 86]. С данным подходом можно согласиться при условии, что указанный принцип является нормой *jus cogens*.

Регулирование международным правом опосредованно (иногда напрямую) общественных отношений внутри государства. Данная проблема подробно изучена белорусским ученым

¹⁰ Подготовительные документы. Документы, отражающие ход и логику формирования текста конвенции (фр.).

А. В. Барбуком [34, с. 13–14]. Международники-правоведы разделяют непосредственное действие международных правовых норм (международная норма не требует дополнительных процедур для регулирования общественных отношений внутри государства) и опосредованное применение (государство интерпретирует норму и закрепляет ее в форме внутригосударственного нормативного акта). Объяснение такого разделения в применении норм международных договоров требует анализа истории соотношения этих двух больших групп норм.

На протяжении многих столетий *Jus gentium* рассматривалось как один из многочисленных источников права [35, с. 112]. В средневековой Европе договор и закон имели одинаковый статус [36, с. 3], поскольку монархи концентрировали в своих руках всю власть, включая право заключать международные договоры. Они обеспечивались национальными средствами правовой защиты и применялись непосредственно. Таким образом сформировалась исторически первая доктрина соотношения международного и внутригосударственного права — доктрина инкорпорации.

По мере развития теории разделения властей и создания парламентов обострилась проблема ограничений полномочий монарха. Международные нормы не применялись без одобрения представительной ветви власти. Чтобы такие нормы стали обязательными, был введен особый порядок — принятие парламентом имплементационного акта. Данная доктрина получила название «теория трансформации» [34, с. 15].

Развитие этой теории привело к возникновению доктрины дуализма. Ее сторонниками были известные ученые Л. Оппенгейм и Д. Анцилotti. Впервые данная доктрина была сформулирована Г. Триппелем. Основной ее смысл заключен в словосочетании «два круга, которые тесно соприкасаются, но никогда не пересекаются» [34, с. 13–14], то есть имеются в виду международные и внутригосударственные нормы.

В противовес доктрине дуализма возникла доктрина монизма. Основной тезис данной доктрины определен В. Кауфманном и гласит, что международное и внутригосударственное право — части единой правовой системы [34, с. 15]. Именно доктрина монизма остро поставила вопрос об иерархии норм международного и внутригосударственного права внутри правовой системы государства. Данный вопрос решается в различных правовых системах по-разному. В последнее время прослеживается движение в сторону усиления юридической значимости международно-правового регулирования в национальных системах.

По нашему мнению, *aurum mediocritas*¹¹ довольно точно выражена А. В. Барбуком. Автор утверждает, что в настоящее время «международное и внутригосударственное право имеют общую сферу правового регулирования, в которой между ними могут происходить коллизии. Вместе с тем они не составляют единую правовую систему, а остаются самостоятельными правовыми порядками» [34, с. 20]. Это *status quo*¹². Автор цитаты шел к пониманию того, что в современном международном праве все более углубляется взаимопроникновение международно-правовых и внутригосударственных механизмов регулирования. Развитие сети интернет хорошо иллюстрирует данный тезис.

Обратим внимание на **взаимодействие белорусского национального и международного права**. Взаимовлияние белорусского национального и международного права обусловлено тем, что, с одной стороны, государства, определяя международный правопорядок, ориентируются на ценности и ориентиры своей национальной системы права, а с другой — выполнение международно-правовых обязательств невозможно без качественной имплементации их в национальное законодательство.

От того, каков конкретный режим имплементации, определенный конституционным правом государства, зависит, насколько опосредованное влияние на конкретные нормы национального права оказывает международное право. Как отмечалось, государство самостоятельно решает, каким образом имплементировать нормы международного права и делать ли это вообще. Чтобы обеспечить выполнение своих международно-правовых обязательств, государство должно отразить соответствующие механизмы в национальном праве.

Практикой межгосударственного общения выработано два основных механизма имплементации международно-правовых обязательств. Известный ученый-международник А. Кассезе [37, р. 168–171] называет их: «автоматическая инкорпорация» (*«automatic standing incorporation»*) и «законодательная инкорпорация *ad hoc*» (*legislative ad hoc incorporation*).

Механизм «автоматическая инкорпорация» (*«automatic standing incorporation»*) включается посредством закрепления в Конституции или законе (судебных решениях для стран с прецедентной системой права) нормы, в соответствии с которой субъекты национальной системы права обязаны выполнять международные обязательства государства. Дополнительных условий или формальностей не предусматривается, за исключением случаев, когда норма не может быть исполнена без соблюдения соответствующих процедур.

Механизм «законодательная инкорпорация *ad hoc*» (*«legislative ad hoc incorporation»*) означает, что для восприятия международно-правовой нормы национальным правоприменителем требуется издание специального акта по отношению к каждой такой норме. Есть два пути: издание акта, который толкует имплементируемую норму и приводит в гармонию ее с национальным законодательством; издание акта *ad hoc*, который воспроизводит международно-правовую норму «как есть» или отсылает к тексту международного договора. То есть правоприменитель должен сам определить на основании существующих в конституционном и ином отраслевом законодательстве норм, как применить норму международного

¹¹ Золотая середина (лат.).

¹² Положение вещей (лат.).

права. В данном случае могут возникать сложности, поскольку формулировки и терминология международного права *a priori* не гармонизированы с национальным законодательством. Кроме того, при применении законодательной инкорпорации *ad hoc* возникают конфликты между национальным и международно-правовым порядком. Такие конфликты могут слаживаться посредством гибкой системы правоприменения (например, прецедентного права), а также идеальной юридической техники, закрепленной в законодательстве (случается редко). Если международно-правовые договорные нормы удается сформулировать и инкорпорировать, то это нельзя отнести к международно-правовым обязательствам, закрепленным в обычаях. Для их имплементации требуется большая предварительная работа.

В праве Республики Беларусь определен следующий путь. Статья 33 Закона «О международных договорах Республики Беларусь» и ст. 20 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» определили место договоров в системе права. Согласно ст. 33 «нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется принятие (издание) внутригосударственного нормативного правового акта, и имеют силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора» [38]. Согласно ст. 20 международные договоры «имеют силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора» [39].

Статус обычных норм интереснее. Статья 8 Конституции определяет, что «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства». Есть некоторые труднопреодолимые сложности в толковании данной статьи.

Во-первых, необходимо, чтобы законодатель дал определение термину «общепризнанные принципы международного права». В национальной системе координат нет ясности в толковании терминов «принципы международного права» и «общепризнанные». Это необходимо не только по причине отсутствия определения термина «общепризнанные» в международном праве, но и с невозможностью применения такого толкования в системе Республики Беларусь без соответствующего нормативного акта толкования, несмотря на имеющиеся доктринальные подходы к его определению в отечественной науке международного права. Во-вторых, следует определить круг «общепризнанных» принципов международного права: это все нормы *jus cogens* или только некоторые из них? какие конкретно и почему именно эти?

Буквальное толкование ст. 8 Конституции предусматривает, что каждая обычная норма международного права, определяемая как общепризнанный принцип международного права, будет обладать при-

оритетом и законодательство должно быть приведено в соответствие с ней.

Правоприменительная практика свидетельствует, что правоприменитель практически не использует ни обычных, ни договорных норм международного права.

Очевидно также, что в нашем государстве не существует эффективного открытого механизма мониторинга соблюдения международно-правовых обязательств, хотя ст. 22 и 80 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», по нашему мнению, прямо возлагают на Совет Министров обязанность создать такую систему. По нашим сведениям, работа по мониторингу проводится Министерством иностранных дел.

Отметим, что при рассмотрении споров в судах национальное законодательство в основном превалирует над взятыми Республикой Беларусь международно-правовыми обязательствами. Однако качество исполнения республикой своих международно-правовых обязательств, на наш взгляд, является невысоким.

Национальное право, как известно, испытывает серьезное влияние со стороны международного права. Верно и обратное: национальное право влияет на международное. Ранее подчеркивалось, что государства, определяя международный правопорядок, создавая нормы международного права, ориентируются на ценности своих национальных систем. Но есть еще один важный элемент взаимодействия. Речь идет о ситуациях, когда национальное право помогает определить наличие международно-правовой нормы, особенно практики государства, а иногда и *opinion juris* как части обычая.

Сталкиваясь с необходимостью применения обычной нормы права, международные органы (суды, арбитражи, трибуналы, международные организации) и государства вынуждены сначала эту норму сформулировать, то есть определить практику и подтвердить признание ее в качестве юридически обязательной. Практика государств (включая характер законодательства и правоприменения) в этой связи — отличный источник информации.

Как отмечалось, создание любой нормы в международном праве — это следствие соглашения субъектов права. Напомним, что такое соглашение может быть молчаливым. Для Республики Беларусь это означает, что возникающая международно-правовая обычая норма связывает наше государство обязательством, если только она не заявит протест в момент формирования нормы, то есть не докажет, что ее практика не соответствует практике, лежащей в основе возникающего обычая, либо отсутствует *opinion juris*. Ключевым здесь является момент, до которого такие возражения возможны и после которого государство будет считаться молчаливо согласившимся и связанным обычаем. Эффективно действующая судебная система внутри государства позволяет успешно справляться с такого рода проблемами, поскольку правоприменитель гармонизирует нормы международного и национального права, формируя желательную для государства практику, или указывает на возможные несоответствия. При

этом регулярно должен проводиться мониторинг текущего состояния международного права. Это возможно только через работу ученых, исследователей, поскольку одних ресурсов государственных органов здесь недостаточно. Именно на создание профессиональных сообществ нацелены, например, образовательные системы западных стран.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что международное право является своеобразной системой норм, складывающейся в результате многовековой практики взаимодействия мирового сооб-

щества государств. Нормы международного права адресованы государствам и обеспечиваются механизмом ответственности, существующем в международном праве. Любая норма международного права становится частью правовой системы государства через механизм имплементации. Качественная имплементация международных норм в национальное право, в том числе норм-обычаев и в первую очередь норм *jus cogens*, позволяет обеспечить соблюдение государством на международном уровне своих обязательств.

Список использованных источников

1. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть : учебник / И.И. Лукашук. — 3-е изд. — М. : Волтерс Клювер, 2005. — 517 с.
2. Василенко, В.А. Основы теории международного права / В.А. Василенко. — Киев : Вища шк., 1988. — 288 с.
3. Международное право : учебник / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. — М. : Омега-Л, 2006. — 832 с.
4. Богуславский, М.М. Международное частное право / М.М. Богуславский. — М. : Юристъ, 1998. — 407 с.
5. Ушаков, Н.А. Международное право : учебник / Н.А. Ушаков. — М. : Юрист, 2000. — 304 с.
6. Козик, А.Л. Международно-правовая регламентация интеграционных процессов Беларуси и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / А.Л. Козик; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2003. — 20 с.
7. Блищенко, И.П. Международное и внутригосударственное право / И.П. Блищенко. — М. : Госюриздан, 1960. — 237 с.
8. Усенко, Е.Т. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права / Е.Т. Усенко / / Советский ежегодник международного права. 1977. — М. : Наука, 1979. — С. 57–86.
9. Сассоли, М. Правовая защита во время войны : в 4 т. Т. 1, ч. 1 / М. Сассоли, А. Бувье. — М. : Междунар. к-т Красного Креста, 2008 — 657 с.
10. Курдюков, Г.И. Государство в системе международно-правового регулирования / Г.И. Курдюков. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1979. — 173 с.
11. Международная правосубъектность / отв. ред. Д.И. Фельдман. — М., 1971. — 188 с.
12. Карташкин, В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве / В.А. Карташкин. — М. : Ин-т государства и права РАН, 1995. — 132 с.
13. Лукашук, И.И. Современное право международных договоров : в 2 т. Т. 1 / И.И. Лукашук. — М. : Волтерс Клювер, 2004. — 672 с.
14. Статут Международного Суда ООН // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/statut.htm>. — Дата доступа: 10.11.2011.
15. Решение Международного Суда ООН Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), par. 172–174.
16. Brownlie, I. Principles of Public International Law. 6th edition / I. Brownlie. — Oxford University Press, 2003.
17. Chorow Factory (Merits), PCIJ, Ser. A, no 17.
18. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН: Резолюция ГА ООН A/RES/2625 (XXV) // Международное публичное право : сб. док. Т. 1. — М. : БЕК, 1996. — С. 2–8.
19. Усенко, Е.Т. Очерки теории международного права / Е.Т. Усенко. — М. : Норма, 2008. — 240 с.
20. Lotus (SS) case (France v. Turkey), 1927, par. 37.
21. Mullerson, R. Sources of International Law: New Tendencies in Soviet Thinking. AJIL 494 (1989).
22. Международное право : учебник / под ред. А.Н. Вылегжанина. — М. : Юрайт, 2009.
23. Asylum Case (Colombia v. Peru), ICJ rep., 1950, p. 266–389.
24. Right of Passage over Indian Territory Case (Portugal v. India), ICJ rep., 1960, p. 39, para «[W]ith regard to...»
25. Furundzija case, ICTY, 1998.
26. Selmouni v. France, ECHR, 1998.
27. Coiburu and others v. Paraguay case, IACtHR, 2006;
28. Judicial Conditions and Rights of the Undocumented Migrants, IACtHR, 2003.
29. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain) (Second Phase). ICJ rep. 1970.
30. Dixon, M. Cases & Materials on International Law 4th edition / M. Dixon, R. McCorquodale. — Oxford University Press, 2003.
31. Sinclair, I. The Vienna Convention on the Law of Treaties / I. Sinclair. — Manchester University Press ND, 1984, 2nd ed.
32. Report of the International Law Commission to the General Assembly / Yearbook of the International Law Commission (1966) vol. II, 172.
33. Международное публичное право. Общая часть : учеб. пособие / под ред. Ю.П. Бровки, Ю.А. Лепешкова, Л.В. Павловой. — Минск : Амалфея, 2010. — 496 с.
34. Барбук, А.В. Непосредственное применение норм международных договоров в национальных правовых системах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Барбук; Бел. гос. ун-т. — Минск, 2007. — 20 с.
35. Батлер, У. Взаимодействие международного и национального права (на примере Великобритании) / У. Батлер // Советское государство и право. — 1987. — № 5. — С. 112–118.
36. Зыбайло, А.И. К вопросу о соотношении международного и национального права (теоретические аспекты) / А.И. Зыбайло // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 1998. — № 3. — С. 3–7.
37. Cassese, A. International Law / A. Cassese. — 2001.
38. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 421-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2008. — № 184. — 2/1518.
39. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г. // Ведамасці Нац. сходу Респ. Беларусь. — 2000. — № 5. — Ст. 40.

19.03.2012

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ КАК ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Исследуются фактические обстоятельства, возникающие в реальной действительности, наступление (возникновение) которых может изменить экономическое положение субъекта гражданского права. Рассматривается классификация соответствующих юридических фактов, позволяющих придать экономическому по содержанию поведению юридическое значение, сделать процесс участия в экономической деятельности легитимным с точки зрения государственного управления.

The actual circumstances arising in reality, approach which (emergence) can change an economic situation of the subject of civil law. A classification of the corresponding legal facts, allowing to attach to economic behavior according to the contents of legal significance is considered, to make process of participation in economic activity legitimate from the point of view of public administration.

Общественные отношения, регулируемые нормами гражданского права, в большинстве возникают и развиваются в сфере экономических интересов человека, связанных с владением, пользованием, распоряжением материальными благами, их созданием и передачей прав на них от одного лица другому. Нормы гражданского права созданы для урегулирования объективно возникающих между членами социума экономических отношений, направления их развития по пути, приемлемому не только для отдельного индивида или социальной группы, но и для всего общества. В этом и проявляются такие принципы гражданского права, как приоритет общественных интересов, социальная направленность регулирования экономической деятельности.

Гражданское право как основная отрасль частного права позволяет посредством правового воздействия на поведение людей придать объективно необходимым человеку и объективно возникающим между людьми социальным связям юридический характер, возвести их в ранг правовых, что трансформирует обычное, свойственное индивиду поведение в юридически значимое, придает ему правовую форму.

Правовое регулирование поведения человека, с одной стороны, связано с некоторым ограничением его экономической свободы, с необходимостью участия в экономических отношениях приемлемым для государства способом, а с другой — предоставляет участнику экономических процессов возможность обратиться к государству за защитой в случае нарушения его прав и законных интересов.

Государственно-правовое воздействие на сферу экономических интересов человека осуществляется таким образом, что участникам хозяйственной деятельности предоставлены достаточно большие возможности манипулирования гражданско-правовыми нормами с целью выбора для себя наиболее целесообразной модели поведения, что, безусловно, выступает квинтэссенцией правового регулирования экономических общественных отношений. Вместе с тем правовому воздействию подвергается не любое

поведение человека, в том числе поведение в сфере экономических отношений, а только являющееся значимым для его социального образа жизни, для государственного устройства, коллективной безопасности.

Человек, как член социума, в процессе взаимодействия с себе подобными, принимает участие в двух группах общественных отношений — урегулированных нормами права и, следовательно, именуемых правовыми и, соответственно, не урегулированных нормами права. В первом случае поведение человека является юридически значимым и служит основанием возникновения гражданских правоотношений, а во втором — безразличным для государства и правового регулирования.

Действия (бездействие) субъектов гражданского права, способные в соответствии с гражданско-правовыми нормами оказать влияние на гражданские права и обязанности, именуются в цивилистической доктрине юридическими фактами, которые непосредственно признаются основаниями возникновения, изменения и прекращения гражданско-правовых отношений.

Действительно, гражданское правоотношение, выступая категорией теоретической юриспруденции, само по себе, в отрыве от созданной человеком системы норм гражданского права и связанного нормами права поведения человека, возникнуть не может. Причем для возникновения гражданского правоотношения необходимым является наличие в совокупности и регулирующих поведение индивида правовых норм и соответствующего требованиям правовых норм его поведения. Система гражданского права построена таким образом, что входящие в ее состав нормы в большинстве не способны принудить субъектов гражданского права к участию в гражданско-правовых отношениях, что указывает на невозможность их возникновения исключительно на основе норм гражданского права, то есть помимо воли человека. Одновременно поведение человека, не подпадающее под действие правовых норм, само по себе также не порождает гражданско-правовые отноше-

ния и признается обычным, внеправовым, социальным поведением, основанным на традициях народа, моральных принципах сосуществования людей, обычаях определенной социальной группы и иных социальных устоях.

Таким образом, гражданско-правовое отношение в большинстве случаев возникает на основе совокупности двух факторов: при наличии правовых норм, регулирующих поведение человека; при осуществлении человеком соответствующей юридически значимой, осознанной, волевой деятельности, то есть действий (бездействия), признаваемых нормами гражданского права юридическими фактами. «При отсутствии соответствующих норм права,— справедливо указывает С. Ф. Кечекьян,— или при ином их содержании факты не становятся юридически релевантными и никаких правоотношений не вызывают» [1, с. 164].

Наряду с поведением человека нормы гражданского права придают юридическое значение различным событиям, в результате наступления которых согласно установленному в Беларуси гражданскому правопорядку возникают, изменяются и прекращаются гражданские права и обязанности. Таким образом, юридическими фактами признается не только поведение человека, но и события, не связанные с его поведением.

Отличие юридических фактов-действий от юридических фактов-событий состоит в том, что первые возникают в результате волевого поведения человека, то есть по желанию субъектов гражданского права и изначально совершаются с целью достижения определенного материального (экономического) и правового результата, а вторые (события) возникают помимо воли субъектов гражданского права и во многих случаях даже вопреки ей, но им придается юридическое значение в силу их способности оказывать влияние на членов социума (их здоровье, жизнь, материальное положение).

На основании изложенного юридические факты можно определить как факты, возникающие в реальной действительности (действия и события), с совершением (наступлением) которых нормы гражданского права связывают возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей (гражданских правоотношений).

В разные периоды существования государства, как системы организации политической власти на определенной территории, и системы права, как способа легитимного воздействия на людей, проживающих на государственной территории, основания возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей были различными. Также в настоящее время они отличаются в правовых системах разных стран, что зависит от образа жизни людей, их взглядов на окружающий мир, традиций и потребностей государственного регулирования экономических отношений в каждый конкретный период развития социума.

В настоящее время совокупность фактических обстоятельств, с которыми нормы гражданского права связывают возникновение, изменение и прекра-

щение гражданских прав и обязанностей, следует признать наиболее развернутой и адаптированной применительно к предназначению гражданского права, как регулятора имущественно-стоимостных эквивалентно-возмездных отношений, возникающих между обладающими автономной волей юридически равными и экономически независимыми субъектами в процессе производства и обмена материальными благами, а также в процессе их потребления.

В настоящее время классификация системы гражданских юридических фактов может быть представлена в следующем виде.

1. Все юридические факты в первую очередь классифицируются на две основные группы: юридические факты-события и юридические факты-действия.

2. Юридические факты-события классифицируются на природные явления и социальные явления.

3. Юридические факты-действия в свою очередь классифицируются на правомерные действия и неправомерные действия.

4. Правомерные действия включают юридические поступки и юридические акты.

5. Юридические акты подразделяются на сделки и административные акты, порождающие гражданские права и обязанности.

6. Все юридические факты независимо от принадлежности к одной из вышеуказанных классификационных групп подразделяются на правоустанавливающие, правоизменяющие и правопреkrощающие, то есть направленные на возникновение правоотношений, изменение правоотношений и прекращение правоотношений.

Открытый, следовательно, примерный перечень оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей (перечень юридических фактов) закреплен в ст. 7 ГК, нормами которой предусмотрена возможность признания в качестве юридических фактов и иных действий физических лиц и организаций, которые не предусмотрены нормами ст. 7 ГК, но в силу основных начал (принципов) и смысла гражданского права порождают гражданские права и обязанности.

Рассмотрим отдельные классификационные группы юридических фактов в вышеприведенной логической последовательности, в соответствии с которой первым элементом анализируемой классификационной группы являются юридические факты-события. Под ними в соответствии с лексическим значением данного термина понимается «то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [2, с. 740].

Юридическая наука рассматривает событие, признаваемое юридическим фактом, как природное или социальное явление, возникновение и развитие которого в целом не зависит от воли отдельного субъекта гражданского права, в частности от субъекта, правовое положение которого в результате наступления события изменяется.

К природным явлениям, признаваемым гражданскими юридическими фактами, относят наводнения, землетрясения, ураганы, смерчи, оползни, ливни, разливы рек, весенний ледоход, снегопады, по-

жары, эпизоотии и иные стихийные природные явления, возникновение и течение которых не подвластно воле отдельного человека.

К социальным явлениям относят забастовки, революции, военные перевороты, войны, иные вооруженные конфликты, эпидемии, техногенные и гуманитарные катастрофы, технические аварии, принятие нормативного правового акта, препятствующего надлежащему исполнению обязательств либо изменяющего помимо воли субъекта отношения собственности и другие гражданско-правовые отношения.

Природные и социальные явления, возникновение и течение которых не зависит от воли конкретного участника гражданского оборота и при этом оказывает влияние на его правовое положение, именуются в гражданском праве непреодолимой силой, то есть чрезвычайными и непредотвратимыми при данных условиях обстоятельствами. В договорной практике и иногда в юридической литературе указанные обстоятельства именуются форс-мажорными обстоятельствами. Однако нормативного закрепления указанного термина не получил.

Юридическое значение стихийных сил природы и социальных явлений состоит в том, что они способны изменить правовое положение субъекта гражданского права, включая прекращение правосубъектности физического лица, уничтожение его имущества, причинение вреда здоровью или в результате смерти человека; повлиять на возможность надлежащего исполнения обязательств; стать препятствием к осуществлению гражданских прав и исполнению обязанностей, при прекращении правосубъектности лица или изменении его имущественного положения, а также служат основанием возникновения обязанностей, вытекающих из ранее заключенного договора.

Одной из обязательных и, на наш взгляд, самых важных характеристик юридического факта-события является его непредсказуемость, отсутствие у субъекта возможности предвидеть его наступление и оказать влияние на течение природного или социального явления.

Невозможность предвидеть и предотвратить наступление юридического факта-события обусловила закрепление в ст. 372 ГК и на ее основе в иных статьях ГК норм, освобождающих участника гражданского оборота от ответственности, если причиной ненадлежащего исполнения либо неисполнения гражданских обязанностей послужило природное или социальное явление, классифицированное как юридический факт-событие, то есть обстоятельство, являющееся чрезвычайным и непредотвратимым при данных условиях участия в гражданском обороте.

К событиям в теоретической юриспруденции относят рождение человека, его естественную смерть, смерть в результате аварии, несчастного случая, а также в результате умышленного или совершенного по неосторожности убийства. Вместе с тем рождение и смерть человека во всех ее проявлениях являются событием непосредственно для родившегося или умершего человека. Для родителей или убийцы указанный факт следует считать действием, зависящим от воли указанных лиц и порождающим для ро-

дителей обязанности по содержанию и воспитанию ребенка, а для лица, причинившего смерть другому человеку,— обязанности претерпеть уголовное наказание, а также, возможно, обязанности по содержанию лиц, потерявших кормильца в результате виновного деяния причинителя вреда, обусловленные требованиями норм гражданского права.

Социальные явления, признаваемые юридическими фактами-событиями, могут не зависеть от воли конкретного участника гражданского оборота, но в целом, в отличие от природных явлений, зависят от воли людей и порождаются ими. К социальным явлениям, безусловно зависящим от воли людей, следует отнести забастовки, террористические акты, вооруженные конфликты, возникшие по вине человека технические аварии. К социальным явлениям, не зависящим от воли людей, следует отнести, например, гуманитарные катастрофы, получившие свое развитие в результате стихийного бедствия, эпизоотии, возникшие по вине диких животных и т. п.

Если природные явления, имеющие юридическое значение, известны человеку с давних времен и, в целом, существуют на земле в неизменном составе весь период существования человечества, то социальные явления получают развитие в результате активности человека с развитием социальных связей и технического прогресса.

Событиям, в частности природным явлениям, не всегда придается юридическое значение, а только в случаях, когда они оказывают влияние на гражданско-правовые отношения, в случаях, когда в результате ливня, наводнения, пожара и т. п. уничтожается или повреждается имущество, получаютувечье или гибнут люди, то есть в случаях, когда природное явление влияет на установление, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей.

В отличие от событий, процессы возникновения и развития которых по большей части не зависят от воли субъектов гражданского права, неподвластны ей, действия физических лиц и организаций совершаются в гражданском обороте исключительно в соответствии с самостоятельно сформированной и добровольно выраженной вовне волей человека (самостоятельного участника гражданского оборота или выступающего в гражданском обороте от имени организации со статусом юридического лица).

Действия в отличие от событий намеренно совершаются субъектами гражданского права с целью породить, изменить или прекратить гражданские права или обязанности для себя или другого лица. Субъект гражданского права, совершая определенные действия либо бездействия, заранее предвидит тот положительный экономический и правовой результат, который может наступить вследствие его активности и непременно желает его наступления. Более того, ожидаемый экономический и правовой результаты являются самой целью активного либо пассивного поведения субъекта гражданского права.

Вместе с тем физические лица, будучи неискушенными в юриспруденции, участвуют в гражданском обороте в первую очередь для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей и не все-

гда в качестве одной из целей своей активности желают наступления правового результата. Человек, совершая то или иное действие, порой не подозревает, что его поведение является юридически значимым и влечет за собой возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Наряду с действиями, направленными на достижение положительного экономического и правового результата в качестве цели совершения определенных действий, а также наряду с действиями, хотя и совершаемыми без намерения породить соответствующие правовые последствия, но порождающими их, в процессе участия в экономическом обороте субъекты гражданского права могут преднамеренно либо по неосторожности совершать действия, порождающие возникновение охранительных правоотношений и, как следствие, отрицательный экономический результат.

В соответствии с изложенным юридические факты-действия, как указывалось, классифицируются на неправомерные действия и правомерные действия, из которых выделяют юридические поступки и юридические акты, состоящие из сделок и административных актов, на основании которых возникают, изменяются и прекращаются гражданские права и обязанности.

Неправомерные действия представляют собой поведение субъекта гражданского права, нарушающее права и законные интересы других лиц или государства и, следовательно, противоречащее требованиям правовых норм. К неправомерным (не основанным на нормах гражданского права) действиям, порождающим возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей нормами ГК, отнесены:

- причинение вреда;
- неосновательное обогащение;
- неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства;
- принятие государственным органом акта ненормативного характера, ущемляющего права и законные интересы субъектов гражданского права;
- совершение абсолютно недействительной сделки;
- иные действия, противоречащие требованиям правовых норм, в том числе выходящие за пределы действия принципов гражданско-правового регулирования.

Наряду с противоправными действиями в качестве оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей нормы гражданского права рассматривают противоправное бездействие, влекущее нарушение цикла нормального развития гражданского оборота и, следовательно, причиняющее вред субъектам гражданского права. Бездействие признается неправомерным и, следовательно, имеет юридическое значение, во-первых, если ущемляет права и законные интересы других субъектов гражданского права и, во-вторых, является результатом поведения лица, которое в силу правовых норм обязано было совершить активные положительные действия, но не совершило их.

Совершение неправомерных действий (бездействие) является основанием для возникновения де-

лжностных обязательств, направленных на возмещение причиненного вреда, обязательств из неосновательного обогащения, направленных на восстановление имущественного положения сторон, иных охранительных правоотношений, направленных на приведение поведения сторон в соответствие с требованиями норм гражданского права посредством применения таких гражданско-правовых средств, как реституция, неустойка, путем возложения обязанности по полному возмещению убытков, посредством применения иных гражданско-правовых средств защиты.

В целом признание нормами гражданского права неправомерных действий в качестве оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей, совершение которых влечет применение к правонарушителю гражданско-правовых мер воздействия, служит цели защиты прав и законных интересов добросовестных участников гражданско-правовых отношений, направлено на создание правовых условий правомерного поведения субъектов гражданского права.

Наиболее распространенными основаниями возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей являются юридические факты-действия, в качестве одного из видов которых нормы гражданского права рассматривают юридические поступки. Под ними следует понимать активное поведение субъекта, чья воля в процессе совершения определенных действий непосредственно не направлена на достижение правового результата, то есть на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

В качестве действий, представляющих собой юридические поступки, нормы ст. 7 ГК предусматривают создание имущества, приобретение имущества вне рамок участия в обязательственных правоотношениях, создание произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности. Учитывая открытый перечень оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей, закрепленный в ст. 7 ГК, в качестве юридических поступков могут быть признаны иные действия, совершаемые субъектом без непосредственного намерения породить правовой результат.

Отнесение указанных действий к юридическим фактам, именуемым юридическими поступками, основано на мотивации поведения субъектов, удовлетворяющих в процессе своей активности имущественные или духовные, творческие потребности, и специально не преследующих цели возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей, как последствий своего поведения.

В процессе своей жизнедеятельности субъект гражданского права может, того не подозревая, совершить юридический поступок непреднамеренно, без какой-либо мотивации, по воле случая. К таким юридическим поступкам может относиться факт находки потерянного имущества либо находки имущества, квалифицируемого как клад.

Во всех вышеперечисленных случаях субъект гражданского права не преследовал цель вступле-

ния в гражданско-правовые отношения, но в силу норм гражданского права своими действиями способствовал возникновению, изменению и прекращению гражданских прав и обязанностей у себя и иных участников гражданско-правовых отношений.

Одним из самых распространенных юридических фактов-действий признаются сделки, которые наряду с административными актами входят в состав юридических актов. Как юридические факты-действия они представляют собой волевые правомерные фактические действия, совершаемые субъектами гражданского права, во-первых, с целью удовлетворения своих экономических потребностей в имуществе, результатах работ, услугах, во-вторых, для достижения определенного правового результата в процессе совершения сделок.

Названное правовое средство выступает в качестве оснований возникновения, изменения и прекращения большинства гражданских прав и обязанностей и используется для достижения необходимого правового результата во всех сферах экономической активности субъектов гражданского права. В частности, в рамках совершения сделок субъекты гражданского права передают друг другу на возмездной и безвозмездной основе различное имущество, выполняют друг для друга всевозможные работы и оказывают услуги. Причем сделка, выступая правовым средством и основанием возникновения гражданских прав и обязанностей, в равной мере используется как в процессе осуществления предпринимательской и иной хозяйственной деятельности субъектами хозяйствования, так и во взаимоотношениях граждан.

Принимая решение о совершении сделки (юридического акта) субъект гражданского права в отличие от совершения юридического поступка заранее предвидит наступление правового результата и преднамеренно совершает действия, направленные непосредственно на его достижение, то есть на возникновение, изменение либо прекращение гражданских прав и обязанностей.

Так, приобретение имущества в фактическое владение возможно как правомерным, так и неправомерным, то есть противоправным способом, а приобретение имущества в фактическое владение с одновременным приобретением юридического титула (права собственности) в отношении имущества возможно посредством совершения сделок как предусмотренных, так и не предусмотренных нормами ГК, но не противоречащих им.

К действиям, которые в соответствии с нормами права влекут возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей, то есть совершаются в рамках сделок, следует отнести в том числе конклюдентные действия и юридически значимое молчание.

Административные акты в качестве основания возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей входят в состав юридических актов, как юридических фактов-действий, и представляют собой решение уполномоченного государственного органа, принятого в сфере гражданско-правового регулирования в отношении конкретного

субъекта гражданского права и направленное на возникновение, изменение и прекращение его гражданских прав и обязанностей.

Нормы ст. 7 ГК, в частности в качестве оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей, называют: акты государственных органов и органов местного управления и самоуправления, которые предусмотрены правовыми нормами в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей; судебные решения, устанавливающие гражданские права и обязанности.

К актам государственных органов, устанавливающих, изменяющих и прекращающих гражданские права и обязанности, относятся решения о предоставлении (изъятии) земельного участка в собственность, пожизненное наследуемое владение, в аренду, о выделении (изъятии) жилого помещения и иные аналогичные решения в сфере гражданского оборота, о государственной регистрации прав на недвижимое имущество, а также решения государственных органов о национализации, реквизиции и конфискации имущества.

Судебные решения являются основаниями возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей в случае, когда принимаются в отношении субъектов гражданского права и разрешают по существу спор о праве гражданском либо устанавливают факты, имеющие юридическое значение в сфере гражданско-правового регулирования. Кроме того, гражданским юридическим фактом является судебное решение по уголовному делу, в рамках которого на лицо, совершившее преступление, возлагаются гражданские обязанности, например, по возмещению материального вреда лицам, потерявшим кормильца, либо в качестве мер уголовного наказания применяется ограничение гражданской правоспособности, например, лишение права осуществлять предпринимательскую деятельность в течение определенного периода времени.

Общественные отношения, возникающие в сфере экономического оборота, представляют собой сложный социальный процесс, состоящий из множества разнонаправленных действий его участников, преследующих достижение иногда одного положительного экономического результата. В некоторых случаях необходимые действия должны быть совершены в определенной логической последовательности, несоблюдение которой исключает возможность наступления желаемого результата, в других — для его достижения необходимым является лишь наличие определенной совокупности действий вне зависимости от очередности их совершения.

Сложная структура социальных связей, возникающих в процессе производства, обмена и потребления материальных благ, требует наличия усложненной системы фактических обстоятельств (их совокупности), с которой нормы гражданского права связывают возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей.

В цивилистике совокупность оснований, необходимых для возникновения, изменения и прекраще-

ния гражданских прав и обязанностей, называют юридическим составом, который в зависимости от требований к последовательности наступления обстоятельств, составляющих совокупность, может быть простым или сложным.

Простой юридический состав включает некоторую совокупность фактических обстоятельств, очередность наступления которых не регламентирована правовыми нормами. Для достижения положительного правового результата необходимым и достаточным является совершение всех входящих в простой юридический состав действий вне зависимости от очередности их совершения.

Сложный юридический состав включает совокупность фактических обстоятельств, очередность наступления которых регламентирована правовыми нормами. Для достижения положительного правового результата необходимым и достаточным является совершение в строго установленной последовательности всех входящих в сложный юридический состав действий.

Основные юридические составы, признаваемые основаниями возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей, являются сложными, требующими наступления необходимых фактических обстоятельств в строго установленной правовыми нормами последовательности, что обусловлено определенной логикой развития общественных отношений в сфере производства, обмена и потребления материальных благ.

Одним из видов юридических фактов-действий, входящих в сложные юридические составы, являются

действия уполномоченных государственных органов по государственной регистрации прав на недвижимое имущество. В случаях, когда в соответствии с правовыми нормами возникновение, изменение и прекращение прав на объекты гражданского права подлежат государственной регистрации, соответствующие права возникают, изменяются и прекращаются с момента ее осуществления.

Государственная регистрация производится специально уполномоченными государственными органами в рамках совершения необходимых для этого административных процедур и, как юридический факт-действие, относится к административным актам. Законодательное закрепление обязанности по государственной регистрации возникших правоотношений или перехода прав на отдельные объекты гражданских прав позволяет государству осуществлять контроль за гражданским оборотом определенного имущества либо в определенной области социальных связей.

На основании изложенного можно сделать вывод, что гражданское право, как правовое средство регулирования экономических отношений, в максимально возможной степени учитывает различные фактические обстоятельства, наступление (возникновение) которых может изменить экономическое положение субъекта гражданского права, что позволяет придать им юридическое значение. Вследствие этого у субъекта вместе с экономическим положением изменяется и правовое, что делает процесс участия в экономической деятельности легитимным с точки зрения государственного управления.

Список использованных источников

1. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. — М. : АН СССР, 1958. — 187 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.

23.04.2012

УДК 343

А. И. Мартынюк

СОГЛАСОВАННОСТЬ САНКЦИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Аргументируется необходимость согласования санкций уголовно-правовых норм как одно из существенных условий эффективности уголовно-правовой политики. Констатируются отдельные отрицательные последствия такой несогласованности на законотворческом и правоприменительном уровнях. Содержатся предложения по их преодолению.

The question of need of coordination of sanctions of criminal rules of law as one of essential conditions of efficiency of criminal and legal policy is actualized. Separate negative consequences of such coherence at legislative and law-enforcement levels are ascertained. Offers on their overcoming are contained.

Правовые предписания могут существенно различаться в выборе мер воздействия на правонарушителя или предлагать широкий спектр таких мер. Соответственно один и тот же поступок может иметь различную правовую оценку не только в разных стра-

нах или в разное время на одной территории, но и в одном государстве, в одно и то же время. Такое положение порождает множество неблагоприятных последствий как в публичной, так и в частноправовой сфере. Помимо возникновения темпоральных или

интерлокальных коллизий, могут лишаться содержания и носить декларативный характер важнейшие юридические принципы, прежде всего равенства перед законом и справедливости. Результат правоприменения становится менее предсказуемым, что может давать повод для возможных должностных злоупотреблений, коррупции, элементарных нарушений прав и свобод человека. Наиболее остро это проявляется там, где меры воздействия на правонарушителя носят самый суровый характер, то есть в области уголовного права.

Вопрос заключается в том, что санкция уголовно-правовой нормы может предлагать судье на выбор не только различные виды наказаний, но и определенный интервал в пределах одного вида наказания. Например, санкции статей Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) предусматривают за значительное число менее тяжких преступлений наказание от общественных или исправительных работ до верхних пределов в три-четыре года лишения свободы. В ч. 2 ст. 317 УК разбежка еще больше: за причинение по неосторожности смерти в результате нарушения правил дорожного движения установлено наказание от исправительных работ до пяти лет лишения свободы. Необходимо учитывать и возможность применения иных мер уголовной ответственности по данной категории преступлений: условного осуждения, отсрочки исполнения приговора, осуждения без назначения наказания. Наибольшая амплитуда в пределах одного вида наказания — семнадцать лет — встречается в санкциях за убийство и терроризм (ч. 2 ст. 139 и ч. 3 ст. 289). К тому же за совершение данных преступлений помимо пожизненного заключения предусмотрена смертная казнь в качестве исключительной меры наказания.

К уголовно-правовым нормам, расширяющим объем судебского усмотрения, можно отнести ст. 70 УК, которая позволяет назначить наказание ниже низшего предела, либо назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК, в том числе при опасном или особо опасном рецидиве. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь обратил внимание судов на то, что совершение тяжкого или особо тяжкого преступления не исключает возможности назначения наказания ниже низшего предела [1, п. 12]. Таким образом, при определении мер уголовно-правовой ответственности за убийство или терроризм судебское усмотрение теоретически может не иметь границ. По данным судебной статистики суды используют свое право назначить наказание ниже низшего предела за особо тяжкие преступления в отношении одного-трех процентов таких осужденных. В связи с этим предполагаемая вероятность неограниченного судебского усмотрения может иметь под собой практическое основание.

Помимо норм, расширяющих объем судебского усмотрения, в уголовном законодательстве предусмотрены и нормы, которые его ограничивают. Такое ограничение осуществляется в рамках регламентации назначения наказания и применения иных мер уголовной ответственности в Общей части УК. В таких

нормах содержатся правила о назначении наказания при рецидиве преступлений, совершения преступления несовершеннолетним, при наличии смягчающих обстоятельств и др. Большое значение в этом отношении имеет дифференциация всех преступлений на четыре категории в зависимости от характера и степени их общественной опасности. Однако, несмотря на наличие законодательной регламентации вопросов индивидуализации наказания в пределах санкций, а также возможности суда выйти за ее нижнюю границу, остается нерешенным вопрос о самих этих границах, какими они должны быть, как нижние, так и верхние.

Определять такие границы — исключительная прерогатива законодателя. В законодательстве не предусмотрено специальных правил конструирования уголовно-правовых санкций. Такие общие ориентиры, как, например, предельные размеры отдельных видов наказаний не носят для законодателя нормативного характера и могут быть им изменены. Другое дело принципы, изложенные в уголовном законе, о справедливости и гуманизме, а также норма Конституции Республики Беларусь о недопустимости жестокого, бесчеловечного либо унижающего достоинство наказания. Применимость данных конституирующих положений, утверждающих безусловные ценности, будет затруднена как на законодательном, так и на правоприменительном уровне по причине отсутствия нормативных определений жестокости и человечности. При таких обстоятельствах право в уголовно-правовой сфере может оказаться фактором, когда судье требуется закон, чтобы облечь свое решение в нужную юридическую форму. Таким образом, уголовное законодательство предоставляет правопримениителю широкие возможности для конструирования различных вариантов нескольких одновременно законных решений по одному и тому же делу.

Широкие возможности для судебского усмотрения предоставляются нормальной ситуацией, когда узкие законодательные рамки не способны гарантировать справедливость применяемых мер уголовной ответственности с учетом требований их индивидуализации в каждом конкретном случае. В действующем законодательстве справедливость мер уголовной ответственности расценивается как их соответствие характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Данное требование распространяется не только на правоприменителей, но и на субъектов правотворчества, поскольку решения последних предопределяют, устанавливают рамки для правоприменительной деятельности. В случае, если закон предусматривает наказание, не соответствующее общественной опасности преступления, то и принятие справедливого решения судьей может стать крайне затруднительным.

В связи с этим целесообразна постановка вопроса о разработке правил, которые позволят избежать отрицательных последствий научно обоснованных законодательных решений. Во-первых, необходимо обратиться к научным разработкам теоретических основ оценки общественной опасности пре-

ступлений. Во-вторых, результаты исследований в этой области должны быть учтены в законотворческой деятельности.

В связи с этим могут представлять интерес разработанные в теории уголовного права количественные методы оценки общественной опасности преступлений [2–8]. К тому же следует отметить предпринятые за последние годы шаги по совершенствованию нормотворческого процесса [9–12]. Можно было бы констатировать наличие процедурных условий для обязательного использования научных результатов в законопроектной деятельности, если бы об этом содержались четкие и более детальные предписания.

Научные разработки в сфере оценки общественной опасности преступлений могут быть актуальны в долгосрочной перспективе. Последующие реформирования института уголовного наказания не снимут вопроса о дифференциации преступлений по степени и характеру их общественной опасности. Такая дифференциация сохранится, как и сохранится необходимость выбора обществом адекватных вариантов ответных действий на совершаемые правонарушения. От адекватности оценки преступлений будет во многом зависеть эффективность уголовно-правовой политики. Адекватность в данном контексте может пониматься как дальновидность политики. Как правило, при недальновидной уголовно-правовой политике ее цели остаются недостижимыми, и такая деятельность будет признана неэффективной.

Причина неэффективности уголовно-правовой политики может заключаться, в частности, в непоследовательности принимаемых законодательных решений. Такая непоследовательность может проявляться в повторении ошибок, нестабильности уголовного законодательства, несистемном подходе при принятии законодательных решений.

Ошибки могут выражаться, например, в повторной криминализации деяний после их предшествующей декриминализации в связи с необоснованностью уголовно-правового запрета. Иллюстрацией такой непоследовательности может служить повторная криминализация управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения в 2006 г. Согласно данным проведенных в Республике Беларусь исследований [14, с. 44; 16, с. 4], а также зарубежного опыта [13, с. 45–46; 15, с. 52–53] был сделан вывод о неэффективности подобных уголовно-правовых запретов. Можно предположить, что повторное введение в УК статьи об уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения было вызвано стремлением решить комплексную социальную проблему главным образом уголовно-правовыми мерами.

Другим проявлением непоследовательности принимаемых законодательных решений в сфере уголовно-правовой политики может считаться нестабильность уголовного законодательства. Частые изменения и дополнения, с одной стороны, свидетельствуют о стремлении своевременно реагировать на происходящие изменения в общественной жизни, а с другой — о непредсказуемости предыдущих

решений, неспособности предвидеть, учитывать такие изменения, слабом прогнозировании их последствий.

Изменения в уголовном кодексе являются одними из самых затратных, поскольку влечут необходимость пересмотра вынесенных ранее уголовных дел в случае смягчения мер уголовной ответственности. В случае их ужесточения на общество ложится дополнительная финансовая нагрузка по содержанию пенитенциарной системы. Данные сравнительного анализа свидетельствуют, что уголовное законодательство остается одним из самых нестабильных отраслей. За прошедшие десять лет действия УК в него вносились изменения 43 раза. Для сравнения: за аналогичный период в Беларусь было принято около 40 тысяч нормативных правовых актов. Более трети этого числа составляют акты о внесении изменений и дополнений, в том числе в акты, принятые более десяти лет назад. В любой взятый период количества изменяющих и дополняющих актов будет в несколько раз меньше общего количества нормативных правовых актов, принятых в этот период. В случае с УК на один акт приходится 43 редакции, в то время как в среднем примерно на один нормативный правовой акт десятилетней давности приходится немногим менее одного изменения. Вывод: уголовному законодательству свойственна повышенная нестабильность в общей картине¹ изменчивости системы нормативных правовых актов.

Будучи системой норм, уголовное право требует системного подхода при внесении в него изменений. При этом особое значение имеет соблюдение согласованности санкций в УК. Нарушение этого требования может привести к диспропорциям установленных мер уголовной ответственности, трудностям в квалификации преступлений по совокупности, ошибкам в правоприменении. В связи с этим закономерно встает вопрос о разработке научно обоснованного метода оценки характера и степени общественной опасности преступлений. Метод оценки, если его рассматривать как основу построения системы санкций Особенной части УК, поможет приблизить законодательную практику к единобразию и последовательности и позволит избежать наблюдаемых диспропорций и дисбалансов при реализации принципа справедливости уголовной ответственности.

О несовершенстве используемых подходов к оценке общественной опасности преступлений и соответственно построению санкций статей УК могут свидетельствовать колебания законодателя при определении мер уголовной ответственности. Например, до 2003 г. получение взятки в особо крупном размере могло признаваться менее тяжким преступ-

¹ Наблюдается устойчивая тенденция роста доли изменяющих актов в сумме нормативного материала, принимаемого за один год: 5–10 % в 1992 г., 15–20 % в 2001 г., до 25–30 % в 2010 г. В росте нормативного материала заметна геометрическая прогрессия: за 10 лет количество принимаемых в год нормативных правовых актов увеличилось почти в два раза. Примерно такая же картина характерна для законодательств России и Украины. При расчетах использовались правовые базы данных.

лением по сравнению с убийством². С 2003 г. данное преступление признается уже более опасным по сравнению с убийством. Но через шесть лет жизнь человека вновь стала цениться дороже интересов службы.

Существенный скачок произошел в оценке общественной опасности насильственного угона. Если до 2003 г. угон автомобиля с применением неопасного насилия наказывался лишением свободы от 10 до 15 лет, то теперь за такие действия предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 7 лет или ограничения свободы.

Отсутствие единого подхода проявляется в установлении существенно отличающихся мер наказания за совершение схожих преступлений с одинаковыми квалифицирующими признаками. Например, можно сравнить наказания за неосторожное причинение смерти при умышленном повреждении средств транспорта (ст. 309 УК) и неосторожное причинение смерти при умышленном повреждении чужого имущества (ст. 218 УК). В первом случае предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 3 до 10 лет, во втором — от 7 до 12.

Такое положение ставит вопрос о реализации принципов справедливости уголовной ответственности не только в законодательстве, но и в практике его применения. Несогласованность санкций уголовно-правовых норм становится причиной неоправданных трудностей при квалификации преступлений и не способствует единообразию правоприменительной практики. Когда законодательство ставит перед правоохранительной системой, правосудием определенные цели и задачи, например неотвратимости уголовной ответственности и наказания, не предоставляя адекватных правовых инструментов для их достижения, правоприменительная деятельность может выходить за рамки правового поля. Не исключено, что в таком случае правоприменитель становится перед выбором между целесообразностью и законом. Приоритет целесообразности над законом может привести к использованию недопустимых средств: пыток, подлога, провокаций, формализма и др.

Проиллюстрируем связь между условиями для такого рода негативных проявлений, в частности формализма, и несогласованностью санкций на примере возникающих трудностей в деятельности правоохранительных органов по разграничению уголовной ответственности за угон и хищение транспортных средств.

По мнению 53 % опрошенных судей и государственных обвинителей, квалификация действий по завладению транспортным средством в подавляющем числе случаев практически полностью зависит от показаний обвиняемого. Примерно в половине случаев противоправное завладение автомашинами пресекается правоохранительными органами до того, как виновные совершают действия, свидетель-

² Взятка в особо крупном размере до 2003 г. наказывалась лишением свободы от 5 до 10 лет лишения свободы (ч. 2 ст. 430 УК), с 2003 по 2009 гг. — от 8 до 15 лет лишения свободы (ч. 3 ст. 430 УК), с 2009 г. — от 5 до 15 лет. В то время наказание за убийство (ч. 1 ст. 139 УК) — от 6 до 15 лет лишения свободы.

ствующие о корыстных намерениях (перекраска, перебивка номеров, разукомплектация и др.). Как правило, следствие в таких случаях идет по пути наименьшего сопротивления, устанавливая намерения лица согласно показаниям самого подозреваемого, поскольку проверить их удается крайне редко. Квалификация в таких случаях может зависеть только от показаний лица, привлекаемого к ответственности. По нашим подсчетам, по примерно 10 % уголовных дел, рассматриваемых в суде, меняется квалификация действий обвиняемого, в связи с изменениями в его показаниях, с хищением на угон и наоборот.

В 1997 г. были значительно ужесточены санкции за угон автотранспортных средств, однако от такого решения пришлось вскоре отказаться. В интересах обвиняемого стало выгоднее признаваться в совершенном им хищении автомобиля, а не его угоне. Суды стали перед необходимостью назначения наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией статьи за угон, так как ни тяжесть содеянного, ни личность обвиняемого не соответствовали суровости предусмотренного законом наказания. В последующем эти обстоятельства во многом послужили основанием для принятия решения о существенном снижении санкций за угон транспортных средств, однако несогласованность между санкциями за угон и хищение пока остается. Анализ санкций показывает, что угон остается более тяжким преступлением по сравнению с хищением транспортного средства, кроме случаев завладения автомобилем, стоимость которого превышает крупный размер, или применения опасного насилия.

В приговорах судов нередко приводится следующая формулировка: «изменение обвиняемым показаний в той части, что им совершен не угон, а всего лишь хищение транспортного средства, вызвано избранной формой защиты и опровергается совокупностью доказательств». Из этой «совокупности доказательств» не прослеживается, какие именно фактические данные из этой совокупности указывают на действительные намерения обвиняемого. По многим уголовным делам этой категории совокупность доказательств составляют заявление и протокол допроса потерпевшего, рапорт, справка о стоимости автомобиля, поверхностные показания обвиняемого.

Подобные малосодержательные формулировки прикрывают нежелание или неспособность судьи провести полное и всестороннее исследование обстоятельств дела. Причины аналогичных распространенных явлений носят комплексный характер. Можно утверждать, что в этот комплекс входит важный вопрос о несогласованности санкций статей Особенной части УК. В свою очередь согласованность санкций как результат законотворческой деятельности невозможен без использования научно обоснованных методов оценки общественной опасности преступлений. Таким образом, применение указанных методов в законодательной практике может стать одним из условий стабильности и последовательности уголовного законодательства, следовательно, эффективности уголовно-правовой политики.

Список использованных источников

1. О назначении судами уголовного наказания: постановление Пленума от 26 марта 2002 г. № 1.
2. Блувштейн, Ю.Д. Об оценке степени общественной опасности преступлений / Ю.Д. Блувштейн // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. — М. : Юрид. лит., 1972. — С. 24–41.
3. Хан-Магомедов, Д.О. Методика сравнительной оценки тяжести уголовных наказаний / Д.О. Хан-Магомедов // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. — М. : Юрид. лит., 1972. — С. 42–53.
4. Хан-Магомедов, Д.О. Методы изучения эффективности уголовного законодательства / Д.О. Хан-Магомедов // Правовая кибернетика. — М. : Наука, 1973. — С. 67–82.
5. Чубарев, В.Л. Общественная опасность преступления и наказание (количественные методы изучения) / В.Л. Чубарев. — М., 1982. — 96 с.
6. Козлов, А.П. Уголовно-правовые санкции (проблемы построения, классификации и измерения) / А.П. Козлов. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. — 176 с.
7. Бородин, С.В. Пути оптимизации выбора санкций при разработке проектов уголовных кодексов республик / С.В. Бородин // Советское государство и право. — 1991. — № 8. — С. 73–89.
8. Мартынюк, А.И. Некоторые актуальные вопросы оценки санкций уголовного закона (на примере норм о хищении и угоне транспортных средств) / А.И. Мартынюк // Судовы веснік. — 2007. — № 2. — С. 56–58.
9. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности: Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2003 г., № 359 // Эталон — Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
10. О криминологической экспертизе: Указ Президента Респ. Беларусь, 29 мая 2007 г., № 244 // Эталон — Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
11. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 672 // Эталон — Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
12. О некоторых вопросах осуществления обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 дек. 2011 г., № 711 // Эталон — Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2012.
13. Всемирный доклад о предупреждении дорожно-транспортного травматизма: резюме / Всемирная организация здравоохранения. — Женева, 2004. — 280 с.
14. Лытин, А. Статья 317¹ УК: достигнута ли цель в предупреждении пьянства за рулем? / А. Лытин // Законность и правопорядок. — 2008. — № 3. — С. 44–47.
15. Овечкина, Е.В. Об усилении юридической ответственности за управление транспортным средством лицами, которые ранее подвергались административной или уголовной ответственности / Е.В. Овечкина // Право и государство: теория и практика. — 2008. — № 2. — С. 51–53.
16. Сахарчук, А.И. Уголовно-правовая охрана безопасности дорожного движения или эксплуатации автодорожных транспортных средств в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.И. Сахарчук; Бел. гос. ун-т. — Минск, 2010. — 24 с.

27.04.2012

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ОПРЕДЕЛЕНИИ УРОВНЯ ЖИЗНИ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Поднимается актуальная проблема социального неравенства в современном глобализирующемся мире. Подробно анализируются подходы в использовании степени социального неравенства при составлении рейтинга стран по ИРЧП, дается оценка места Республики Беларусь в общемировом рейтинге по данному индексу.

In many developed countries social protests of the bottoms based on the increased social inequality occurring against slowed-down growth of welfare of people increase. In the article this phenomenon is in detail shown on an example of the USA. Data on an index of human development of Belarus are provided. The conclusion about the importance of development of ideas and the political measures, capable to change life of people to the best, formations of political and economic stability in the states is drawn.

Сегодня мир столкнулся с неожиданным для многих феноменом — социальными протестами низов в странах ранее благополучного Запада. Одной из основных причин такого явления стало выросшее социальное неравенство в развитых государствах, которое происходит на фоне замедленного роста благосостояния, связанного с перемещением миллионов рабочих мест в Азию. Рассмотрим подробнее данный феномен на примере США.

Протестное движение молодежи «Оккупируй Уолл-стрит», которое началось в конце 2011 г. в Нью-Йорке и распространилось в Америке и ряде других стран, стало для многих американцев «громом среди ясного неба». Напомним, активисты этого движения выступили против несправедливости финансовой системы США, выразили недовольство растущим в обществе социальным неравенством, высоким уровнем безработицы, а также тем, что политики помогают прежде всего корпорациям, а не рядовым гражданам.

Американские СМИ вначале игнорировали это событие, затем начали показывать протестующих как наркоманов и бездельников, не знающих, чего они хотят. В то же время американская пресса обошла вниманием политические требования, которые выдвинули протестующие. Среди них призывы ограничить сроки переизбрания политиков у власти, запретить лobbирование и частные пожертвования политикам, дающие возможность корпорациям покупать голоса политиков, отменить лазейки, позволяющие уклоняться от уплаты налогов.

Хотя у нового движения нет ярких лидеров и четкой политической программы, оно отражает настроения значительной части общества и является реакцией на увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными на фоне сохраняющегося высокого среднего дохода в США.

Проблема социального неравенства в США не является новой, однако ее освещению недоставало фактов и конкретики. В данном контексте представляют интерес проведенный независимым исследовательским центром США «Pew Research Center» в

декабре 2011 г. социологический опрос «Общественные настроения в отношении конфликта между богатыми и бедными» [1]. По итогам этого исследования были получены данные о влиянии неравенства на качество жизни¹.

Как «сильную» или «очень сильную» степень социального конфликта в США между богатыми и бедными оценивают 66 % респондентов. По сравнению с аналогичным опросом 2009 г. доля американцев, которая придерживается такой позиции, увеличилась на 19 %. Доля опрошенных, отметивших «очень сильную» степень таких конфликтов, увеличилась в два раза по сравнению с предыдущим опросом. Таким образом, прослеживается тенденция усиления указанного противоречия в американском обществе.

В 2009 г. первое место среди потенциальных источников напряженности занимали противоречия между иммигрантами и коренными жителями Америки, а в 2011 г. лидирующее положение занял конфликт между богатыми и бедными. Возможно, отмеченный сдвиг в общественном сознании за относительно короткий промежуток времени частично связан с повышенным вниманием к протестной акции «Оккупируем Уолл-стрит». В то же время результаты исследования свидетельствуют, что проблема имущественного неравенства — одна из самых острых среди социальных проблем, существующих в американском обществе.

Несмотря на то что государство активно перераспределяет деньги в пользу безработных и выплачивает прочие социальные пакеты, неравенство в доходах в США достигло в 2010 г. самого высокого уровня за всю послевоенную историю. В настоящее время один процент жителей этой страны контролирует более четверти общенационального дохода. По оценкам американского ученого, лауреата Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица, не-

¹ Было опрошено 2 048 взрослых в возрасте 18 лет и старше, проживающих в континентальной части США, что является репрезентативной выборкой общей популяции взрослого населения в этой части страны. Погрешность выборки составляет плюс-минус 2,9 %.

равенство в доходах за время президентства Б. Обамы достигло своего максимального значения [2].

Данная позиция подтверждается оценками международных организаций. В частности, доклад Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) «Покинутые дети», который стал первой попыткой исследовать проблему неравенства среди детей в наиболее развитых странах, зафиксировал самый высокий уровень неравенства в США, которое занимает последнее место среди 24 стран [3]. Авторы доклада обеспокоены тем, что нынешняя политика ряда богатых государств, направленная на жесткую экономию средств, в том числе путем сокращения социальных расходов, может привести к еще большему неравенству среди детей в плане материального благополучия, доступа к образованию и физического здоровья.

Вероятно, руководство Соединенных Штатов стало осознавать остроту существующего разрыва между разбогатевшей верхушкой общества и остальными американцами. Проект бюджета США на 2013 год, направленный президентом в Конгресс, предусматривает введение повышенного налога для состоятельных американцев. Получит ли этот проект одобрение у американских законодателей, покажет время. Важным является осознание факта, что неравенство может создавать угрозу для политической и экономической стабильности в стране.

Проблема расслоения общества и роста социального недовольства стала одной из центральных тем Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2012 г. На дискуссионных площадках форума отмечалась необходимость глобальной трансформации капитализма, которая должна начинаться с восстановления чувства социальной ответственности.

В последние годы проблема неравенства стала отражаться в глобальных докладах ООН о человеческом развитии (ДЧР), которые являются наиболее значимым международным инструментом сравнительной оценки ситуации в странах мира с точки зрения уровня жизни и развития человеческого потенциала. Доклады о человеческом развитии издаются ежегодно с 1990 г. На основе трех базовых критериев (размер валового национального дохода на душу населения, продолжительность жизни и доступ к образованию) определяется индекс человеческого развития (ИЧР). По этому индексу ООН оценивает уровень жизни и место страны в мировом рейтинге.

Авторы этих документов исходят из того, что развитие человека — это не фиксированный и статичный набор предписаний, а эволюционирующая идея. Поэтому подход к развитию человека, включая аналитические инструменты и концепции, должен приспосабливаться к вызовам нового тысячелетия.

Одним из таких вызовов стал рост неравенства как внутри стран, так и между странами. Обращение к проблеме неравенства потребовало применения новых инструментов оценки развития человека. С этой целью в докладе о человеческом развитии за 2010 год был введен новый статистический показатель — индекс человеческого развития, скорректи-

рованный с учетом неравенства (ИЧРН). Пока этот индикатор отражается в отдельных таблицах докладов, не учитывается при определении величины ИЧР, соответственно не оказывает влияния на распределение стран в мировом рейтинге. Объясняется это отсутствием статистической информации по всем странам, связанной с неравенством.

В контексте настоящей темы проанализируем ДЧР за 2011 год под названием «Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех» [4], который акцентирован на взаимосвязи между экологической устойчивостью и равенством возможностей. Доклад традиционно состоит из двух частей: субстантивной и статистической.

Основной посыл субстантивной части документа состоит в том, что концепцию устойчивого развития следует рассматривать не только в контексте взаимозависимости развития и окружающей среды, но и в плане ее влияния на возможности развития человека. Как представляется, тема выбрана в увязке с июньской 2012 г. Международной конференцией по устойчивому развитию «Рио + 20» с целью продвижения такого подхода в рамках конференции.

Вторая часть доклада представляет собой сравнительный анализ 187 государств-членов ООН по индексу человеческого развития. По уровню ИЧР государства делятся на четыре группы: с очень высоким уровнем человеческого развития (1–47); с высоким уровнем (48–94), со средним уровнем (95–141) и с низким уровнем человеческого развития (142–187).

По сравнению с предыдущим докладом индекс человеческого развития для Беларуси увеличился с 0,732 до 0,756. **С таким показателем наша страна по-прежнему занимает прочное место в категории стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала.** Выросли и основные компоненты этого индекса. Например, показатель валового национального дохода на душу населения вырос с 12 926 долл. США до 13 439 долл., показатель средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении увеличился с 69,6 лет до 70,3 лет.

Несмотря на объективное улучшение показателей, Беларусь переместилась в рейтинге государств по индексу человеческого развития с 61-го на 65-е место по сравнению с 2010 г. Характерно, что все страны СНГ ухудшили свои позиции в сводной таблице за 2011 г.

Данные статистической части доклада свидетельствуют, что снижение места Беларуси (при улучшении отдельных компонентов ИЧР) в первую очередь связано с тем, что в рейтинг доклада 2011 г. включено 18 новых стран, которые не были учтены в предыдущем докладе в связи с отсутствием по ним необходимых статистических данных. Четыре из этих восемнадцати стран (Антигуа и Барбуда, Куба, Палау и Сейшельские острова) имеют более высокие показатели социально-экономического развития по сравнению с Беларусью.

Более высокие темпы роста своих экономик продемонстрировали также государства, которые находились выше Беларуси в рейтинговой таблице. Например, индекс человеческого развития Румынии, в сравнении с аналогичным докладом 2010 г., повысился с 0,767 до 0,781, а страна осталась на прежнем 50-м месте. Латвия переместилась с 48-й на 43-ю позицию, Литва — с 44-й на 40-ю, Хорватия — с 51-го на 46-е место в мировом рейтинге. Вместе с тем **Беларусь продолжает лидировать среди стран СНГ по индексу человеческого развития**. Для сравнения: Российская Федерация находится на 66-м месте, Казахстан — на 68-м, Украина — на 76-м месте.

Кроме общего индекса человеческого развития, доклад приводит ряд других показателей, позволяющих проводить сравнительный анализ между странами в разрезе иных категорий, которые не влияют на величину ИРЧП и отражены в отдельных таблицах. Практически по всем таким показателям Республика Беларусь является лидером в регионе СНГ и даже опережает некоторые развитые государства, находящиеся выше Беларуси в рейтинге по индексу человеческого развития.

Например, по показателю доли женщин в национальных парламентах Беларусь (32,1 %) уверенно опережает все государства СНГ (Россия — 11,5 %, Казахстан — 13,6 %, Украина — 30 %) и многие развитые государства (Австрия, Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Швейцария, Франция, Япония).

Показатель уровня населения, находящегося за чертой бедности (живущих на менее чем 1,25 долл. США в сутки), свидетельствует об отсутствии в Беларуси такой категории людей, в то время как в других странах СНГ они имеются: Россия — 0,4 %, Казахстан — 0,2 %, Украина — 0,1 %, Армения — 1,3 %.

Наша страна также уверенно опережает все государства СНГ по таким критериям, как индекс экологических достижений, доля внедренных возобновляемых источников энергии в общем энергетическом балансе, удовлетворенность качеством питьевой воды.

По одному из составляющих компонентов сводного показателя экологической устойчивости² [5] Беларусь опережает не только все страны СНГ, но и большинство развитых государств, включая Австрию, Бельгию, Великобританию, Германию, США, Финляндию, Францию, Швецию, Японию.

Результаты анализа статистической части доклада позволяют сделать вывод, что Беларусь ежегодно улучшает социально-экономические показатели, что позволяет нашей стране уверенно занимать лидирующее положение среди стран СНГ. В то же время решение задачи по вхождению Беларуси в число стран с наивысшими показателями индекса человеческого развития требует обеспечения еще более высоких темпов роста национальной экономики и прогресса в социальной сфере.

Возможно, в будущих докладах о человеческом развитии критерии неравенства будут учитываться при распределении стран в мировом рейтинге. По оценкам экспертов ООН новый коэффициент ИЧРН позволяет точнее идентифицировать проблемы и успехи стран и помогает разрабатывать идеи и политические меры, способные изменить жизнь людей к лучшему.

Реализация такого подхода может внести существенные корректизы в распределение мест в мировом рейтинге. Например, в докладе о человеческом развитии 2011 г. США занимали 4-е место в базовом рейтинге среди 187 стран и в то же время находятся на 24-й позиции в таблице по индексу, скорректированному с учетом неравенства, который рассчитан в отношении 137 государств. В свою очередь Беларусь, занимающая 65-е место в общем рейтинге, находится на 35-й позиции с учетом показателя ИЧРН [6].

Таким образом, новый коэффициент позволяет точнее идентифицировать проблемы и успехи стран и помогает разрабатывать идеи и политические меры, способные изменить жизнь людей к лучшему. Целесообразность его учета диктуется осознанием растущей роли феномена «социальное неравенство» в развитии человеческого потенциала, а также в формировании политической и экономической стабильности в государствах мира.

Список использованных источников

1. Rising Share of Americans See Conflict Between Rich and Poor // by Rich Morin, January 11, 2012 [Electronic resource]. — Mode of access: /www.pewsocialtrends.org/
2. International Business Times, January 9, 2012 [Electronic resource]. — Mode of access: /www.ru.ibtimes.com/
3. The Children Left Behind» UNICEF Report 2010 [Electronic resource]. — Mode of access: /www.unicef-irc/publications/
4. Доклад о человеческом развитии 2011. Таблица 6 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hdr.undp.org>
5. Доклад о человеческом развитии 2011. Таблица 3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [/http://hdr.undp.org/](http://hdr.undp.org)

² Речь идет о показателе «скорректированные чистые сбережения в процентах от ВНД» в результате инвестиций в человеческий капитал, предотвращение истощения природных ресурсов и ущерба от загрязнения окружающей среды.

УДК 316

А. В. Филь

ПРИРОДА И ХАРАКТЕРИСТИКИ БЕДНОСТИ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Интерпретируются понятия «бедность» и «бедные» с точки зрения разных подходов. Рассматриваются основные концепции изучения бедности и бедных, анализируются виды, причины и критерии бедности. Особое внимание уделяется исследованию концепции культуры бедности в западной социологии.

The paper is aimed to interpret the concepts «poverty» and «the poor» in terms of different approaches. The basic conceptions of poverty and the poor are considered; types, causes, and measures of poverty are analyzed. Particular attention is paid to the research the conception of poverty culture in Western sociology.

Проблема бедности изучается представителями разных наук достаточно давно и связана с вопросами неравенства и социальной справедливости. История изучения бедности насчитывает более 200 лет, хотя бедность как социальное явление возникла значительно раньше. Попытки измерения уровня бедности и осмысливания ее природы осуществлялись в XVIII в. Однако границы этого явления каждое общество определяет заново.

Трудности определения концептуальных принципов выделения бедных обусловлены отсутствием единого мнения относительно содержания понятия «бедность». В современной западной социологии тема бедности относится к разделу социальных проблем. Толчком к такому пониманию бедности в Западной Европе стало развитие промышленности, что привело к расширению возможностей социальной мобильности, которые в традиционном обществе были ограниченными. Бедность как проблема возникает, когда люди начинают осознавать это состояние и относят его к проявлениям несправедливости. В доиндустриальном обществе бедность была массовым явлением и считалась нормой. В индустриальном обществе появляются новые основания социального неравенства, усиливается роль субъекта социального действия, осознается значение социального реформирования как фактора, способного ослабить неблагоприятное влияние социального неравенства на стабильность общества.

Концептуальные подходы к бедности можно разделить на две группы. Первая — философско-методологические подходы, которые уделяют больше внимания социально-экономическим предпосылкам возникновения бедности: социал-дарвинистский, эгалитаристский и марксистский. Вторая — социологические подходы, определяющие бедность с точки зрения фактического содержания явления: абсолютный и относительный (символический) подходы к бедности; концепции субкультуры бедности, андеркласа и социального исключения (эксклюзии).

Особенность философско-методологических подходов — наличие оценочных суждений бедности, которые трактуют это явление как социальное зло или социальное благо. В рамках социал-дарвинистского подхода бедность рассматривается как атрибутивная неотъемлемая характеристика общества, не требующая преодоления.

Наиболее показательными в этот период являются труды Т. Р. Мальтуса, П. Ж. Прудона, Г. Спенсера, Ф. Гидингса. Мальтус сформулировал закон, согласно которому бедность обусловлена естественными законами и человеческими страстиами, склонностью природы и чрезмерным размножением человеческого рода. П. Ж. Прудон в труде «Бедность как экономический принцип» называет ее «законом нашей жизни и нашим единственным земным счастьем» [1]. Он считает, что бедность является нормой — в противовес безудержной нерациональной роскоши, в которой живут представители аристократии. Бедность противопоставляется пауперизму, который в трактовке Прудона выступает следствием нарушения двух величайших законов — бедности и воздержания. Прудон создает идеализированную картину жизни на минимальном уровне обеспечения, когда бедность легко превращается в нищету в случае непредвиденных обстоятельств (болезни, несчастного случая, отсутствия работы) и любое проявление человеческих слабостей приводит семью к нищенскому образу жизни.

В работе «Философия нищеты» Прудон видит причину нищеты в разделении труда, которое создало касты и заставило работников опуститься из положения ремесленника до положения чернорабочего. Эти положения критикуются К. Марксом в «Нищете философии», где он считает, что идеал Прудона это «мелкий буржуа» [2]. Общность взглядов социал-дарвинистов заключалась в трактовке бедности как неотъемлемой части общества, естественной закономерности, социального блага. Неравенство воспринималось как следствие действующих в обществе законов борьбы за существование и принципов естественного отбора. Любая попытка борьбы с бедностью в этом случае ставила под угрозу процессы естественного развития, а вмешательство государства вредило обществу, то есть поощряло социальный паразитизм. Ф. Гидингс полагал, что «бедные по своей воле становятся социальными паразитами» [3, с. 142]. Бедные должны нести ответственность за свое положение, и целенаправленные усилия по преодолению бедности представлялись злом.

В противоположность взглядам социал-дарвинистов, сторонники эгалитаристского подхода считали, что бедность является социальным злом. Имущественные различия должны сглаживаться посред-

ством государственного регулирования, налоговой политики и социальных программ. Основоположниками данного подхода считают Ж. Ж. Руссо и Г. Бабефа. Один из выдающихся представителей направления Дж. Роулс полагал, что неравенство может быть оправдано, когда оно обеспечивает максимально возможный выигрыш для наименее обеспеченного класса. Иными словами, поддержка теми, кто наверху, тех, кто внизу, необходима, чтобы человек не оказался в катастрофическом положении [4, с. 248].

Марксистский подход к проблеме бедности основывается на анализе классовых противоречий, подчеркивает несправедливость неравномерного распределения прибавочного продукта и оперирует понятиями «нищета» и «экспроприация». Классики марксизма используют термин «обнищание», выделяя абсолютное (понижение жизненного уровня пролетариата по сравнению с предыдущим периодом истории) и относительное обнищание (перераспределение национального дохода в пользу класса собственников средств производства). Для характеристики ситуации в обществе Марксом использовался термин «пауперизация», что означает повышение численности пролетариата, когда нищета становится уделом большинства. Таким образом, в противоположность социал-дарвинистским концепциям марксизм утверждал паразитическую роль господствующего класса.

Российский исследователь В. Сычева полагает, что марксизм представляет собой одно из проявлений эгалитаризма, а понимание бедности в рамках данной концепции ограничено, так как критерием бедности классики марксизма считают абстрактную собственность на средства производства и степень эксплуатации трудящихся, а черта бедности основывается не на оценке среднего уровня жизни большинства, а на стандарте потребления процветающего меньшинства [3].

В отличие от философско-методологических концепций конкретно-социологические подходы к изучению бедности очерчивают проблему с точки зрения ее содержания. Толчком к возникновению данных подходов стали социальные обследования XIX–XX вв., которые проводились учеными Ф. Ле-Пле, Ч. Бутом, С. Раунтри и др. На первом этапе внимание исследователей было сфокусировано на поиске критериев бедности. Для многих из них характерно восприятие бедности как состояния, характеризующегося нехваткой средств на удовлетворение витальных (жизненно важных) потребностей (Э. Реклю) [5, с. 33]. Данный подход получил название концепции абсолютной бедности. Труды Раунтри и Бута положили начало концепции исследования бедности как абсолютной категории и выделения бедных на основании определения возможностей индивида удовлетворять основные потребности в еде, одежде и жилье, то есть прожиточного минимума. В рамках концепции определение бедности сводится к попыткам найти абсолютный критерий, который позволит отделить бедных от небедных. Эта концепция превалировала в конце XIX — начале XX в.

На практике оказалось достаточно сложно определить биологический минимум существования человека через культурные, природно-климатические и другие отличия, которые могут встречаться в пределах даже одной страны. Ученые делали попытки осмыслиения других методологических принципов выделения бедности.

Новое понимание бедности появляется в начале XX в. Исследователи Ч. Бут и С. Раунтри дают определение бедности, в котором прослеживается новый подход к явлению: «Бедные — это те, чьи потребности не удовлетворяются в соответствии с обычными стандартами жизни в данной стране» [6, с. 33]. Они также искали критерии определения бедности. Раунтри затронул и вопрос ответственности за бедность, выделив две ее разновидности — первичную, которая была следствием недостатка средств, и вторичную, которая являлась результатом нерационального потребления. Те, кто был просто расточительный, несли личную ответственность за свою бедность.

Постепенно понятие абсолютной бедности вытесняется понятием бедности относительной или символической, которую связывают с невозможностью соблюдать общепринятые стандарты жизни. Маршал и Таусенд создают концепцию относительной лишенности (депривации). П. Таусенд определяет бедность как «состояние, вызванное нехваткой материальных ресурсов, в течение определенного отрезка времени и в такой степени, что ведение нормального образа жизни и наличие условий жизни, которые являются обычными или, в крайнем случае, поощряются и принимаются в обществе, становятся невозможными или чрезвычайно усложненными» [7, с. 31]. Уровень бедности становится плавучим, а качество жизни бедных повышается с ростом благосостояния общества. Концепция относительной бедности определила, что бедность как социальная проблема неистребима: всегда в обществе будут те, чей уровень жизни будет ниже определенного среднего стандарта.

В начале XX в. появляется концепция экономической зависимости Г. Зиммеля. Автор считал, что «бедный тот, кто из-за недостатка ресурсов получает общественную помощь или ее следовало бы получать в соответствии с существующими социальными нормами» [8, с. 132]. Данный подход является наиболее простым для реализации социальных программ: социальную помощь получает тот, кто обращается за ней. Бедными можно считать тех, кто получает помощь, но общий уровень бедности остается скрытым, так как невозможно отследить тех, кто может получать помощь, но по некоторым причинам не получает ее. Ученый ограничивается использованием формальных критериев для определения тех, кто беден и с позиций понимания природы бедности данный подход не предлагает принципиально новых характеристик явления.

В центре изучения бедности остается вопрос, кого и почему следует относить к бедным. Кроме того, одним из значимых теоретических вопросов для понимания современной украинской ситуации является проблема так называемого синдрома бедности. Подход, автор которого пытается объяснить посто-

яньство существования бедности с точки зрения сохранения (консервирования) и воспроизведения особого стиля жизни, получил название концепции культуры бедности, или субкультуры бедности. Данный подход требует тщательного рассмотрения, поскольку уделяет особое внимание социальным характеристикам бедности, установкам и поведению представителей бедных слоев.

Представление о том, что социальное лишение сохраняется, потому что бедные семьи передают устойчивые образцы поведения, зародилось в американской социологии. В США известная теория культуры бедности О. Льюиса выделяла наличие бедных семей, которые функционируют в рамках особой культуры и сильно отличаются от основной культуры общества. Считалось, что они не могут полностью усваивать преобладающую (доминирующую) культуру, хотя не всегда рассматривались как носители особой культуры. Такие семьи были названы культурно лишенными [9]. Автор идеи культуры или субкультуры бедности О. Льюис доказал, что в пределах ячейки одной культуры может существовать и культура бедности. Она является своеобразным стилем жизни, отличительным от стиля жизни окружающих людей, и поскольку культура передается от поколения к поколению, то это объясняло существование бедности и ее устойчивость.

Тезис о культуре бедности предложен О. Льюисом в 1959 г. и в дальнейшем расширен, поскольку он изучал мексиканские и пуэрториканские семьи. Он утверждал, что бедные были отчуждены от остального общества и должны были развивать собственные стратегии жизни и успеха. Компенсирующие механизмы стали настолько врожденными и общими, что смогли составить особую культуру в рамках общепринятой. Культура бедности, доказывал Льюис, имела особые характеристики, достаточные для создания собственных носителей и сильно отличающиеся от других представителей нации. Он утверждал, что культура бедности состоит почти из 70 взаимосвязанных социальных, экономических и психологических черт, которые можно объединить в четыре группы. Поведение бедных в них характеризуется:

- недостаточным социальным участием и интеграцией в основные учреждения общества. Они не принаследуют к общественным организациям, предусматривающим добровольное участие. Их нежелание включаться в жизнь общества связано с критическим отношением к некоторым из основных учреждений доминирующих классов, ненавистью к блестящим порядком, недоверием к правительству и людям, занимающим высокие должности, а также церкви. Они не разделяют ценности большинства общества;
- минимумом организации вне уровня нуклеарной и расширенной семьи. Считается, что бедные не участвуют в клубах, профсоюзах и движениях. Однако О. Льюис признает, что, несмотря на общую дезорганизацию, может быть достаточно оснований для порождения в них чувства общности;
- значительным отличием семейной и сексуальной практики от общепринятой. О. Льюис обращает внимание на отсутствие детства и защищенной стадии в цикле жизни, ранние сексуальные связи, свободные

союзы или согласованные браки, высокую частоту разводов и абортов;

- преобладанием чувства беспомощности, зависимости и состояния подчиненности. Для них характерен фатализм, который диктует слабое стимулирование к труду, продвижению, изменению в целом, недостаточность контроля, ориентация на настоящее и низкая способность к планированию будущего. Согласно О. Льюису, бедность внутри этой группы неизбежна. Неактивные и беспомощные люди не могут самостоятельно избавиться от бедности. Они не экономят, потому что не хотят отказывать себе в удовольствиях. Члены группы не хотят изменений. Неизбежная бедность не приводит к росту недовольства, потому что культура бедности — путь принятия бедности, фатализм — позволяет людям жить в трудном положении. Социализация как средство внедрения ценностей и норм поведения способствовала утверждению этой культуры, родители передавали детям привычку жить в бедности и принимать ее, а не избавляться. Их дети и внуки обречены жить в бедности как бесконечное юридическое лицо, отрезанное от внешнего мира, которое выделяется своими ценностями, поведением и экономическими ресурсами.

Точку зрения Льюиса широко поддерживали в США, например физиолог Сабин, который писал о существовании множества исторических precedентов создания социальной организации из деклассированных и деградированных людей [10].

Одновременно с Льюисом известный просветитель Райсман писал, что в школе особенно плохо учатся, как правило, дети из бедных семей. Он охарактеризовал их как психологически лишенных и тех, кто обладает собственной культурой. Райсман доказывал, что субкультура бедности не может подготовить детей к школе. Такие дети в школе несчастны, плохо читают, кажутся неактивными, противопоставляют себя учителю, не обладают четко сформулированным планом карьеры и имеют с образования небольшую пользу.

Ответственность за это Райсман приписал культуре, однако его позиция отличалась тем, что он возложил часть вины на систему образования. Исследователь считал, что хотя носители культуры бедности были негативно настроены в отношении школ и преподавателей, они не были оппозиционно настроены по отношению к образованию. Однако преподаватели не оценили это и на основе показателей интеллекта сделали выводы, что не могут помочь детям. Райсман полагал, что преподаватели могли бы изменить ситуацию.

Тезис о субкультуре бедности использовался для оправдания постоянной бедности среди чернокожих, так как совпал с периодом, когда проблемам этой расы уделялось повышенное внимание. Авторы Гейзер, Мойниан и Маца основным аргументом выдвинули тезис: бедные отдают предпочтение нищете, потому что не хотят работать. Ученые применяли термин «дискредитирующая бедность». Однако они не отступали от основного содержания концепции, выражавшегося в том, что бедные отделялись в группу преимущественно из-за приучения к бедности и раз-

вили субкультуру ценностей, которую они передавали своим детям.

Термины «пауперизм», «недостойные, неприличные бедные» появились задолго до возникновения концепции субкультуры бедности, но появление данной концепции дало толчок развитию концепции андеркласса. Термин «андеркласс» введен в научный оборот в конце 60-х гг. XX в. и стал новым обозначением для пауперов и люмпен-пролетариата. Андеркласс — прослойка бедных, которых отличает устойчивое состояние зависимости от государства, рожденное добровольным или вынужденным уходом с рынка труда и сопровождаемое состоянием отчуждения от остального общества. Состав его неоднороден, сюда относят как пассивных бедных (кто длительное время получает помощь), так и представителей «социального дна», уличных хулиганов и криминальных элементов. Главной проблемой, связанной с андерклассом, является постоянство его самовоспроизведения. Эта проблема не решается с помощью системы социальных пособий, она обувлена устойчивостью паразитирующих настроений его представителей.

Позже концепция андеркласса была подвергнута жесткой критике со стороны социологов, чьи научные взгляды формировались под влиянием левых ориентаций и тех, кто не соглашался приписать бедным паразитические установки [11, с. 156]. Термин «андеркласс» применяется многими известными исследователями бедности на Западе (П. Таусенд, Р. Титмус, Дж. Мюрдал, Б. Джордан, Ч. Мюррей). Однако дебаты относительно существования андеркласса продолжаются [12].

Большинство концепций связаны с ответом на вопрос о причинах постоянства и стойкости бедности независимо от уровня развития общества и о тех функциях, которые они выполняют в обществе. Р. Холман в монографии «Бедность. Объяснения социальной нужды» осуществляет обзор и обобщение концепций с точки зрения функционального подхода к данному явлению [10]. Автор полагает, что функции бедности заключаются в поддержании существующего порядка вещей, а также неравенства, которое возникает закономерно, и с этой точки зрения бедность является функциональной для общества, поскольку не тормозит и не останавливает надлежащий ход социальных процессов. Бедность потому сохраняется даже в обществах, способных преодолеть ее: причины бедности не ограничиваются нехваткой ресурсов у некоторых групп населения. Они глубже и скрыты, в том числе потому, что общество заинтересовано в существовании бедности. Среди всех концепций, которые касаются вопроса функций бедности, Холман выделяет три группы.

Первая группа характеризуется попытками подтвердить существование социальной справедливости в обыденном понимании. Их объединяет приписывание бедным личной ответственности за свою судьбу. Эта точка зрения находит отражение в упоминавшихся концепциях социал-дарвинистов. Из более поздних исследователей этот образ жизни описал Раунтри, говоря о неразумных тратах средств.

Западные авторы Клег и Мегсон описывают тех, кто мог бы работать, но вместо этого получают социальные пособия. Характерной чертой этих людей также называют нерациональное потребление получаемых средств. В то время как им следует заботиться о воспитании детей, они заняты собой.

Ограниченнность этих концепций, по мнению Р. Холмана, не вызывает сомнений, однако очевидно, что они представляют собой элементы широко распространенного в обществе стереотипа. Он позволяет членам общества, которые находятся в более благоприятном положении, прежде всего представителям высших слоев населения, оправдать свое существование на фоне бедных. Мнение о личной ответственности за бедность является идеологией, которая необходима для оправдания существующего положения вещей в социальной структуре общества. В результате поддерживается мысль, что уровень благосостояния человека полностью зависит от способностей, ответственности и настойчивого труда. Однако данные исследователей Запада подтверждают, что подобная идеология наиболее распространена среди тех, чей доход в обществе наиболее высокий, то есть среди людей, кого эта идеология защищает и оправдывает.

Таким образом, одна из функций бедности заключается, очевидно, в легитимации привилегированного положения высших слоев. Несмотря на попытки государства перераспределить средства с помощью налоговой системы, без поддержки высших слоев, которые предпочитают оправданию существования бедности личными качествами ее носителей, можно долго и безрезультатно пытаться преодолеть бедность. Восприятие бедности как следствия личных недостатков позволяет рассматривать ее как проблему, которая требует контроля, а не решения.

Вторая группа наделяет бедность компенсаторной функцией. Можно предположить, что существование социальной нужды стимулирует бедных к насильственному перераспределению ресурсов в обществе путем социальных революций. Но это не происходит, и решающая роль в сдерживании подобных попыток принадлежит бедности в ее умеренных проявлениях. Если бы общество было разделено на два противостоящих класса и состояло из меньшинства богатых людей и обделенного большинства, революция могла бы возникнуть. Но в большинстве западных обществ, как и в Великобритании, которую рассматривает Холман, бедные как категория с определенным, низким уровнем дохода составляют меньшинство и система стратификации значительно сложнее, чем два полярных класса.

Большое значение имеет проблема идентификации себя с определенным слоем. Рансимен доказывает, что социальные классы используют в качестве своих референтных групп классы и группы, которые ближе к ним. И небольшая часть общества, которая живет в условиях постоянного экстремального недостатка, позволяет людям, чье положение немногоЛучше, чувствовать собственные позиции в обществе как относительно благоприятные и идентифицировать себя с более высокими социальными стра-

тами. Находясь почти в аналогичном состоянии, они в меньшей степени готовы настаивать на радикальных реформах, способных повлиять на доход и статус социальных групп, которые находятся в более благоприятном положении. Похожая точка зрения высказана Райсменом по поводу американского общества. Он объясняет, что большая часть людей из рабочего класса видит преимущества своего социального положения в том факте, что существуют более ущемленные группы — бедные. И любая радикальная программа может угрожать неустойчивому равновесию в обществе, в чем большая часть общества не заинтересована. Если бы бедные не были меньшинством, внимание более благополучных групп рабочего класса могло быть направлено на уменьшение дистанции между ними и высшими социальными слоями, тогда как сейчас она в большей степени направлена на сохранение дистанции с бедными. Вследствие этого элиты сохраняют свои позиции в обществе, поскольку другие группы не объединяются, чтобы противостоять им.

Описывая современное общество, Джордан также рассматривал бедность как механизм разделения рабочего класса, с целью недопущения социального взрыва. Он иллюстрирует это результатами своих исследований, оперируя понятием «рабочий класс». По его мнению, рабочий класс разделен на две части. Первая представлена работниками, которые «живут в доме на два хозяина и зарабатывают 30 фунтов в неделю (включая и стимулирующие премии) за квалифицированный труд и платят налоги», вторая — теми, кто «предъявляет претензии, зарабатывает 18 фунтов в неделю, если могут вообще получить, и претендуют на добавку к семейному доходу, скидки в оплате жилья, бесплатные школьные обе-

ды и освобождение от платы за рецепт врача» [10, с. 205]. Одна часть сотрудников относится к другой с пренебрежением, идентифицируя ее представителей как нищих и бездельников, и тех, кто не хочет социальных реформ, способных им помочь. Вместо этого они будут поддерживать социальную и экономическую политику, что и успешные квалифицированные рабочие и группы среднего класса. Как допускает Джордан, не будет стремления разрушить существующую структуру общества.

Третья группа приписывает бедности функцию регуляции рынка труда. Бедность нужна для обеспечения рынка рабочей силой, готовой мириться с низкими заработками и вредной работой, которую не хотят выполнять представители других социальных страт. При отсутствии бедных угроза безработицы распространялась бы на классы, которые занимают более высокое положение в социальной структуре.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что моральное или политическое неравенство существует благодаря молчаливому согласию людей и не выступает неизбежным результатом природы, бедность сохраняется с согласия общества. Существование бедности позволяет найти оправдание неравенства, снизить вероятность изменений в стратификации, связанной с неравенством, и обеспечить существование группы людей, вынужденных занимать самые неблагоприятные и наиболее неустойчивые позиции в обществе. Рассмотрение философско-методологического и социологического подходов к изучению бедности не исчерпывает теоретические подходы к изучению бедности. В дальнейшем есть необходимость продолжить исследования концепций данной проблематики.

Список использованных источников

1. Прудон, П.Ж. Что такое собственность? / П.Ж. Прудон. — М. : Республика, 1998. — 207 с.
2. Маркс, К. Нищета философии / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. — Т. 4. — 160 с.
3. Сычева, В.С. Измерение уровня бедности: история вопроса / В.С. Сычева // СОЦИС. — 1996. — № 3. — С. 142.
4. История экономической мысли. Курс лекций [Ассоциация авторов и издателей «Тандем»]. — М. : ЭКМОС, 1998. — 248 с.
5. Реклю, Э. Багатство и нищета / Э. Реклю. — М., 1906. — 33 с.
6. Booth, Ch. Life and labour of the people in London — New York / Ch. Booth. — 1892. — P. 33.
7. Townsend, P. Poverty in the UK. Betkeley: Univ Of California / P. Townsend. — 1979. — P. 31.
8. Ярошенко, С. Теоретические модели бедности / С. Ярошенко. — Рубеж. — 1996. — № 8–9. — С. 132.
9. Lewis, O. A study of slum cultural / O. Lewis. — Backgrounds for La Vida. Random House. — New York, 1968.
10. Holman, R. Poverty. Explanation of social deprivation / R. Holman. — London : Martin Roberson & Company Ltd, 1978. — 205 p.
11. The International Glossary on Poverty [Edited by D. Gordon and P. Spicker]. — CROP Publication, 1999. — P. 156.
12. Murray, Ch. The Underclass: the developing Debate. The IEA Health and Welfare Unit in association with The Sunday Times. — London, 1996.

20.03.2012

УДК 008

В. В. Буяшенко

ОСВОЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Обосновывается необходимость анализа культурного наследия через призму бытия человека в культуре. Отказавшись от традиционного его восприятия как «образца», эталона наследования, культура рассматривается как поле человеческого существования во всей непосредственности и многообразии обнаружений для человека, а сам человек — как результат со-бытийственности в культуре.

The need of the analysis of a cultural heritage through a prism of life of the person is located in culture. Having refused from traditional his perception as "sample" of a standard of heritage, the culture is considered by the author as a field of human existence in all spontaneity and variety of detection for the person, and the person as a result of a property in culture.

В дискуссиях, связанных с обновлением Украины, достижением высокого уровня развития человека, все большее значение приобретает вопрос освоения культурного наследия. Вопрос сложный и неоднозначный в такой же мере, как и сама культура, охватывающая все сферы жизни индивида и общества в целом. Поиски ответа на него связаны с сущностным пониманием базовых понятий «культурное наследие», «культура», «субъект освоения». По нашему мнению, именно их интерпретация привносит элемент дискуссионности, о чем свидетельствуют работы представителей зарубежной и отечественной философской мысли последних лет (Ф. Анкерсмит, Ян. Ассман, Х. Борхес, Е. Быстрицкий, Х. Вельцер, М. Каган, М. Корнеев, В. Лебедев, В. Лисовой, Ю. Лотман, А. Мальро, П. Нора, В. Скотный, П. Хаттон и др.).

Для определения механизмов освоения культурного наследия необходимо уяснить, что вкладываем в понятие «культурное наследие». От этого во многом зависит дальнейшая логика развития сюжета «освоения»: что осваивать? есть ли необходимость осваивать то, что и так имманентно входит в бытие человека? не будет ли это освоение постоянным возвращением к исходной точке? Попытаемся изложить некое видение этой проблемы, отталкиваясь от понимания культуры как смыслового пространства бытия человека.

Если взять понятия культуры и человека, то их отношения привычно представляют в виде неравнозначной дилеммы. Начиная с эпохи Возрождения, культура определяется как нечто долженствующее и противостоящее человеку. Мера его вовлеченности в культуру рассматривалась как признак личностного совершенствования. С этого периода формируется тенденция отождествления культуры с различными областями духовной деятельности человека: наукой, зарождающейся моралью, искусством, философией, религией. Результаты этой деятельности воплощались в совокупности образцов поведения, которые были подражанием-продолжением (наследованием). Стремление построить храм Разума философами Просвещения подтолкнуло их к разработке системы критериев культуры. Культура должна была быть

интеллектуальной, творческой, продуктивной, новаторской, то есть не просто воспроизводить, но и постоянно расширять сферу человеческих возможностей. На смену необходимости подражать образцу пришло понятие оригинальности как новаторства человеческого разума. Современное понимание культуры предстает как система материальных и духовных ценностей, способов их создания, формирования человека, способность осваивать опыт предшествующих поколений и современников и использовать его для создания новых ценностей. Таким образом, традиционный смысл дилеммы «культура — человек» видят в перспективе формирующего движения от культуры к человеку, рассматривая обратное отношение сквозь призму индивидуального вклада в общее достояние людей.

Данная несоразмерность отражает устойчивое представление о культуре как универсуме всеобщих, общественных, коллективных или родовых форм и норм жизнедеятельности, выработанных в ходе истории в качестве наиболее значимых или ценных. А сама культура предстает как совокупность устойчивых элементов (культурных универсалий) и элементов переходных, возникающих и исчезающих в конкретных исторических условиях. К культурным универсалиям относятся все родовые, общечеловеческие формы общественной жизни: общественное производство, труд и игра, досуг и общение, общественный порядок и порядок управления, образование и воспитание, духовная жизнь, «правовое и моральное» сознание, искусство. Элементарные культурные универсалии: уход за телом, воспитание детей, приготовление пищи, упорядочение жилья, погребение умерших. Социальное становление и общественно признанная активность человека (как отдельного индивида, как личности) в этих представлениях зависят от степени овладения им существенным человеческим опытом. Поэтому различные понимания культуры, попадая в смысловое поле отношения культуры и человека, неизбежно выстраиваются в иерархический ряд, в котором культура образует основание, предпосылку и условие, а также конечную, высшую результирующую жизни и деятельности отдель-

ногого индивида, так называемой культурно сформированной личности.

Воззрения на культуру как исторически «вышее» и «возвышающееся» над обыденностью, как трансцендирующее, выходящее и выводящее человека за пределы частных обстоятельств жизнедеятельности в более универсальную область свободного самоопределения, творчества, игры, всеобщего труда, задают буквально осозаемый вектор смысловой направленности в ее теоретических исследованиях. В такой мировоззренческой установке не только устойчиво воспроизводится восприятие места культуры в иерархии ценностей человеческого мира так, как оно сложилось в ее теоретических исследованих, но и дублируется без особого критического размышления традиционное отношение к тому, что называют культурой и культурностью в той культуре, к которой мы непосредственно принадлежим.

Однако сегодня наблюдаем поворот к иному восприятию отношения культуры и человека. Он инициируется меняющейся смысловой перспективой, которая выдвигает на первый план общественного мира личность и отношения человека к действительности. Такой поворот обнаруживает себя в том, что само существование общественного целого и по экологическим параметрам природных условий жизни и в способах организации совместной жизни, необходимых для выживания людей в современных социальных условиях, ставится в прямую зависимость от человеческих качеств отдельных лиц (А. Печчини). Культура формируется и становится возможной лишь как развертывание потенциала человека, его способностей, умений и навыков. Она выражает целостную характеристику социальных качеств, ума, воли, стремлений человека, его отношений к другим людям и к самому себе, природы и общества.

Если личность признается фактом культуры не как будущая перспектива общественного развития и не в качестве отдельно возвышающихся деятелей культуры, но как массово значимое явление ее сегодняшней организации, то и отношение культуры и человека приобретает новое качество. Культура предстает не только в виде идеализированной перспективы индивидуального развития и формирования человека. Ее недостаточно рассматривать и как необходимый «набор» всеобщих образцов жизнедеятельности, ряд основных социальных функций, ролей, область культурных «подсистем» действия и поведения и т. д., в которых обычно видят некоторые базовые условия для нормального функционирования индивидов в общественном целом. Вместе с признанием человеческой индивидуальности универсально значимым феноменом культуры последняя предстает как предпосылка и условие производства и воспроизведения именно личностного отношения к миру. Бытие культуры обеспечивается специфической деятельностию индивида, создающего культурную предметность, в которой воплощен личностный опыт.

В этом смысле культурообразующее значение получает все то, что окружает нас в непосредствен-

ности ближайшего жизненного мира, пестрая ткань которого ткется из всех жизненных отношений и актов людей, не выделяя особо специализированных занятий «культурой» и так называемых культурных профессий. Изменения, которым подвержена культура, обусловлены наследованием новых признаков, возникающих необходимо или случайно. Она образует поле человеческого существования во всей непосредственности и многообразии его обнаружений для человека. Любое явление культуры осмысливается человеком в контексте современного состояния, и это может сильно изменить его содержание. А сам человек есть всегда «человеком культуры» безотносительно к его особой воспитанности, образованности, начитанности.

Культура предзадана каждому безотносительно к его социальному происхождению как исторически сложившийся образ жизни или способ бытия породившего сообщества. Отношение же к ней возникает не как проблема теоретического определения, а как задача сохранения и упрочения культурных традиций, языка, обычая и нравов, природно данного и созданного предметного мира, то есть всего того, что имеется культурным ландшафтом, средой обитания и культурной «почвой». Внутреннее единство богатейшего спектра разнообразных явлений конкретного типа культуры проявляется в языке и логических процедурах, психических стереотипах и художественной стилистике, ритуалах и этикете, отличающие его от других типов культуры.

Таким образом, вектор понимания культуры хотя и направлен в историческую перспективу сохранения, возрождения и развития культуры как особого культурного мира, но, тем не менее, указывает на культуру как на саму жизненную реальность, мир непосредственной культурной жизни. Культура в этом смысле не образует перспективу идеального проекта общества будущего и универсально развитой личности, но берется как бытие в мире культуры, «здесь» и «теперь» наличная причастность данной культуре. Поэтому культура предстает, прежде всего, как способ человеческого бытия со всем его массивом. Она характеризует не столько меру развития человека, его познавательных способностей, знаний и эмоциональной отзывчивости, способности понимания и эстетического вкуса, волевых качеств и способностей к творчеству, сколько демонстрирует нам событийность человека и культуры.

Временная динамика человеческого бытия свидетельствует о том, что человек не относится к культуре, а всегда уже находится в мире культуры, принадлежит его историческому движению и образует его временную динамику собственной жизнью и деятельностью. Из культуры нельзя «выйти», даже занимаясь «всеобщим» научным трудом, следовательно, нельзя соотноситься с культурой, безраздельно принадлежа этому же культурному миру. О человеке можно говорить не по суждениям о культуре, а потому, как он их воплощает в своем бытии, актуализируя ее неповторимые смыслы, обнаруженные в явлениях культуры.

Считается, что индивид совершает свой человечески значимый выбор, признавая близким себе либо относящееся к подлинной культуре, либо оставаясь за ее человеческими границами. В столкновении культурных традиций, ценностей, диалога современных и исторических культур обнаруживается истинная бытийственность культуры. Важнейшим интеграционным механизмом постоянных культурных «батальев» является традиция. Она аккумулирует такие проявления культуры, как культурное ядро, эндогенность, самобытность, специфика, культурное наследие, культурная динамика. Эти проявления культуры выступают своеобразным «строительным материалом» для выстраивания собственной конфигурации бытия. Подобно тому, как в калейдоскопе одни и те же цветные стеклышки через их переворачивание создают все новые орнаментированные образы, так и переосмысление традиций культуры образует новые формы и способы бытия человека. Новое является «трансформацией» (А. Тойнби) прошлого культурного наследия.

Однако чтобы чувствовать и сознавать реальность иных культур, надо принадлежать миру определенной культуры. Бытие человека не является актом сознательного сравнения существующих ценностей, правил поведения, образов жизни в целом, который осуществляется с некоторой «всеобщей» точки зрения, выходящей за пределы культурного мира. В этом смысле сама культура показывает и свою значимость для человека и все иное, ино- и внекультурное. Входя в движение самопонимания людей, культура обнаруживает свою значимость для человека в границах его персонального существования. Она как бы вершит «суд времени» в виде личностных модальностей культурного бытия (экзистенциалов), которые дают о себе знать в известных состояниях, настроениях, установках, переживаниях человека — ответственности, решимости действовать, голосе совести, чувстве вины, стыда, любви и ненависти, надежды и безнадежности, в виде личностного измерения человеческого бытия.

Эти измерения личностного бытия находят отражение в сущностной рефлексии мыслящего духа культуры. Она выводит творения культуры на свет сознания и вписывает их в существующий образ мира, иначе каждая культура была бы обречена оставаться вещью-в-себе, поскольку она вырабатывает свою имманентную, более или менее закрытую знаковую систему. Сегодняшнему украинскому горожанину знаковый код предков «писанки» или вышивки говорил бы не больше, чем клинопись шумерских табличек, если бы несколько поколений украинских фольклористов не взяли на себя миссию не просто «коллекционеров», а комментаторов, de facto философов этнокультуры, считав зашифрованные в ней глубинные мировоззренческие смыслы. Только собственная философия делает культуру (в первую очередь национальную) языковой, артикулированной. Она позволяет разумительно понять сущность своей уникальности как во времени (для будущих поколе-

ний), через закрепленную словом память, так и в пространстве (для других культур — соседних и мировой включительно). Философская рефлексия должна быть высказана, высловлена, зафиксирована в языке — этой единой универсальной, «поверх-барьерной» реальности духа. И. В. Мерзляков (украинский писатель и критик И. В. Костецкий) по этому поводу говорил, что философская рефлексия — это поисковая, жаждущая проникновения в сущность вещей мысль, озаряя собой целое культуры, делает его вразумительным.

Речь идет не о психологических эмоциях, страстиах или личностных смыслах, в субъективной форме которых эмпирический индивид переживает своеобразие собственных впечатлений, но об общезначимых для людей модальностях человеческого существования. Они образуют основу человеческих действий (я таков и не могу иначе!), указывая своей неустранимой обязательностью для жизни на глубинную экзистенциальную конституцию мира человеческой культуры. Экзистенциальная аналитика культуры позволяет понять исходное единство общественного, в том числе национально-этнического, и персонально-личностного измерений человеческого бытия. Философская рефлексия в этом случае важна как способность рационально оценивать действительность, а не просто воспринимать ее за данность (так поступает и животное), искать в ней смысл. Аналогично и нацию можем считать культурно вменяемой тогда, когда ее культура, будучи одновременно целостной и динамичной, озарена светом рефлексии над переменной действительностью. Природа, культура делаются для нее действующими лишь постольку, поскольку зарабатываются в историческом процессе. Сущностный знак вещи — символ, отягощенный длинным шлейфом историко-культурного наследия, его смена — это вхождение в сеть других смысловых связей, следовательно, изменение существа.

Наличие «догматизированных ответов» в «единоправильной философии» постсоветского пространства отучило от самого процесса мышления и поиска смысла. Длительная утрата связи (как широкой, социальной, так и узкой «внутрикультурной») с аутентичным культурным наследием (особенно национальным) является следствием советского догматизма философской рефлексии, когда постановка любых открытых вопросов, не пропущенная сквозь материалы очередного партсъезда рефлексия — не допускалась в принципе. Однако для Украины, по сравнению с другими посткоммунистическими культурами (кроме разве Беларуси), эта школа оказалась наиболее пагубной. Глобальная культурная драма XX в. показала, что только развитое самосознание, духовно напряженная рефлексия над своим местом в этом мире способна привить человеку иммунитет против духовного тоталитаризма. Экзистенциальная интенция человека XX в. привела к «интеллектуализации» культуры, о которой начали говорить представители русской (А. Гулыга) и украинской эстетичес-

кой мысли (С. Павлычко), отмечая потребность «философизации». В эпоху, когда остальные современные нации стремительно наращивали свой интеллектуальный потенциал, умножая национальные философские школы, в новейшей украинской культуре добротной академической философской школы так и не сложилось. «Периферийность» философствования в украинской культуре исходит из не совсем осознанных комплексов порабощенной нации. Новые «перспективы мысли», которые открылись украинскому гражданству, остаются для этого гражданства «трансцендентными». Таланты рождаются во все эпохи, духовное же пространство для их само-реализации детерминируется социально-исторически, главным образом потому, что это культура именно осознания. Мысль о мире, выраженная в слове,— философская рефлексия. Без философской рефлексии созворчества-диалога человек обречен оставаться в культуре вещью-в-себе. Философская рефлексия — это познавательный путь души, акт ее восхождения к «экзистенциальной истине».

Сейчас украинская культура находится в беспрецедентно открытом социальном пространстве, и в этом ее всемирно-исторический шанс. На современном этапе развития мировой цивилизации как соборного единства национальных культур гармонизация социально-личностного развития состоит в приобщении к культурному наследию человечества. Растет также значение духовной компоненты развития Украины как осуществление определенного социально-культурного проекта. Современная украинская философия делает вывод, что культурное наследие составляет непременное условие развития человека, его сущностных сил. Это связь между различными этапами развития, сущность которого заключается в сохранении тех или иных элементов бытия или сторон его организации при изменении целого как системы. Таким образом, достигается единство человека с историей мира как собственной историчностью.

Роль культурного наследия в личностном развитии предполагает осознанную бытийственность в виде критического анализа и творческого использования оставленных от прошлых поколений культурных ценностей. Культурное наследие демонстрирует исторические экзистенциалы предшествующей событийности человека и культуры, соответственно подчеркивает историчность бытия человека в культуре. То, что воспринимается в этом процессе от прошлых эпох и является культурным наследием — совокупность связей, отношений и результатов творческой деятельности людей, которые подлежат критической оценке, просмотру, развитию и использованию в связи с конкретно-историческими задачами современности.

Культура выступает не только как сфера проявления, но и как форма развития и степень раскрытия сущностных сил человека. Развитие личности происходит как бесконечное «тантрическое плетение» определений, значений и знаков, «путеводной ни-

тью» которого является философская рефлексия. Происходит понимание того, как с унаследованных старых культурных ценностей («мировой библиотеки» Х. Борхеса или «воображаемого музея мировой культуры» А. Мальро), их калейдоскопичности («игра в бисер» Г. Гессе), «трансформации» (А. Тайнби), бесконечности новообозначения (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Джеймисон, У. Эко) выходит новое развитие.

В Украине пульс изменений ощущается сегодня как никогда ранее. Социальные, политические, экономические процессы создают новые смысловые цепи, структура звеньев которых в каждом случае вроде бы понятна, но общий смысл — скрытый. Полифония изменений множится и заставляет еще раз задуматься над их глубинной логикой. Самое главное — она готовит для человека, для нас, как повлияет на нашу судьбу и судьбы других людей? Наблюдая за модификациями современной культуры, складывается впечатление об исчерпанности ее глубинных источников, ее плоды все чаще рассматриваются как особый интеллектуальный ресурс, сырье для информационных и коммерческих проектов. Основное внимание при этом уделяется не экзистенции бытия человека, а аранжировке материала. Страгетическая цель видится не в познании смысла жизни, а в его системной организации. Соответственно усилия индивида направлены не на выявление полноты личности, а на расширение пространства собственной актуализации, на «эгоистическое увеличение духовного пространства» (А. Неклесса). Как следствие — отечественное культурное наследие (и человечества в целом) переходит в компоненты эклектичного трансформера, в стране (как и в мире) распространяется феномен фрагментарного, «клипового» сознания. Происходит декомпозиция культуры с последующей эксплуатацией ее достижений, их произвольной реконструкцией в соответствии с той или иной конъюнктурной задачей.

Происходящие изменения можно объяснить прагматизацией всех сфер бытия современного человека. На первый взгляд, все так и есть, но это поверхностное прочтение ситуации. Помимо очевидного упрощения и даже примитивизации некоторых сторон жизни, мы имеем дело с интенсивным процессом социального творчества, со сменой социокультурных ожиданий, с проявлениями энергичного и специфического мироощущения, с оригинальными переосмыслениями системы взаимоотношений в рамках триад: человек — мир — культура; человек — мир — Бог и т. д.

Бытие современного человека протекает в трех измерениях: в микромире, в макромире (на Земле) и мегамире (выход в Космос). Используя специальные приспособления, люди начали видеть, слышать, чувствовать во много раз больше, чем позволяют органы тела. Это кардинально изменило положение человека в мире вообще. Данные процессы нашли завершение в формировании виртуальной реальности, то есть

бытии отношений, а не тел, предметов и вещей. Появляется все больше людей (особенно для учащейся молодежи), для которых информационно-компьютерная среда более значима, чем предметно-ситуативная. Тело такого человека (индивидуа) находится в одном мире, а дух, психика — в другом. Бытие разорвано. Остается все меньше мест, меньше времени, где и когда люди существуют как целостные телесно-духовные существа. Мир, который расширился за пределы жизни человека, является «домом» его бытия, без которого невозможно сохранение антропологической (человеческой) идентичности.

Мир человека в современных определениях — сложный, многомерный, противоречивый и чужой для того человека, который живет вчерашними, консервативно-просветительскими понятиями. Человек современного мира является непонятным и чужим для политиков, культурологов, социологов, примеряющихся на него одежду одномерных определений вчерашнего дня. В этом одна из причин осложнения проблемы бытия современного человека, в том числе в новой украинской реальности. Нужно искать новые ответы и по форме и по содержанию, поскольку ежедневно возникают новые вопросы. Это не означает тотального отрицания предыдущего культурного наследия, но возникла необходимость провести ревизию предыдущего и оставить в нем то, что поможет поиску в нем положительного для самоопределения человека в новых, качественно трансформированных условиях.

Вопреки длительной интернационализации, у каждого мыслящего не возникает сомнения в том, что духовный опыт тогда является личностным, когда он становится моим. Это возможно, когда он будет введен в контекст моей культуры — национальной. «Нация» является обозначением всего того конкретного, что противостоит глобальному, а вместе с ним — деструктивному. Национальное наделяет творческими возможностями человека, позволяет в сравнительно короткий исторический период преодолеть скучные времена, полностью преображает стиль жизни как индивида, так и человечества в целом. Главное в том, что осознание национальной само-

бытности способствует формированию духовного человека. Но необходимо осознание, которое предполагает понимание глубинного содержания национального. Только на таком уровне возникает человек свободный от «дурной бесконечности» (Г. Гегель) бессмысленных действий, «ранжированной» жизни и норм поведения, расписанных до мелочей, всеохватывающего бюрократизма. С утверждением национального самосознания наряду с развитием гражданского общества появляется новое прочтение смысла бытия, резко расширяются горизонты существования, люди начинают испытывать высокий смысл в дальнейшем развитии общества и потребность в собственном саморазвитии.

В бесконечной Вселенной, при постулировании множества возможных миров, выбор «истинного» определяется ценностью. Для человека «лучшим из миров» является тот, где он хочет и может жить, поддерживая свою идентичность. Это мировоззренческая позиция человокоцентризма, которая является гуманизмом настоящего. Идеология выживания должна исходить не из универсального эволюционизма и прогрессизма, сводящих сущность человека к некой абстрактной точке, а из установки на коэволюцию (общность) всех ее форм. Человек при этом берется в его целостности как уникальность, «микрокосм» всей реальности. Целью общественной деятельности должно стать бытие, а не становление (ожидание). Смысл жизни должен быть не в его конце, а в процессе, во всестороннем гармоничном развитии. Развитие и воплощение в практику жизни философии человокоцентризма является одним из главных условий формирования и становления новой украинской демократии. Украина — один из миров в Мире, один, но оригинальный и лучший для нас проект человеческой культуры. Свою особенность, уникальность и конкурентоспособность мы можем доказать в открытом диалоге. Но вести его способен духовно и нравственно развитый, богатый знаниями и культурой мышления Человек. Акцент на человеке «как Сущем» (Е. Левинас) приведет к отказу от ксенофобии, укрепит уважение к себе и к другим. Без этого извечная национальная мечта — развитие и создание новой Украины — станет очередной утопией, а не весомой реальной европейской цивилизации.

Список использованных источников

1. Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.Р. Анкерсмит. — М. : Изд-во «Европа», 2007. — 612 с.
2. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
3. Бистрицкий, Є. Відродження культури: міф і реальність / Є. Бистрицький // Політична думка. — 1993. — № 1. — С. 30–32.
4. Борхес, Х.Л. Девять ессе о Данте / Х.Л. Борхес // Вопросы философии. — 1994. — № 1.
5. Вельцер, Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы / Х. Вельцер // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3 (40–41). — С. 28–35.
6. Гессе, Г. Игра в биссер. Избранное / Г. Гессен. — М. : Радуга, 1991. — С. 75–433.
7. Гулыга, А.В. Принципы эстетики / А.В. Гулыга. — М., 1987. — С. 179–203.
8. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез; пер. с фр. Н.Б. Маньковской, Э.П. Юровской. — СПб. : Петрополис, 1998.
9. Джеймісон, Ф. Постмодернізм, або Логіка пінього капіталізму / Ф. Джеймісон; пер. з англ. П. Дениска. — К. : Вид-во «Курс», 2008. — 504 с.
10. Деррида, Ж. Чего завтра... Диалог = De quoi demain... Dialogue / Ж. Деррида, Э. Рудинеско; пер. В.Б. Феркеля. — Челябинск : Цицеро, 2010. — 240 с.

11. Забужко, О. Хроніки від Фортінбраса. Вибрана есеїстка / О. Забужко. — 3-е вид., доповн. — К. : Факт, 2006. — 352 с. — (Сер. «Висока поліція»).
12. Каган, М. Бытие и время в культурологическом контексте (не по М. Хайдеггеру) / М. Каган // Miscellanea humanitaria philosophiae. Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. Сер. «Мыслители». — СПб. : С.-Петербург. филос. о-во, 2001. — Вып. 5. — С. 75–82.
13. Костецький, І.В. Тобі належить цілий світ / І.В. Костецький // Костецький, І.В. Вибрані твори. — К. : Критика, 2005. — 175с.
14. Корнеев, М. Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур / М. Корнеев; отв. ред. М.Я. Корнеев, Е.А. Торчинов. — 2-е изд. — СПб. : С.-Петербург. филос. о-во, 2001. — 324 с.
15. Кремень, В. Філософія людиноцентризму як складова національної ідеї / В. Кремень // Дзеркало тижня. — 2005. — № 31.
16. Лебедев, В.П. Научные принципы и современные мифы / В.П. Лебедев. — М. : Знание, 1981. — 63 с.
17. Лісовий, В.С. У багатоголосі політичних дискусій: статті та інтерв'ю / В.С. Лісовий. — К. : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. — 239 с.
18. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Ч. 3: Память культуры. История и семиотика / Ю.М. Лотман // Семиосфера / Ю.М. Лотман. — СПб. : Искусство-СПб., 2000.
19. Мальро, А. Королівська дорога / А. Мальро. — Харків : Фоліо, 2005. — 254 с.
20. Неклесса, А.И. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / рук. проекта и отв. ред. А.И. Неклесса; Моск. школа геоэкон. и соц. исследований. — СПб. : Алетейя, 2000. — Вып. 1. — 320 с.
21. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора. — М. : Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3. — С. 202–208.
22. Павличко, С. Методологична ситуація в сучасному українському літературознавстві / С. Павличко // Слово і час. — 1993. — № 3. — С. 50.
23. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. — М. : Прогресс, 1985. — 312 с.
24. Скотний, В.Г. Філософія: історичний і систематичний курс / В.Г. Скотний. — К. : Знання України, 2005. — 576 с.
25. Сучасна культура та її філософські аспекти [Електрон. рес.]. — Режим доступу: <http://osvita.ua/vnz/reports/culture/12059>
26. Тойнби, А.Дж. Пережитое. Мои встречи /А.Дж. Тойнби; пер. с англ. — М. : Айрис-пресс, 2003. — 672 с.
27. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский // Опыты: литературно-философский ежегодник. — М., 1990. — С. 409.
28. Халецький, О.В. Роль соціально-культурної спадкоємності у розвитку особи: історико-філософський аспект : дис. канд. філос. наук: 09.00.05 / О.В. Халецький; Львів. нац. ун-т ім. Івана Франка. — Л., 2006. — 16 с.
29. Хаттон, П.Х. История как искусство памяти / П.Х. Хаттон. — М. : Изд-во Владимир Даль, 2004. — 424 с.
30. Эко, У. Открытое произведение / У. Эко; пер. с итал. А. Шурбелева. — М. : Академ. проект, 2004. — 384 с.

22.03.2012

УДК 378

В. С. Евтухов, С. А. Коваленко, А. А. Минченко

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

Освещаются наиболее проблемные вопросы инновационного образования. Отмечена глубокая корреляционная зависимость между уровнем терпимости и экономической свободы в обществе, с одной стороны, и степенью креативности учащихся вузов — с другой. Предложены конкретные меры в качестве основы становления новой системы стимулирования молодых людей к творческому образу жизни.

Problem questions of innovative education are studied. Deep correlation dependence between level of tolerance and economic freedom in society, on the one hand, and degree of creativity of pupils of higher education institutions — with another is noted. The measures, urged to become a basis for formation of new system of stimulation of young people to a creative way of life are offered.

Понятие «инновация» имеет множество значений. Приведем наиболее устоявшиеся: 1. экономические, технические или социальные преобразования, связанные с новыми идеями или подходами; 2. процесс улучшения путем внесения каких-либо новшеств или введения чего-либо нового; 3. целенаправленное изменение экономического или социального потенциала организации; 4. творческая идея, которая была успешно осуществлена; 5. изменения, которые создают новые аспекты деятельности; 6. что-то повторно внедренное, в более широком кон-

тексте, не являющееся новым; 7. новая идея, метод или устройство [1].

Таким образом, категория «инновации» гораздо объемнее категории «научное познание». Науку, занимающуюся изучением природы, закономерностей возникновения и развития педагогических инноваций, принято называть *педагогической инноватикой* [2].

Основная проблема инновационного образования. Идея инновационного образования впервые прозвучала в докладе римскому клубу «Нет преде-

лов обучению» [3]. Этот доклад явился реакцией на состояние кризиса, в котором оказалась система образования, не определяющая в качестве главной цели подготовку человека к участию в инновационных преобразованиях. Следствием явились реформы образования, проведенные в передовых странах мира: США, Великобритании, ФРГ, Японии.

Данная проблема особенно острый характер приобрела для постсоветского вузовского образования. Суть ее в различии инновационного образования как субъектного и объектного. Субъектный аспект инновационного образования предусматривает комплекс задач профессорско-преподавательским составом вуза:

- проведение регулярного методического мониторинга для совершенствования качественного инновационного образовательного процесса, контроллинга, анализа и прогноза;
- разработка, аprobация и совершенствование педагогических инноваций, технологий, методов обучения и воспитания, а также внедрения их в деятельность ППС кафедр, деканатов;
- анализ, обобщение и распространение отечественного и зарубежного опыта инновационного обучения; проведение практических занятий со студентами в организациях (предприятиях) города и области, в государственных учреждениях и властных структурах; создание учебно-методической базы для реализации основных характеристик инновационного образования вуза;
- систематическая подготовка и переподготовка ППС по инновационным программам обучения и воспитания.

Объектный аспект заключается в наличии свободы у студента для внутренней самоорганизации как необходимое условие инновационного образования. Предполагается использование образовательных технологий, содействующих развитию способности квалифицированно выбирать тот учебный курс, который наиболее отвечает развитию компетенций студента. Имеем в виду:

- развитие умения проводить комплексный анализ динамичных социально-экономических процессов, в том числе решение профессиональных проблем через генерацию инноваций;
- выработка навыков организации и ведения проектных форм деятельности с учетом нестандартного подхода;
- выработка компетенций:
 - к поиску и анализу разноплановой информации для генерации инноваций с целью решения проблем производства и бизнеса;
 - умению взять на себя ответственность для решения проблем взаимодействия с практикой;
 - успешному освоению современных информационных и телекоммуникационных технологий и внедрению их в профессиональную деятельность;
 - использованию интерактивной коммуникационной среды для инновационной деятельности;
 - исследовательской работе и применению полученных результатов в практической деятельности.

Дilemma субъектного и объектного подходов в организации инновационного образования заключается в противоречивости их реализации. Для применения своего креативного потенциала учащиеся должны находиться в обстановке свободы и ответственности. В то же время императивность инновационного образования многими его сторонниками представляется как необходимость ужесточить контроль над студентами, подчинить дисциплине и внешнюю сторону жизни учащихся и их эмоциональную сферу.

Известно, что мир научных открытий и инноваций хоть и предполагает некоторую свободу мысли, он основывается на аскетизме духа и тела. Однако этот выбор молодой человек должен сделать самостоятельно, осмыслить ограничения во имя идеи, выбрав научное поприще. Поэтому самым адекватным методом воспитания у молодых людей способности оставаться в стихии строгой науки является живой пример других ученых — воспитание глубокого уважения к пантеону выдающихся личностей, осуществивших великие научные открытия. До сих пор актуальны идеи Вильгельма фон Гумбольдта, в 1808 г. убедившего прусского короля основать в Берлине университет нового типа, основополагающими принципами которого стали свобода и единство исследования и преподавания. Гумбольдт полагал, что всякое знание не может и не должно оставаться неизменным при передаче знания в ходе педагогического процесса [4]. Оно с неизбежностью должно совершенствоваться, проходя через восприятие молодых умов.

Образование как личное, так и социокультурное имеет два вида самореализации — «поддерживающее обучение» и «инновационное обучение». Поддерживающее обучение — процесс и результат учебной деятельности, которая направлена на поддержание, воспроизведение существующей культурной, социальной и экономической системы. Такое обучение обеспечивает преемственность социокультурного опыта, оно традиционно присуще вузовскому обучению.

Новаторский стиль мышления и либеральная система ценностей. В государственной программе инновационного образования признается, что система образования ориентирована: методологически — на поддержание определенного уровня профессиональных знаний и навыков специалиста, а не на прогнозирование и проектирование развития этих знаний и навыков («образование на всю жизнь вместо образования через всю жизнь»); организационно — обеспечение трансляционного способа передачи знаний (студент не учится, его учат); структурно — культивирование предметно-дисциплинарной модели подготовки специалиста (без должных междисциплинарных связей и синтеза знаний); содержательно — расширение связи образования с реальным сектором экономики применительно к инновационному развитию в условиях рыночных отношений [5].

В то же время инновационное обучение стимулирует внесение инновационных изменений в культуру и социальную среду. Общество должно быть готово к восприятию нового, не теряя иммунитета стабильности. Один вуз не может взять на себя ответственность за воспитание молодых пассионариев, достойно занимающихся наукой.

В литературе, кинофильмах и исторических анекдотах устойчиво сохраняется образ ученого, как человека нестандартного, особенно среди молодых ученых и новаторов. Важно преодолеть эту односторонность, субъективность во взглядах на человека, стремящегося посредством способности, внутренней силы, наблюдения, предназначения и пристрастия в их единстве к творческо-преобразовательной деятельности человека, который, возможно, проявит свою значимость как ученый и будет признан тем же социумом.

Всемирный опыт научной деятельности, биографии великих ученых свидетельствуют, что открытия появляются в довольно молодом возрасте и часто они оказываются неведомы миру потому, что стадия оформления наступает несколько позже, в зрелом возрасте. Однако на самой важной, начальной стадии не только личность новатора, но и сама его идея сыра и нескладна, и если от ее автора требовать немедленной формализации, она может умереть, и открытие, или инновация вообще, не состоится. Можно сделать дедуктивный вывод, что акцент на сугубо строгую форму способен затормозить процесс созревания новаторской идеи. А. Эйнштейн писал: «В сущности, почти чудо, что современные методы обучения еще не совсем удушили святую любознательность, ибо это нежное растеньице требует, наряду с поощрением, прежде всего свободы — без нее оно неизбежно погибает» [6]. С момента написания этих строк уровень формальной дисциплины в сфере научного творчества значительно повысился.

Исторический опыт подсказывает, что новаторский стиль мышления развивается успешно в те эпохи и в тех странах, в которых доминировала либеральная обстановка. Например, философия не могла появиться в странах восточной деспотии с их принужденностью человеческого духа, но именно в Древней Греции с ее свободолюбивой стихией. Особо отметим факт, что когда древнегреческие полисы были ограничены в своих правах, греческая философия стала вырождаться. Наука процветала в европейских университетах, где доминировали либеральные традиции, и в настоящее время приносит плоды в тех странах, в которых достаточно широк спектр гражданских свобод.

Либеральная система ценностей в дидактической системе реализуется в индивидуализации учебного процесса, предполагающей: самостоятельный выбор студентом траектории своего развития; возможность регулировать интенсивность занятий; умение самостоятельно вести работу с учебным материалом [7].

Для реализации инновационного стиля мышления студент должен ощутить себя самодостаточной личностью. Ограничения, сопряженные с инновационной деятельностью, должны получать санкцию только в его воле. Мы не пропагандируем вседозволенность, речь идет о синергетическом балансе. Те свободы, которые должен обрести творчески мыслящий студент, должны находиться в корреляции с взятой на себя ответственностью. Сама либеральная обстановка не в состоянии создать инновационное мышление. Все искусство инновационного образования состоит в том, чтобы каждая новая ступень свободы молодого человека, ориентированного на творческое созидание, соответствовала дополнительно взятым им на себя обязательствам.

Решение проблемы представляется нам на пути создания не балльно-рейтинговой, а кредитно-рейтинговой системы. По мере того как студент справляется с традиционными обязанностями, он должен получать очередную порцию свободы, формализованной в правовом поле данного вуза. Чем больше студент обнаруживает креативность, а вместе с темнюю степень дисциплины духа, тем больший он должен получать кредит доверия со стороны образовательной системы вуза. Те студенты, которые не заслуживают доверия со стороны ППС учебного учреждения, должны пользоваться меньшими свободами, те, которые доказали, что им можно доверять, заслуживают, чтобы с ними всемерно считались в организации учебного процесса.

Такой дидактический принцип можно назвать принципом асинхронности организации учебного процесса. Синхронность в подаче учебного материала приводит к тому, что значительная часть творческого потенциала успевающих студентов бездействует. Это то дополнительное время, которое требуется для усвоения материала отстающими студентами. Для успевающих студентов оно практически тратится.

Инновационное образование требует радикального изменения роли ППС в вузе. Преподаватель призван быть организатором самостоятельной исследовательской работы студента. Принцип трансляции в методике преподавания предполагает неизменность накопленного знания. Студент изучает и воспроизводит материал, но в результате знания остаются теми же. Такой результат затрагивает проблему смысла, ибо в человеке наличествует экзистенциальная потребность быть неповторимым и трудиться над такими проектами, каждый из которых представляет собой уникальную ценность. Мотив самоутверждения особенно свойствен молодым людям. Однако часто данный мотив не распознается в своей сущности, позиционируя себя как эгоцентризм. Невозможность утвердить себя на творческом поприще приводит к масштабному болезненному вытеснению, которое заканчивается засильем эгоистических чувствований в молодой душе.

Инструменты положительного стимулирования в контексте инновационного образова-

ния. Педагогическое обеспечение инновационного образования можно разделить на материальное и нематериальное. Материальное педагогическое обеспечение инновационного образования должно включать:

- кадровое обеспечение — подбор, инструктаж, проведение семинаров с ППС;
- нормативное обеспечение — разработка в структурных подразделениях планирующих и отчетных документов;
- финансовое обеспечение — поиск денежных средств для научных исследований, бережное и эффективное их использование в вузе;

Материальное обеспечение играет подчиненную роль в организации инновационного образования. В советской высшей школе практически отсутствовали персональные компьютеры, интернет, но уровень мотивации к исследовательской работе у студентов был выше, чем у нынешних, что главным образом определило высокий уровень развития советской науки. Поэтому на первое место в стратегии инновационного образования мы выдвигаем задачу формирования стимулов к осуществлению инноваций.

Стимулы бывают внутренними и внешними. Внутреннее побуждение новаторской деятельности — удовольствие и удовлетворение, получаемое от процесса работы, желание находить и решать проблемы [8]. Внешние побуждения — прямое материальное вознаграждение, возможность сделать в будущем успешную карьеру.

Прямое материальное вознаграждение целесообразно производить в форме исследовательских грантов либо посредством формирования призового фонда. Особенно перспективным считаем формирование практики денежных премий и призов за успешное участие в научной конференции. В настоящее время студенты, участвующие в научной конференции, не только не получают материального вознаграждения, но часто тратят свои денежные средства.

Может возникнуть вопрос: «На каком основании студенты должны получать деньги за успешное участие в научной конференции, если подавляющее большинство их исследований не имеют практического значения?» Он коренится в определенном понимании экономической эффективности: представляется, что только потоковые показатели являются собой подлинный экономический результат. Мы придерживаемся иного мнения. Человеческий капитал представляет собой самую весомую составляющую национального богатства, и именно капитал обретает значительное приращение в результате эффективной организации инновационного образования.

В настоящее время отсутствует позитивная методика, позволяющая должным образом оценить уровень развития человеческого капитала, по причине наличия в этой сфере большого количества внешних и мультиплекативных эффектов, с большим трудом верифицируемых в научном поле. Однако неспособность достоверно измерить приращение человеческого капитала в результате обустройства эффек-

тивной системы инновационного образования не означает, что его нет или оно незначительно. Существует распространенная практика венчурного финансирования, которое часто осуществляется по весьма специфическим критериям. Необходимо создать венчурный фонд, способный серьезно заняться финансированием студенческой научной деятельности не под ее практические результаты — они могут быть долгое время ничтожными, а ради формирования энтузиазма молодых исследователей, для становления здоровой конкуренции на форумах студенческих докладов или для того убеждения молодых людей, что государству небезразлична проблема качества человеческого капитала вузов.

По мере развития практики финансирования деятельности студенческих научных конференций будут возникать условия для выявления корреляции между величиной финансирования со стороны венчурного фонда и интенсивностью научной деятельности студентов. Эта корреляция не может проявиться быстро, на наш взгляд, надо не менее десяти лет, однако нет иного пути для создания позитивного обоснования долговременных вложений в научную деятельность.

Другим внешним стимулом научной деятельности является система рациональных ожиданий студентов, занимающихся инновационной деятельностью, по поводу их будущей карьеры. Речь идет о дисконтировании будущих выгод самих студентов в экономическом пространстве настоящего: предлагается, чтобы студент принимал в расчет те дивиденды, которые он получит после окончания вуза в результате занятий инновационной деятельностью, сегодня.

Эффективность дисконтирования зависит от степени неопределенности будущего. Если будущее в экономическом плане невнятно, дисконтная ставка процента будет слишком высока, чтобы результат такого дисконтирования представлял интерес для инвестора. Именно будущее, находящееся далеко за экономическим горизонтом, представляет для студента перспективу инвестиций в человеческий капитал. Чтобы уменьшить неопределенность, плотно застилающую экономическую перспективу перед молодым человеком, целесообразно создать систему гарантий, которые предоставят вуз студенту, зарекомендовавшему себя как личность, склонную к инновациям. Предлагаем предоставлять гарантии тем работодателям, перед которыми стоит выбор, брать или не брать конкретных выпускников в штат работников организаций.

Способность к инновациям не проявляется немедленно, ее трудно выявить и посредством тестов. Поэтому работодатели заинтересованы в более надежных критериях, позволяющих идентифицировать выпускников вузов, обладающих этим редким даром. У преподавателей есть такая возможность, ибо они наблюдают своих студентов в течение нескольких лет. Формируя рынок ответственных гарантий, вузы будут способствовать молодым людям выполнять свое предназначение в новаторстве.

Вуз должен обладать эффективной оценочной системой, позволяющей учитывать следующие составляющие инновационного мышления:

- знания, умения и навыки прогнозирования и моделирования, формирование и развитие опыта предвосхищения эффективности принимаемых решений и использование их результатов для генерирования инноваций;
- уровень духовно-нравственного развития, предполагающего мотивацию и развитие гуманистических ориентаций аксиологических и онтологических потребностей;
- уровень эвристических способностей, степень мотивации познания и восприятия новшеств;
- любовь к труду, что представляет собой умение постоянно и добросовестно трудиться и на этой основе развивать социально значимые способности;
- уровень самостоятельности, самоорганизации, саморазвития, самосовершенствования, самодостаточности для постоянного развития личностного творческого потенциала;
- референтация, как стремление к идеалу в совершенствовании личностных и профессиональных компетенций;
- конгруэнтность, как умение продвигать инновации в объективную реальность, преодолевать механизм торможения;
- состояние эмпатии, как осмыщенное взаимодействие в инновационном обучении с педагогом в решении совместных учебно-воспитательных процессов;
- уровень развития рефлексии, как способности самопознания;
- корпоративность, или овладение традициями вуза, их развитие и совершенствование, способность принять корпоративные ценности будущей организации, в которой будет работать выпускник вуза.

Нацеленность на развитие новаторских способностей у студента предполагает определенную ориентацию в системе «знания — студент — преподаватель». В условиях, когда количество знаний быстро множится, а конкретные знания быстро устаревают, необходимо искать качественно новые формы педагогического профессионализма. Самой оптимальной среди них считаем личностно ориентированный подход к основным проблемам инновационного образования. Необходимо выйти из пространства знаний в пространство деятельности и жизненных смыслов [9]. Это требует такой организации учебного процесса, при которой главным ценностным основанием образования выступает личность во всем многообразии ее индивидуальных творческих проявлений, что и называется личностно ориентированным характером образования. Поскольку личностно центрированное образование исходит из посыла о многомерности значений каждой из категорий, целесообразно понимать знания не как пространство категорий, а как пространство смыслов, каждый из которых может иметь и теоретическое и прикладное значение.

Ученые ближнего зарубежья О. С. Анисимов, Ю. К. Бабанский, В. Я. Лядус и дальнего И. Масуда,

А. Эллис, Д. Фоутс определяют основные направления стратегии инновационного образования и воспитания студентов как смыслообразующую систему, формирующую инновационное мышление, следовательно, образование. Эта стратегия, по нашему мнению, должна интегрировать систему технологий, педагогические, научные, производственные инновации с целью формирования студенческого потенциала инновационного мышления, социальных и профессиональных компетенций, пригодных для творческой деятельности в социально ориентированном государстве. Она должна включать: миссию вуза; стратегические цели и задачи инновационного образования; разработку принципов и внедрение функциональных структурных элементов инновационного образования; разработку направлений инновационного образования и педагогического обеспечения, формирующего инновационное мышление. Рассмотрим их подробнее.

Миссия вуза — развернутый утвердительный тезис, раскрывающий смысл существования вуза, и проявление отличий от других учебных заведений. В широком смысле миссия вуза описывает стратегию организации инновационного образования и воспитания, которые формируют у студентов профессиональные и социальные компетенции, инновационное мышление, правильное развитие духовности и нравственности, умение работать в команде, профессиональную и социальную мобильность, способность брать на себя ответственность.

Вузом должны разрабатываться инновационные программы обучения, продуцирующие инновационные изменения в методологии образования, в том числе новое смысловое содержание обучения, новые образовательные технологии, новые формы и гибкие структуры образовательного процесса, инновационные учебно-методические комплексы, а также выработку новых знаний в процессе усвоения учебных программ.

Стратегические цели и задачи инновационного образования — реализация стратегии инновационного образования, вытекающая из миссии вуза. Стратегические цели инновационного образования должны охватывать следующие функциональные зоны:

- повышение качества обучения и воспитания студентов путем совершенствования учебной, научной, методической и управлеченческой системы образовательного процесса, трансформации педагогических инноваций, формирование профессиональной и социальной компетенции;
- создание самоорганизующейся среды, способной к генерации педагогических инноваций, формированию и развитию инновационного мышления студентов и преподавателей;
- развитие и совершенствование инновационного образовательного процесса, патриотических, нравственных, духовных качеств, организационной (национальной и корпоративной) культуры, творчества, инициативы, способности к инновационной трудовой деятельности, лидерских качеств.

Принципы инновационного образования формируются из общей системы педагогических принципов и традиционного образования и определяют направление развития инновационной педагогической системы.

В заключение отметим, что корпоративность, или корпоративная культура вуза,— это основная, неотъемлемая составляющая стратегии инновационного образования. Являясь важнейшей частью вуза, корпоративная культура оказывает решающее влияние на внутреннюю жизнь студента.

Список использованных источников

1. Пушкирева, Е.А. Инновационное развитие научно-образовательной среды / Е.А. Пушкирева // Философия образования. — 2009. — № 2. — С. 16–20.
2. Сальников, В.А. Инновационное обучение: личностно-ориентированный подход / В.А. Сальников // Высшее образование в России. — 2010. — № 11. — С. 22–27.
3. Botkin, J.W. No limits to learning: A Report to the Club of Rome / J.W. Botkin, M. Elmandjra, M. Malitza // Copyright Club Of Rome [Electronic resource]. — 1998. — 180 р. — Mode of access: <http://www.elmandjra.org/limits.pdf>
4. Шнедельбах, Г. Университет Гумбольдта / Г. Шнедельбах // Логос. — 2002. — № 5–6. — С. 35.
5. Государственная программа инновационного образования на 2008–2010 годы и на перспективу до 2015 года // Нормативная государственная документация [Электронный ресурс]. — 2007. — Режим доступа: <http://srrb.niks.by/info/gosprog.htm>
6. Кузнецов, Б.Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие / Б.Г. Кузнецов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Наука, 1980. — 474 с.
7. Кореневский, А.В. Модернизация образования: индивидуализация и междисциплинарность / А.В. Кореневский, И.М. Узнародов // Высшее образование в России. — 2010. — № 11. — С. 113–118.
8. Федотова, В.С. Направления организации научной деятельности студентов / В.С. Федотова // Высшее образование в России. — 2011. — № 3. — С. 128–132.
9. Агранович, Б.Л. Инновационное инженерное образование / Б.Л. Агранович, А.И. Чучалин, М.А. Соловьев // Инженерное образование. — 2003. — № 1. — С. 11–14.

17.02.2012

УДК 947/987

В. А. Пілецкі

КІРАВАННЕ ВЫХАВАЎЧА-АДУКАЦЫЙНЫМ ПРАЦЭСАМ У ГІСТОРЫІ: НАЙБОЛЬШ РАННЯ СТРУКТУРЫ ЭПОХІ ПЕРШАБЫТНАСЦІ

Выяўляюча гістарычна рання структуры кіравання выхаваўча-адукацыйным працэсам. Паказаны месца і роля мужчынскіх тайных саюзаў у грамадстве эпохі станаўлення патрыярхату і разлажэння першабытнага ладу. Сканцэнтравана ўвага на функцыях па арганізацыі ініцыяцыйнай абраднасці як форме тагачаснага выхаваўча-адукацыйнага працэсу, шляхам якога адбывалася трансляцыя грамадскага вопыту новым пакаленням грамадзян. Паказаны палітычныя аспекты дзеянасці саюзаў па барацьбе за ўсталяванне патрыярхальных адносін.

Historically early structures of management are revealed by educational process. The place and the role of the man's secret unions in the society of the era of formation of patriarchy and decomposition of a primitive system are shown. The attention is concentrated to functions on the organization of initiative rites as a form of educational process of that time by which there was a translation of public experience to new generations of citizens. Political aspects of activity of the unions in fight for establishment of the patriarchal relations are shown.

Выхаваўча-адукацыйны працэс (як дзеянасць па падрыхтоўцы дзяцей) у якасці асобнай сферы жыцця грамадства існуе ад найстарэйшых часоў да сучаснасці і адыгрывае важную ролю ў станаўленні чалавечтва на працягу яго гісторыі. Без выхаваўча-адукацыйнага працэсу, шляхам якога адбывалася передача назапашанага грамадствам вопыту ад быльых пакаленняў будучым, быў бы немагчымы гісторичны прагрэс чалавечтва.

У сусветнай гісторыі, уключаючы тэрыторию Беларусі, выхаваўча-адукацыйны працэс існуе з часоў

узнікнення грамадства. Працэс выдзялення чалавека з жывёльнага асяроддзя, станаўленне яго важнейшых вызначальных рыс і якасцей (вытворчага мыслення, памяці, гукавой мовы, наяўнасці рук, якія ўмеюць ствараць прылады працы і інш.) было памеркаванні даследчыкаў адначасовым станаўленнем чалавечай формы перадачы вопыту (або: «сацыялизация выхавання» [1, с. 7]), інакш — «ачалавечвання» выхаваўча-адукацыйнага працэсу.

На думку маскоўскага даследчыка, доктара педагогічных навук Г. Б. Карнетава, працэс сацыяліза-

цыі выхавання ахопліваў перыяд антрапасацыягенезу ў гісторыі чалавечтва. Станаўленне выхавання адбывалася паралельна са станаўленнем чалавека і чалавечага грамадства. Нагадаем, што ў гістарычнай навуцы храналагічныя рамкі завяршэння працэсу антрапасацыягенезу вызначаюць у межах 35–40 тыс. гадоў да нашай эры [2, с. 20]. На тэрыторыі Беларусі ў гэты час з'явіўся краманьёнец — чалавек сучаснага псіхофізічнага тыпу.

Выхаванне і адукцыя падрастаючых пакаленняў як грамадскі працэс ад узнікнення (ад часу яго ўсведамлення тагачасным чалавецтвам і ад пераканання ў яго неабходнасці і грамадской значнасці для ўсёй сацыяльнай супольнасці) павінен быў мець структуры кіравання, якія б апекаваліся ім (ажыццяўлялі яго, удасканальвалі, выпрацувалі формы ажыццяўлення ў тагачасным соцыуме і г. д.).

Падобнымі структурамі на думку большасці даследчыкаў былі «мужчынскія тайныя саюзы». Яны дзейнічалі на стадыі пераходу ад першшытынных сацыяльных адносін, пабудаваных на аснове роднай сувязі паміж людзьмі (т. зв. родавага ладу), да грамадства, заснаванага па тэрытарыяльна-суседскім прынцыпе [3], або на стадыі пераходу ад першшытыннасці да класавага грамадства. У краінах Еўропы першай класавай фармацыяй было рабаўладальніцтва, а на тэрыторыі Беларусі, як і астатніх краін усходненеўрапейскага рэгіёна,— феадалізм.

Эпоха разлажэння радавога ладу выступае даволі своеасаблівым перыядам у гісторыі, за які грамадства змагло вырашыць некалькі сацыяльна значных задач. Важнейшай сярод іх быў пераход ад першшытынных радавых адносін да новых рэалій сацыяльна-гістарычнай перспектывы, пабудаваных на класавай аснове. Адным з цэнтральных грамадскіх інстытутаў перыяду пераходу да антаганістычнага соцыуму былі «мужчынскія» ці «тайныя» саюзы.

Шматлікія доказы дзейнасці тайных саюзаў пра沙发上цца даследчыкамі па гістарычных крыніцах у розных рэгіёнах свету [4 с. 312], уключаючы тэрыторыю Беларусі [5, т. 8, с. 168]. Аднак інфармацыя аб іх супяречлівая. Гісторыкі бачаць у іх дзеяннях розную матывацый, вызначаюць іх культава-рэлігійныя, абрадавыя, містычна-шаманская, сацыяльна-арганізуючыя, кіраўнічыя і мноства іншых функцый.

Фарміраванне тайных саюзаў адбылося ў эпоху пераходу ад матрыярхату да патрыярхальнага грамадства [6]. Ствараліся яны як групоўкі, вызначаныя па сацыяльна-палавым прынцыпе на падставе агульнасці інтэрэсаў мужчынскай часткі насельніцтва ва ўмовах панавання мацярынскай сістэмы радавога ладу [7]. Асноўная задача — барацьба супраць матрыярхальных сацыяльных адносін і ўсталяванне пануючай ролі мужчын у грамадстве [8, с. 322], але вядомы і больш рэдкі ю гісторыі жаночыя саюзы [9].

Прычынамі зараджэння і станаўлення тайных саюзаў як сацыяльных структур, што адыгралі прыметную ролю ў развіцці грамадства на завяршальнай стадыі радавога ладу, выступаюць аб'ектыўныя і суб'ектыя фактары.

Аб'ектыўныя фактары заключаліся ў тым, што мацярынскі лад як адна са спецыфічных форм самаарганізацыі грамадства ў гісторыі (да часу узікнення тайных саюзаў) паспей выявіць прадпрыслікі свайго крэзісу [10]. Гістарычная эвалюцыя грамадскіх прадукцыйных сіл на пэўнай стадыі развіцця прывяла да таго, што грамадства дасягнула ўзроўню, пры якім праца мужчынскай часткі радавой супольнасці пачала прыносіць больш важкі ўклад у здабыткова-вытворчы працэс, чым праца жанчын.

Самая важная для тагачаснага грамадства задача — здабыча харчавання для ўсяго радавога калектыву, уключаючы састарэлых і дзяцей, якія не ўдзельнічалі ў гэтай значнай функцыі грамадскага існавання,— паступова пачала залежаць ад працы мужчын, ад іх заняткаў, перш за ёсё вытворчымі відамі дзейнасці, якія пачалі распаўсюджвацца ў межах Беларусі ў 4 тыс. да н. э.: жывёлагадоўляй і земляробствам [11, с. 55].

Абвастрэнне супяречнасцей паміж прадукцыйнымі сіламі і вытворчымі адносінамі на гэтым этапе выявілася ў тым, што галоўным сацыяльным слоем у здабыткова-вытворчай сферы былі мужчыны, а звычэвія традыцыі, што рэгулявалі жыццё тагачасных людскіх супольнасцей, яшчэ стаялі на абароне кіруючай ролі жанчын у жыцці грамадства перыяду радавога ладу.

Патрэбна была змена формы грамадскіх узаемаадносін. Асноўная мэта — наданне пануючага статусу мужчынскай частцы насельніцтва. Але, як вядома, кансерватызм сферы грамадскіх узаемаадносін, які ў гісторыі пастаянна адстаюць ад развіцця прадукцыйных сіл, чакаў найвышэйшай кропкі абвастрэння супяречнасцей — канфлікту, за якім пачынаецца рэвалюцыйная або эвалюцыйная ломка састарэлых стэрэатыпай [12, с. 3–49].

Суб'ектыўныя фактары заключаліся ў жаданні мужчынскай часткі насельніцтва, якія адчуле сваю значнасць у тагачаснай вытворча-здабытковай сферы, адстаяць свае права ў сацыяльных адносінах. Ва ўмовах першшытынага ладу і адсутнасці ўстойлівых агульнаграмадскіх форм камунікацыі праблема вышэйабазнанага канфлікту пачала вырашанца на мясцовым узроўні шляхам стварэння тайных аўяднанняў мужчын.

Яны самі прыдумвалі формы барацьбы за свае сацыяльныя права, а таксама формы ўздрэзяня на жаночае і мужчынскае неасвеченасць асяроддзе. Як правіла, яны грунтаваліся на запалохванні з дапамогай містыкі. Прымняючы шантаж насельніцтва радавых абышын і іншыя формы асацыяльных паводзін. Апошняя паступова складваліся ў абрааднасць, уздымалі сацыяльны аўтарытэт мужчын у грамадстве, а значыць, змянялі патрыярхатам састарэлую структуру матрыярхальных адносін.

Узікненне тайных саюзаў звычайна адбывалася на базе мужчынскіх дамоў ці мужчынскіх саюзаў папярэдняга тыпу, а іх пачатковым прызначэннем была барацьба за пануючое становішча мужчын у першшытынным грамадстве. Яны мелі сваё кіраўніцтво

ва, дзейнічалі на аснове шырока разглінаванай сістэмы абраднасці, карысталіся спецыяльнымі тайнімі мовамі, распрацоўвалі своеасаблівы цырыманіялі свайго функцыянавання. Іх дзейнасць разгортвала-ся ў жорсткай сакрэтнасці і недаступнасці для жанчын, а таксама для няўедзеных у іх склад мужчын-супляменнікаў [13, с. 27].

Любая жанчына або падлетак, якія нават ненау-мысна аказваліся сведкамі тайной абраднасці, рытуалу ці іншага табу, што дзейнічалі ў мужчынскім са-юзе, абавязкова згодна з традыцыяй пазбаўляліся жыцця. Страшэнны жах у жыхароў наваколля, як свед-чаць этнографічныя крыніцы з жыцця рэліктавых на-родаў, выклікалі нават гукі асобных музычных інстру-менттаў, што выкарыстоўваліся падчас абраднасці ў мужчынскіх тайніх супольнасцях [14].

Пашыранаасць тайніх саюзаў на стадыі разла-жэння першабытнага грамадства была паўсюднай. У многіх рэліктавых народаў Паўночнай Амерыкі, Ак-яніі, тропічнай Афрыкі і інш. гэтыя арганізацыі заха-валіся да XIX ст. і нават мелі паўбандыцкую тэрарыс-тычна-палітычную афарбоўку [15, с. 29].

Рэгіён рассялення ўсходнеславянскіх народаў (беларускага, рускага і украінскага), як паказваюць этнографічныя матэрыялы і фальклорныя крыніцы, таксама не застаўся ў баку ад дзейнасці тайніх (муж-чынскіх) саюзаў [16]. Асабліва яскрава наяўнасць гэ-тага сацыяльнага інстытута, прызначанага для ба-рацьбы з устоямі матрыярхальных адносін, заўважа-еца пры даследаванні казачнага эпасу, распаўсюд-жанага на тэрыторыі Беларусі, Украіны і Расіі [5, т. 8, с. 168].

Сюжэты і тэксты казак даволі падрабязна харак-тарызуюць розныя аспекты дзейнасці, грамадскія функцыі, месцы размяшчэння, сакрэтнасць, тэрары-стичныя метады барацьбы і іншыя нюансы, звяза-ныя з назаннымі баявымі мужчынскімі арганізацы-ямі [17, с. 16–163]. Наяўнасць падобных сацыяльных перажыткаў у розных галінах жыцця грамадства ва-уходнеславянскім рэгіёне, што сведчаць пра існа-ванне тайніх саюзаў у гістарычным мінулым бела-рускага, рускага і украінскага народаў, неаднаразова падкрэслівалася віднымі даследчыкамі эпохі перша-бытнасці ў айчыннай гісторыяграфіі [18, с. 214–215].

Сацыяльна-гістарычная роля тайніх саюзаў даволі значная. На розных этапах развіцця грамадства яны выконвалі важныя разнапланавыя задачы. Па-чатковы этап дзейнасці гэтых своеасаблівых гра-мадскіх арганізацый, як адзначалася, быў звязаны з барацьбой супраць матрыярхальных радавых устояў. Пазней, калі грамадства ўступіла на шлях разлажэн-ня радавога ладу, тайнія саюзы былі дзейнымі інстру-ментам у руках вяроху радавога грамадства паднача-лення сваёй уладзе супляменнікаў. Радавыя члены абшчыны пры непасрэдным дачыненні тайніх саю-заў траплялі пад уладу багатых вяроху грамадства. Войны эпохі ваенны дэмакратыі былі таксама спра-вай рук тайніх мужчынскіх саюзаў.

У паўсядзённым жыцці яны часцей за ўсё выкон-валі функцыі сацыяльна-распарацых органаў улады.

Арганізоўвалі кірауніцтва разрозненым постперша-бытным абшчынным асяроддзем, упłyvalі на транс-фармацыю радавой абшчыны і яе ператварэнне ў су-седскую. Да іх ішлі як да апошняй інстанцыі пры выра-шэнні судовых спраў. Яны сачылі за выкананнем тага-часнай грамадскай маралі, дапрацоўвалі рытуалы і кіравалі абраднасцю, былі гарантамі захавання ста-радаўнія традыцыйнага звычаёвага права.

Падчас разлажэння радавых адносін і пераходу да класавай пабудовы грамадства арганізацыі тай-на-мужчынскага тыпу фактычна адыгралі ролю сілы, якая стварыла (або ўяўляла сабой) зародак будучай дзяржаўнай улады [19, с. 84]. Гэта была найраней-шая апора выдзялення пануючага класавага элемен-та з роўнамаёваснага першабытнага сацыяльнага асяроддзя. У некаторых рэгіёнах, як падкрэслена матэрыяламі даследавання рэліктавых народаў (так-сама такіх старажытных, як спартанцы), тайнія саю-зы захоўваліся нават на пачатковай стадыі існаван-ня дзяржаўнасці, ахоўваючы яе яшчэ пакуль кволыя паразкі [20]. Найбольшае распаўсюджванне прыпа-дае на эпоху ваенны дэмакратыі [21].

Гісторыкі неаднаразова падкрэслівалі, што ак-рамя арганізацыі ініцыяцыйнай абраднасці, навучан-ня і падрыхтоўкі моладзі да дарослага жыцця, а так-сама кірауніцтва палітычнай структурай грамадства падчас разлажэння радавых адносін, мужчынскія саюзы займаліся кірауніцтвам бягучых гаспадарчых спраў тагачаснага насельніцтва і нават арганізацый работ [22].

Лічым справядлівай думку аб tym, што княжац-кая дружына як інстытут апоры феадальнай улады ва-уходненеурапейскім рэгіёне і ў межах Беларусі падчас зараджэння дзяржаўнасці сфарміравалася першапачаткова таксама на аснове ранейшых тайніх саюзаў.

Пасля вызначэння асноўных абрываў сацыяль-на-палітычнага аспекту дзейнасці тайніх саюзаў і іх ролі ў эвалюцыі грамадскіх узаемадносін неабходна асабліва падкрэсліць іх важную і ключавую ролю ў развіцці выхаваўча-адукацыйнага пракэсу эпохі пе-раходу ад першабытнасці да класавага грамадства.

У гісторыі здарылася так, што менавіта тайнім саюзам выпала ажыццявіць пераход ад стыхійна-ініцыяцыйнай да мэтанакіравана-ініцыяцыйнай фор-мы выхаваўчага пракэсу. Ён адбыўся падчас бараць-бы за патрыярхат супраць мацярынскага ладу. Паз-ней, ва ўмовах канчатковага разлажэння радавых адносін і ўзнікнення класавага грамадства, тайнія мужчынскія саюзы ўдзельнічалі ў фарміраванні спе-цыфічных форм выхаваўча-адукацыйнай падрыхтоўкі дзяцей чатырох асноўных сацыяльных груп, што сфер-міраваліся падчас становлення феадалізму ў межах Беларусі: сялян-абшчыннікаў, рамеснікаў, племяннай знаці (з якой афармлялася феадальнае саслоё) і язычніцкіх жрацоў.

Кожная з адзначаных груп насельніцтва мела свае адрозненні ў выхаваўча-адукацыйным пракэсе. Яны былі абумоўлены перш за ўсё прыналежнасцю да асноўнага віду дзейнасці, якім яны займаліся ў паўсядзённым грамадскім жыцці [23, с. 4–26]. Змест

выхавання і адзукацыі дзяцей у кожнай з названых груп насельніцтва скіроўваўся на выхаванне неабходных якасцей, якім павінен быў валодаць ідэалальны прадстаўнік дадзенай сацыяльной групы. Рознымі былі і метады перадачы ведаў, а таксама формы на-вучальна-выхаваўчых устаноў.

На стадыі пераходу да класавага грамадства мужчынскія тайныя саюзы былі рэальнімі органамі ўлады [24]. У іх руках былі не толькі судовыя, але і распарадча-выканаваўчыя функцыі, а таксама ідэалагічная сфера з яе абраднасцю [25]. Выхаваўча-адзукацыйны працэс, які ў той час рэалізаваўся галоўным чынам падчас ініцыяцыйнай абраднасці або пры яе пасрэдніцтве, поўнасцю залежаў ад тайных саюзаў, прычым нават ажыццяўляўся непасрэдна мужчынскім тайнымі саюзамі.

Старожытныя казачныя сюжэты, сабраныя вядомымі фалькларыстамі на тэрыторыі Беларусі, Расіі і Украіны, сведчаць пра тое, што дзеце — пасля таго як трапілі ў загадкавы «лясны дом» (месца збору і ажыццяўлення мэт тайных саюзаў), дзе з імі адбылася неверагодная выпрабаванні, — выходзілі зусім іншымі, узмужнелымі і падрыхтаванымі да дарослага жыцця людзьмі. Перыпетыі, што выпадалі на долю падлеткаў у лясных дамах паводле звестак навукоўцаў якраз з'яўляліся навучаннем, выхаваннем і перадачай назапашанага тагачасным грамадствам жыццёвага вопыту. Гэты працэс «быў школай, вучэннем у самым сапраўдным сэнсе гэтага слова», адзначыў ленінградскі даследчык У. Я. Проп [17, с. 104].

Само першапачатковое фарміраванне тайных мужчынскіх саюзаў, як пацверджана многімі гісторычнымі крыніцамі, было звязана перш за ёсё з абрадамі ініцыяцый. Менавіта праз ініцыяцыі і пад відам неабходнасці фарміравання абраднасці ўзнікалі мужчынскія супольнасці, якія арганізоўвалі спецыяльныя сакрэтныя месцы — «мужчынскія» ці «лясныя» дамы, дзе адбывалася крышталізацыя мэт названых аб'яднанняў, выпрацоўвалася абраднасць, выпрабоўвалася сакрэтнасць, сістэма пакаранняў для неасвеченых і многае іншае, што харектарызавала месца тайных саюзаў у грамадстве.

Абрады ўзроставых ініцыяцый, пад якімі звычайна разумеюць сукупнасць выпрабаванняў і вусных настаўленняў, мэта якіх — радыкальная змена рэлігінага і сацыяльнага статусу пасвячаемага, былі асноўнай формай выхаваўча-адзукацыйнага працэсу на апошній стадыі існавання радавога ладу [26, с. 25–33]. Існавалі яны, як сведчаць даныя фалькларыстыкі, і ў прыдкаў усходнеславянскіх народаў [27, с. 12]. Філасофскі сэнс ініцыяцыйнай абраднасці, сформуляваны тагачаснай сацыяльнай свядомасцю, заключаўся ў тым, што да канца ініцыяцыйных іспытаў новапасвечаны (неафіт) становіўся іншым чалавекам. Лічылася, што падчас ініцыяцый адбывалася як бы яго перараджэнне, ён паміраў і зноў нараджаўся [28, с. 118].

Былі народы, дзе неафіты, нібы сапраўдныя нованароджаныя, не мелі права размаўляць, яны не памяталі сваіх маці і сясцёр, выконвалі іншыя табу і рытуалы. Ініцыяцыі надавалі падлетку якасна новы

грамадскі статус — ён становіўся пайнапраўным дарослым членам абшчыны. Пасля гэтага яму дазвалялася ўступаць у шлюбныя адносіны, удзельнічаць у выкананні разнастайных абрадаў, выконваць іншыя функцыі дарослага чалавека ў радавым грамадстве. І наадварот, той, хто не прайшоў па некаторых прычынах абрад ініцыяцый, нават будучы сталым чалавекам, лічыўся падлеткам і абліччоўваўся ва ўсім, што тычылася дарослых [29, с. 242].

Змест мэтанакіравана-ініцыяцыйных форм выхаваўча-адзукацыйнага працэсу звычайна ахопліваў важнейшыя дасягненні жыцця тагачаснага грамадства. Гэта была перадача назапашанага бытмі пакаленнямі грамадскай супольнасці вопыту сваім нашчадкам. Каб быць дапушчаным у свет дарослых, падлетак павінен быў прысягніць пра зорыя выпрабаванні. Ён атрымліваў рознабаковыя інструкцыі, што тычыліся як вытворчых ведаў, набытых грамадствам, так і рэлігійна-ідэалагічных набыткаў, міфаў і г. д.

Звычайна яго знаёмілі з правіламі паводзін у грамадстве, з рознымі прыёмамі здабыткова-вытворчай дзейнасці, арганізацый грамадства дарослых і іншымі ведамі. Акрамя гэтага, ён павінен быў засвоіць міфы і свяшчэнныя традыцыі племені, імёны мясцовых багоў і гісторыю іх здзяйсненняў і, што асабліва важна, містычныя адносіны паміж яго племенем і звышнатуральнымі сіламі ў тым выглядзе, у якім яны згодна з паданнем былі ўстаноўлены ад пачатку стварэння сусвету [30, с. 13].

Такім чынам, ролю гістарычна першых структур кіравання выхаваўча-адзукацыйным працэсам у сусветнай гісторыі і на тэрыторыі Беларусі выконвалі мужчынскія тайныя саюзы, якія ўтварыліся на стадыі разлажэння радавога грамадства і пераходу ад мацярынскай да патрыярхальнай сацыяльнай радавой сістэмы. Гэта былі выключна важныя арганізацыі, якія ўдзельнічалі ў розных сферах жыцця тагачаснага грамадства.

Месца і роля тайных саюзаў у сацыяльна-палітычным жыцці і развіціі выхаваўча-адзукацыйнага працэсу эпохі патрыярхату і разлажэння першабытнага ладу былі вельмі вялікімі, а іх наяўнасць і значнасць немагчыма аспрэчыць. Менавіта тайныя саюзы былі пайнапраўнымі органамі ўлады падчас разлажэння радавога грамадства і ўзнікнення яго класавай структуры. Яны ажыццяўлялі контроль і кіраванне ўсімі бакамі постпершабытнага грамадства.

Першыя паразткі арганізацыі дзяржкаўнай улады таксама вырасталі ў асяроддзі тайных саюзаў. Менавіта шляхам дыферэнцыяцыі ўдзельнікаў гэтых арганізацый і выдзялення сярод іх членоў найбольш упływowых і маёмын забяспечаных — вяроў патрыярхальнай знаці, з яе асяроддзя выплучаліся феадалізаваныя элементы. Тыя, якія пазней займалі пануючыя становішча ў грамадстве і ажыццяўлялі ўставляванне феадальнай дзяржкаўнасці.

Прадстаўнікі кіраўніцтва тайных саюзаў былі арганізатарамі выхаваўча-адзукацыйнага працэсу ў постпершабытным грамадстве. Яны ажыццяўлялі пра-

цэс пасвячэння падлеткаў у дарослыя члены абшчыны. З асяроддзя гэтых арганізацый выходзілі гістарычна першыя, вызваленая ад іншых грамадскіх за-няткаў, выхавальнікі моладзі. У тайных саюзах фарміраваліся правілы ажыццяўлення ініцыяцыйных іспытаў, распрацоўвалася абрааднасць, адбіраўся комплекс сацыяльна значных ведаў і навыкаў, якімі павінен быў валодаць неафіт і якія фактычна ўяўлялі сабой змест тагачаснага выхаваўча-адукацыйнага працэсу.

Тайныя саюзы адводзілі значнае месца ініцыяцым у сваёй дзейнасці па некалькіх прычынах. Па-першае, ініцыяцыйная абрааднасць — гэта тое асяроддзе, дзе адбывалася першапачатковое зараджэнне тайных мужчынскіх арганізацый як своеасаблівага сацыяльнага інстытута, накіраванага супраць ма-цярынскага радавога ўкладу жыцця грамадства. Па-другое, ініцыяцыі былі адной з карэнных функцый мужчынскіх саюзаў, дзе найлепш прайўлялася магчымасць для тайней дзейнасці.

Самі ініцыяцыі, з іх сакральнай і напаўсакрэтнай абрааднасцю, стваралі спрыяльнную глебу сацыяльнай матываціі для ажыццяўлення забарон і табу. Выпраўцоваліся іншыя абмежаванні для жаночай часткі насельніцтва абшчыны. У ініцыяціях вельмі ўдала спрацоўвала сістэма запалохванняў і пакаран-

няў, якія былі асноўнымі інструментамі ўздзеяння тайных саюзаў на астатніх членаў грамадства.

Па-трэцяе, пры дапамозе ініцыяцый адбывала-ся выпрабаванне і вярбоўка новых членаў мужчынскіх саюзаў. Гэта была важная і адказная задача. Кандыдаты ў члены тайнага таварыства асабліва не паказваліся ў грамадстве, іх можна было заўважыць пад час ініцыяцыйных іспытаў. Тут прайўлялася сіла волі падлетка, яго разумовыя здольнасці, задаткі на лідэрства, трываласць і іншыя якасці, што былі патрэбны членам мужчынскіх тайных саюзаў. Звычаёвае права некаторых рэлігійных народаў нават дазваляла неафітам красці маёмы, рабаваць, чыніць расправы, выконваць іншыя асацыяльныя дзеянні, якія, як вядома, знаходзіліся ў арсенале мерапрыемстваў тайных саюзаў па ўздзеянні на астатнія грамадскае асяроддзе.

Такім чынам, тайныя саюзы фактычна трывалі пад сваім патранатам выхаваўча-адукацыйны працэс эпохі разлажэння радавога грамадства, пабудаваны на ініцыяцыйнай абрааднасці. Яны былі яго арганізацарамі, тэарэтычнымі распрацоўшчыкамі, кіраунікамі і духоўнымі натхнільнікамі. Яны за кошт абраадаў ініцыяцый, значыць, удзелу ў выхаваўча-адукацыйнай практыцы набывалі выключную значнасць у грамадстве на стадіі пераходу яго з першынства ў класавы стан.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Корнетов, Г.Б. Становление воспитания как общественного явления / Г.Б. Корнетов. — М. : НИИ ТИИП, 1992. — 103 с.
2. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. — М. : Наука, 1986. — 573 с.
3. Колесницикі, Н.Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. — М. : Наука, 1968. — С. 618–637.
4. Monteil, Ch. Les Empires du Mai. Etude d'histoire et de sociologie Soudanaises / Ch. Monteil // Bulletin du Comité de Etudes Historiques et Scientifiques de L'Afrique Occidentale Française. T. 12. — 1929. — № 3–4.
5. Лурье, С.Я. Дом в лесу / С.Я. Лурье // Язык и литература. — М. : Изд. АН СССР, 1932. — С. 159–193.
6. Семенов, Ю.И. Происхождение брака и семьи / Ю.И. Семенов. — М. : Мысль, 1974. — 309 с.
7. Первобытное общество. Основные проблемы развития. — М. : Наука, 1975. — 288 с.
8. Токарев, С.А. Ранние формы религии и их развитие / С.А. Токарев. — М. : Наука, 1964. — 399 с.
9. Трайдэ, Б. Дом Общественный / Б. Трайдэ // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1: Социально-экономические отношения и соционормативная культура / под ред. акад. Ю.В. Бромлея (СССР) и проф. Г. Штробаха (ГДР). — М. : Наука, 1986. — С. 49–51.
10. Першиц, А.И. История первобытного общества / А.И. Першиц, А.Л. Монгайт, В.П. Алексеев. — М. : Высш. школа, 1982. — 223 с.
11. Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 1. Старожытная Беларусь: ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / рэдкал. М.П. Касцюк (гал. рэд.) і інш. — Мінск : Экаперспектыва, 2000. — 351 с.
12. Пілецкі, В.А. Канцепцыі эвалюцыі гістарычнага працэсу ў дачыненні да гісторыі Беларусі / В.А. Пілецкі // Гісторыя: проблемы выкладання. — 2002. — № 1. — С. 37–49.
13. Bittremieux, L. La sociétés secrète des Bakhimba au Mayombe / L. Bittremieux. — Bruxelles, 1936.
14. Butt-Thompson, F.W. West African Secret Societies / F.W. Butt-Thompson. — New York, 1969.
15. Joset, P.E. Les sociétés secrètes des Homme-Lionards en Afrique Noire / P.E. Joset. — P., 1955.
16. Бромлей, Ю.В. Современные проблемы этнографии / Ю.В. Бромлей. — М. : Наука, 1981. — 390 с.
17. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. — Л. : ЛГУ, 1986. — 368 с.
18. Першиц, А.И. Тайные союзы / А.И. Першиц // БСЭ : в 30 т. Т. 25. — 3-е изд. — М. : Сов. энцикл., 1976. — С. 214–215.
19. Мужские союзы // БСЭ : в 30 т. — 3-е изд. Т. 17. — М. : Сов. энцикл., 1974. — С. 84.
20. Nilsson, M.P. Die Grundlagen des spartanischen Lebens / M.P. Nilsson // Klio. — 1912. — N 12.
21. Косвен, М.О. К вопросу о военной демократии / М.О. Косвен // Труды института этнографии. Новая серия. Т. 54: Проблемы истории первобытного общества. — М. : АН СССР, 1960. — С. 35–76.
22. Winter, G. L'Organisation sociale du travail agricole des Soninké (Dyahunu, Mali) / G. Winter // Cahiers d'Etudes Africaines. — 1968. — № 32. — Vol. 8.
23. Пілецкі, В.А. Некаторыя аспекты зместу, форм, метадаў і элементаў палітыкі ў выхаваўча-адукацыйным працэсе дахрысціянскай Беларусі (VII—X стст.) / В.А. Пілецкі // Айчынная і сусветная гісторыя: сучасныя погляды і методы даследаванняў : зб. наукаў. пр. : у 2 ч. Ч. 1: Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі. — Мінск : БДПУ, 2000. — С. 4–25.

24. Васильев, Л.С. Протогосударство-чифдом как политическая структура / Л.С. Васильев // Народы Азии и Африки. — 1981. — № 6. — С. 157–175.
25. Неусыхин, А.И. Военные союзы германских племен около начала нашей эры / А.И. Неусыхин // Ученые записки Института истории Российской ассоциации научных исследований общественных наук (РАНИОН). Т. 3. — М. : Изд. Ком. академии, 1929. — 420 с. — С. 390–412.
26. Локвуд, Д. Я —aborиген / Д. Локвуд; пер. с англ. Р. Соловьев; отв. ред. В.Р. Кабо. — М. : Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1971. — 223 с.
27. Соколова, В.Ф. Фольклор как историко-этнографический источник / В.Ф. Соколова // Советская этнография. — 1960. — № 4. — С. 11–16.
28. Vergiat, A.M. Les Rites secret des primitifs de l'Oubangui / A.M. Vergiat. — Р., 1936.
29. Анисимов, А.Ф. Духовная жизнь первобытного общества / А.Ф. Анисимов. — М.; Л. : Наука, 1966. — 243 с.
30. Eliade, M. Initiation, rite, sociétés secrètes: naissances mystiques. Essai sur quelques types d'initiation / M. Eliade. — Р., 1958.

07.02.2012

УДК 796.5

Л. В. Штефан

КАЧЕСТВО ТУРИСТСКИХ УСЛУГ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕСТИНАЦИИ

Представляется теоретическое обоснование значения качества туристских услуг для развития экономики дестинации. Делается вывод о разном значении качества материальной, функционально-сервисной и нравственно-этической составляющих качества услуг для разных сегментов потребителей.

Theoretical justification of value of quality of tourist services for development of economy of a destinatsiya is presented. The conclusion is drawn on different value of quality of material, functional and service and moral and ethical services making quality for different segments of consumers.

При планировании и организации туризма в регионе эффективным признается подход, при котором в качестве основного элемента системы рассматривается туристская дестинация. При этом появляется возможность прогнозировать и контролировать экономические, экологические и социокультурные процессы. Термин «дестинация» вошел в словарь туризма как слово, которое означало «место назначения», он был введен Н. Лейпером в 1979 г. [1]. В конце XX в. термин «дестинация» стал официальным во Всемирной туристской организации, которая дала ему следующее определение: «Дестинация — физическое пространство, в котором посетитель проводит время, по крайней мере, с одной ночевкой. Оно включает туристские продукты, такие как услуги и аттракции и туристские ресурсы в пределах одного дня путешествия. Это пространство имеет физические и административные границы, определяющие способ его управления, образы и перцепции, определяющие его рыночную конкурентоспособность» [2].

Результаты анализа основных определений понятия «туристская дестинация» позволили выделить среди них две большие группы по смысловому значению: территориально-географическую и маркетинговую. Первая группа определений использует преимущественно географический подход, по которому туристская дестинация — территория, имеющая определенные границы и обладающая привлекатель-

ностью для туриста [1; 3–6]. Приводятся условия, которые, по мнению авторов [4], являются необходимыми и достаточными для того, чтобы какая-либо территория считалась дестинацией. Такими условиями (или составными частями дестинации) являются: наличие на этой территории мест размещения, питания, развлечений и высокоразвитой транспортной системы; наличие достопримечательностей, интересующих туристов; наличие информационных и коммуникационных систем. Если рассматривать туристскую дестинацию в представленном ключе, только как территорию, то понятие «туристская дестинация» не отличается от известных в туризме понятий, например понятия «туристский центр» или «туристский район».

Вторая группа определений основана на клиентоориентированном подходе, то есть туристская дестинация определяется привлекательностью, которую она представляет для определенного сегмента потребителей [2; 7–9; 12]. Именно маркетинговый подход, на наш взгляд, показывает специфику термина «дестинация», поскольку позволяет проследить, как действия других элементов системы влияют на изменение дестинации (ее привлекательности).

Первым связал туристские места и их маркетинг Ф. Котлер, определив маркетинг территорий как предпринимательскую деятельность, осуществляющую с

целью создания, поддержания или изменения отношений и/или поведения, касающихся конкретных мест [8]. М. А. Морозов полагает, что отличием от туристских регионов (районов), где определяющим является наличие какого-либо туристского ресурса, для дестинации определяющим выступает возможность удовлетворения туристских потребностей [7]. Эти потребности, как правило, организаторам туризма самим заметить сложно. Таким образом, в соответствии со смыслом, заложенным в понятие «туристская дестинация», эффективность экономической деятельности туристской дестинации непосредственно зависит от предоставления туристам таких услуг и такого качества, которые они ожидают получить. В соответствии с принятым нами подходом к определению понятия «туристская дестинация», центральным элементом ее является туристский продукт, от качества которого напрямую зависит экономическое развитие дестинации.

Туристский продукт выступает частью туристской системы, которая имеет решающее значение для всех участников процесса. По сути, туристский продукт — это любая услуга, удовлетворяющая те или иные потребности туристов и подлежащая оплате с их стороны. К таким услугам относятся гостиничные, транспортные, экскурсионные, переводческие, бытовые, коммунальные, посреднические и другие услуги.

Туристский продукт создается усилиями многих предприятий, каждое из которых имеет собственные методы работы, специфические потребности и различные коммерческие цели. Высокое качество туристского продукта не может быть достигнуто при наличии даже незначительных недостатков, поскольку обслуживание туристов состоит из различных «мелочей», по которым судят о сервисе в целом. Известно, что совместная деятельность независимых друг от друга предприятий по обслуживанию туристов зависит от худших из них, так как уровень качества работы всех производителей конкретного туристского продукта определяется по наименее качественной услуге, в него входящей [7–8]. Дестинация является носителем свойства местного туристского продукта, и ее название составляет важнейшую часть его наименования. Туropраторы продают прежде всего туристскую дестинацию. Поэтому от совокупного образа дестинации, ее имиджа в глазах различной категории потребителей напрямую зависят и перспективы ее экономического развития.

Оценка качества туристского продукта отличается значительной субъективностью: большое влияние на оценку потребителя оказывают лица, не имеющие прямого отношения к пакету приобретенных услуг (например, местные жители, члены туристской группы и т. д.). Рассмотрим еще один элемент туристской дестинации, которому, по нашему мнению, работники индустрии туризма не оказывают должного внимания — «население дестинации». В настоящее время при изучении и планировании туризма недостаточное внимание уделяется населению дестина-

ции, которое, как правило, если и рассматривается, то в качестве одного из внешних факторов. Однако местное население является важным участником процесса, так как создает атмосферу, в которой развивается туризм.

Местное население — это партнер (иногда и провинник) туристских предприятий. Задача туристской индустрии — построить с ним взаимовыгодные отношения. Специфика туризма предполагает, что контакты туристов с местным населением рассматриваются ими как составная (иногда неотделимая) часть их путешествия и непосредственно влияет на оценку качества туристских услуг на территории дестинации. Этика туристского бизнеса должна быть построена на принятии концепции взаимодействия туристов и местных жителей «гость и принимающий гостя хозяин», при этом каждый участник должен видеть свою выгоду.

Местные жители должны знать, что туристы дают им возможность, с одной стороны, получить доход, а с другой — требуют к себе уважительного, ненавязчивого отношения. Им необходимо объяснять, что влияние туризма, благодаря мультиплективному эффекту, распространяется далеко за пределы туристской индустрии. Примеры грамотно построенных взаимовыгодных отношений туроператоров, туристов и населения дестинаций можно почерпнуть из мирового опыта организации экологического туризма [10–11]. Подобные взаимоотношения участников туристского процесса — норма для туризма на особо охраняемых природных территориях Швеции, США, Канады, Австралии, Кении, Танзании, где проживают местные этнические сообщества, а также для аграрно-экологического (сельского) туризма в целом.

Научное изучение управления качеством предполагает различную трактовку понятия «качество услуг». При формировании туристской дестинации предполагается изучение экспертных оценок специалистов туристской индустрии, отчетных документов административно-управленческих структур исследуемого объекта, субъективного элемента качества «оценка качества услуг потребителями». Изучение результатов опросов потребителей туристских услуг из различных регионов Беларуси, приведенных в дипломных работах студентов Института туризма за несколько последних лет, позволило нам сделать вывод о разном значении качества материальной, функционально-сервисной, нравственно-этической составляющих качества услуг для разных сегментов потребителей.

Материальная составляющая качества услуг имеет большое значение для формирования туристского продукта. Разные виды туризма предполагают различную материальную базу. Для одних видов туризма она может использоваться по минимуму (например, в экологическом туризме), для других иметь большое значение (например, в пляжно-купальном или деловом туризме). Отдельные виды туризма терпимы к качеству общей материальной базы, но требуют высокого качества специализированной мате-

риальной базы (например, спортивный или лечебно-оздоровительный туризм).

Таким образом, для разных видов туризма и сегментов потребителей данная составляющая будет иметь разную степень значимости. Основное условие положительной оценки потребителем данной составляющей будет соответствие уровня качества его ожиданиям. Даже если качество материальной базы низкое (за исключением обеспечения безопасности), но турист знает об этом и заранее согласился с этой спецификой данной дестинации (в соответствии со своей мотивацией путешествия), то он оценит материальную составляющую положительно.

Материальная составляющая туристских, гостиничных услуг, транспортной и другой инфраструктуры Беларуси в настоящее время, с одной стороны, устарела, а с другой — находится в стадии масштабной модернизации в связи с подготовкой к Чемпионату мира по хоккею 2014 г. и в соответствии с общим планом развития регионов.

Результаты исследования отзывов туристов по самому значительному сегменту средств размещения Минской областной дестинации — санаторно-курортным объектам (всего 105 специализированных организаций на 2011 г.) выявили проблемы, на которые обращают внимание туристы: устаревшая материальная база санаториев, ветхость мебели, устаревший дизайн, старая плохо работающая и часто ломающаяся техника; не соответствующий требованиям потребителей номерной фонд; неудобное расположение мест пляжно-купального отдыха или их отсутствие (побережий водоемов); свободный доступ на пляжи санаториев и территорию посторонних лиц; отсутствие материальной базы для организации досуга отдыхающих; отсутствие или низкое качество услуг для детей; наличие на территории санаториев разных по качеству корпусов, которые не сегментируются и продаются по одной цене; спортивные площадки не оборудованы или не используются, заброшены; дискомфорт от шума, производимого дискотеками или вечерними развлечениями отдыхающих на территории санатория, от шума производственных (кухонных и других) помещений.

Функционально-сервисная составляющая имеет свою специфику. Разные виды обслуживания, входящие в турпродукт, могут иметь разное значение для потребителей. Низкий уровень функционально-сервисной составляющей качества может иметь масштабные последствия: от опоздания по туристскому маршруту до травм и летальных случаев. В то же время, как правило, небольшие ошибки функционально-сервисного характера легкощаются и забываются, в случае их быстрого исправления и неповторения. Последнее утверждение имеет исключения для некоторых видов туризма (например, при организации делового туризма качество должно быть гарантированным).

Специалисты в сфере туризма сходятся во мнении о пока низкой конкурентоспособности функцио-

нально-сервисной составляющей качества туристских услуг в Беларуси. Конкурентоспособность Минской областной дестинации, как и по Беларуси в целом, значительно снижает отсутствие комплексной информации не только о качестве ресурсов, инфраструктуры, но даже об их количестве, месторасположении. Например, в результате исследования информационных интернет-ресурсов по качеству и потенциалу агротуризма в стране студентам Института туризма удалось получить информацию только по 296 агроусадьбам, а в стране на 5 апреля 2010 г. было зарегистрировано 884 усадьбы. Оказалось, что только 34 % агроусадеб имели на тот момент собственный и не всегда качественный сайт. Большой проблемой является низкое качество услуг, здесь отличается гостиничный сектор, что подтверждается негативными отзывами со стороны потребителей, особенно тех, которые имеют опыт получения туристских услуг за рубежом.

Нравственно-этическая составляющая имеет большое значение для всех видов туризма и сегментов потребителей. Ошибки в организации туристских услуг нравственно-этического характера потребителями не прощаются и являются решающими для прекращения посещения конкретной дестинации. Культуральные несоответствия недопустимы. Данную составляющую качества туристских услуг можно назвать вероятностной и не очевидной, но весьма важной. Следует отметить, что в последнее время уделяется большое внимание нравственно-этической составляющей качества туристских услуг как со стороны конкретных сотрудников, предприятий, так и индустрии туризма в целом. Особого внимания заслуживают взаимосвязанные причины и последствия: отношение к экологии, корпоративная культура и условия работы, действие компаний во время чрезвычайных ситуаций по отношению к туристам, учет национальных и этнических особенностей и предпочтений международных туристов, индивидуальная работа с потребителем, социальные взаимодействия с местным населением дестинации и др.

К качеству туристских услуг необходимо подходить комплексно, все три составляющие имеют значение независимо от вида туризма и мотивов туристов. Только при условии положительной оценки трех составляющих качества услуг всех предприятий, участвующих в формировании турпакета, предприятий, представляющих сопутствующие услуги, гостеприимстве местного населения можно говорить о высоком качестве услуг конкретной туристской дестинации, в которую потребитель будет возвращаться, рекомендовать ее для посещения знакомым. Именно с такой дестинацией комфортно работать добросовестным турагентам и туроператорам. Высокое (требуемое конкретным сегментом потребителя) качество услуг дестинации позволяет снизить влияние действий конкурентов, тем самым стабилизируя объем продаж, ведущий к повышению эффективности деятельности предприятий и улучшению экономических показателей туристской дестинации в целом.

Список использованных источников

1. *Leiper, N.* The framework of tourism: Towards a definition of tourism, tourist, and the tourist industry / N. Leiper // Annals of Tourism Research. — 1979. — № 6 (4). — P. 390–407.
2. Зорин, А.И. Дестинация в контексте ЮНЕСКО / А.И. Зорин. — М. : РМАТ, 2011.
3. Павлова, Э.Н. Формирование имиджа туристской дестинации как педагогическая проблема / Э.Н. Павлова // Дополнительное образование и воспитание. Туризм: наука и образование. — 2007. — № 1. — С. 36–40.
4. Туристское ресурсоведение : учебник / А.С. Кусков [и др.] / под ред. А.В. Иванова. — М. : Университетская книга, 2011.
5. Бурылова, Л.Г. Туристский потенциал регионов Российской Федерации: понятие, структура, оценка / Л.Г. Бурылова, Д.П. Голиков, В.Г. Прудский. — Пермь : ПГУ, 2005.
6. Лукьяннова, Л.Г. Рекреационные комплексы / Л.Г. Лукьяннова, В.И. Цыбух. — Киев : Вища школа, 2004.
7. Морозов, М.А. Туристские дестинации и закономерности их развития : монография / М.А. Морозов. — М. : МИГМТ, 2005.
8. Котлер, Ф. Маркетинг. Гостеприимство. Туризм : учебник / Ф. Котлер, Дж. Боуэн, Дж. Мейкенз; пер. с англ. — 4-е изд. — М. : Юнити-Дана, 2007.
9. Львова, Т.В. Влияние качества туристских услуг на экономику дестинации (на примере города-курорта Сочи) : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Т.В. Львова; Соч. гос. ун-т. — Сочи, 2011.
10. Штефан, Л.В. Экологический туризм : пособие / Л.В. Штефан, Д.А. Бессараб. — Белорус. гос. ун-т физ. культуры. — Минск : БГУФК, 2010.
11. Развитие устойчивого сельского туризма / пер.с англ. Ю. Полякова, сост. Л. Калитеня. — Минск : Юнипак, 2007.
12. Джанджугазова, Е.А. Маркетинг туристских территорий / Е.А. Джанджугазова. — М. : Академия, 2006.

27.01.2012

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

В соответствии с ч. 2 ст. 20 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений»* одной из форм правового просвещения граждан является «проведение круглых столов» по вопросам профилактики правонарушений.

В рамках открытой недели кафедры публичного права учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» (далее — МИТСО), проходившей 16–22 апреля 2012 г., продолжая традицию, начатую в 2005 г., был проведен круглый стол с участием студентов I и III курсов юридического факультета, обучающихся в МИТСО по специальности «Правоведение», на тему: «Правовая культура: взгляд студента» (далее — круглый стол).

Важно отметить, что студенты — участники круглого стола — небезразличны к своей учебной деятельности и достигли определенных результатов в области права. Например, предложенное студентам в ходе проведения круглого стола задание выбрать название своей команде на латинском языке не вызвало затруднений. Итог — «*Ad hoc*», «*Compos sui*», «*Pallio iustitia*» и «*Tertium non Datur*».

Структурно круглый стол состоял из нескольких конкурсов, задания к которым были максимально адаптированы под существующие юридические реалии. Студентам было предложено с помощью конкуренчных действий разыграть сценки на соответствующую тему, а также продемонстрировать теоретические знания в различных сферах права и владение основами современного белорусского законодательства, в том числе касающегося правового статуса глобальной компьютерной сети интернет, флешмобов, социальных сетей.

Участие в круглом столе — показатель уровня развития правового сознания студента и степень заинтересованности в различных формах учебного процесса. Можно свидетельствовать, что в круглом столе участвовала наиболее социально активная часть студентов юридического факультета МИТСО. Вместе с тем правовая культура личности отдельных студентов нуждается в совершенствовании — они не всегда умеют слушать и слышать своих оппонентов, не владеют навыками ведения спора, не могут вести диалог в режиме «онлайн»; вызывает определенные сложности работа с теоретическим материалом.

Так, одним из предлагаемых заданий было написание отзыва на статью профессора кафедры Э. А. Калининой «Правовая культура: понятие, значение в деятельности профсоюзов» (далее — статья), опубликованную в научно-практическом журнале «Труд. Профсоюзы. Общество» (2011, № 4). Несмотря на то что задание было «домашним», студенты испытывали трудности при оценке текста статьи. Попытки осмыслиения содержания материала, воз-

можно, во многом обусловлены постановочным характером статьи и отсутствием в ней практических рекомендаций и способов решения проблем, связанных с низкой правовой культурой отдельных слоев белорусского общества. Однако значимость темы, поднятой в статье, особенности ее подачи автором обусловили широкий объем идей, содержащих рекомендации и предложения по совершенствованию проблем культуры субъектов права.

Можно утверждать, что состоявшийся круглый стол явился для студентов уроком понимания прочитанного. В ходе данного мероприятия они приобретали навыки умения вести диалог, критического анализа вопросов, связанных с формированием правовой культуры общества и реализации ее принципов. Студенты имели широкую возможность постижения специфики юридической лексики, что облегчит им аудиторную и самостоятельную работу с понятийно-инструментальным аппаратом в приобретении правовых знаний. Важно отметить, что каждый из участников стремился преодолеть односторонность чисто субъективного взгляда на понимание данного вопроса, предлагал свое направление продвижения правовой культуры в социальные слои. Такой ценностный подход к осмыслиению категории «правовая культура» как одной из центральных в правовой науке позволил участникам круглого стола выдвинуть ряд плодотворных юридических идей, открывая перспективы для ее дальнейшего развития.

Цель настоящей рубрики — раскрыть взгляды молодых участников круглого стола на понятие «правовая культура» и показать важность его реализации в белорусском социуме в контексте анализа вышеназванной статьи.

А. Ю. Сладкова,
преподаватель кафедры публичного права
Международного университета «МИТСО»

РЕЙДЕРСТВО: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ

А. Ю. Сладкова

Имеющийся опыт практической юридической работы позволяет нам сделать вывод, что в Республике Беларусь существует неоднозначный подход к пониманию различных правовых явлений в обществе, в том числе существующих сравнительно недавно. Ярким примером тому выступает **рейдерство** — достаточно новое понятие для правовой системы Республики Беларусь, представляющее собой комплексную проблему, которая изучается юристами, политологами, экономистами и социологами. До сих пор как в доктрине, так и в законодательстве отсутствует единый подход к сути данного института, равно как нет единообразной оценки того, является ли рейдерская деятельность законной.

* Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2008. — № 277. — 2/1549.

С юридической точки зрения оценка деятельности рейдеров зависит от используемых ими методов и их допустимости в рамках действующего законодательства. Рейдерская деятельность может осуществляться и в рамках закона. Можно говорить о наличии макроэкономических выгод от деятельности рейдеров, заключающихся в осуществлении перераспределения активов в пользу более эффективных собственников. Более того, в законодательстве зарубежных стран феномен рейдерства рассматривается многими юристами в позитивном аспекте, так как в процессе рейдерских захватов происходит своеобразный естественный отбор в сфере субъектов экономических правоотношений.

В белорусском обществе существует мнение, сформированное в том числе с помощью средств массовой информации, о рейдерстве как явлении, имеющем негативный характер. Вместе с тем большинство рейдеров не применяют противозаконных схем, а профессионально используют пробелы в законодательстве. Только 1–2 % захватов носят уголовно наказуемый характер [1].

Распространение рейдерства в Республике Беларусь во многом связано с особенностями менталитета белорусских субъектов предпринимательской деятельности. Рейдерские захваты процветают в связи с экономией собственников на услугах профессиональных консультантов — специалистов по защите бизнеса. Низкая правовая культура вынуждает учредителей (участников) юридических лиц в случае возникновения проблем обращаться не в судебные, а в правоохранительные органы «по знакомству», тем самым вынуждая рейдеров в ответ криминализировать свои действия [2].

Таким образом, складывается ситуация, при которой участники гражданского оборота в силу своего невысокого уровня правовой культуры и самонадеянности сами провоцируют появление и развитие рейдерства. При этом как в кругу обычных граждан, так и среди юристов-профессионалов, а также на уровне Правительства Республики Беларусь дискутируются вопросы о необходимости введения понятия «рейдерство» в законодательство Республики Беларусь и установления уголовной ответственности за него [3]. Основной аргумент для установления ответственности — уголовное законодательство и возможность привлечения рейдеров к уголовной мере наказания. Это является самым эффективным инструментом борьбы государства с рейдерами и рейдерством.

Государственные органы, стремясь «сгладить» данную ситуацию, разрабатывают соответствующие проекты нормативных правовых актов. По примеру Российской Федерации в Республике Беларусь был подготовлен ряд законопроектов по вопросам рейдерства и нарушения законодательства о ценных бумагах [3].

В законодательстве Республики Беларусь, как и в Российской Федерации, понятие «рейдерство» отсутствует, что обусловлено неоднозначностью его понимания юристами. Сложилась ситуация, при ко-

торой неясно, за что наказывать виновных: за рейдерские захваты, определение которых в национальном законодательстве отсутствует, или за совершаемые преступления, сопровождающие криминальные захваты.

Рейдерство не является самостоятельным уголовно наказуемым деянием, оно включает ряд различных преступлений, совершаемых лицами, часто не связанными между собой и не владеющими информацией о конечной цели в виде захвата юридического лица либо бизнеса. Поэтому введение ответственности за рейдерство может привести к коллизиям в уголовном законе, а также к ослаблению уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений [3].

Таким образом, сконструировать состав преступления, охватывающий все признаки рейдерских захватов и не вызывающий серьезных затруднений в правоприменительной практике, не представляется возможным. Попытка урегулировать соответствующие отношения, связанные с рейдерством, в законодательстве Республике Беларусь является неразрешимой: такие проекты вмешиваются в сферу правового регулирования иных законодательных актов, по сути, не имеют предмета правового регулирования.

Кроме того, установление более жестких требований в законодательстве о ценных бумагах, усиление уголовной ответственности следует расценивать как отход от политики либерализации, проводимой в государстве, и введение ограничений в отношении легальных способов инвестирования в виде приобретения акций гражданского оборота.

Введению ответственности за рейдерство должно предшествовать определение понятия рейдерства. Проблемы с законодательным определением рейдерства связаны с тем, что оно не относится к юридической науке, а представляет собой исключительно экономическое понятие. Действия, которые можно квалифицировать как рейдерство, регулируются гражданским, административным и уголовным правом. В связи с изложенным и с учетом многозначности понятия рейдерства закрепление его определения в законодательстве, а также введение ответственности за него являются неоправданными и, возможно, преждевременной мерой на территории Республики Беларусь.

Форсирование данного вопроса, по сути, провоцирует создание ситуации так называемого избыточного нормотворчества, которое не только осложняет работу правоприменителей, но и затрудняет правильное восприятие положений нормативных правовых актов как целостной системы субъектами предпринимательской деятельности. Следует отметить, что элементом правовой культуры выступает уровень доступности нормативных правовых актов для граждан и юридических лиц. При этом одним из основополагающих принципов нормотворческой деятельности является системность и комплексность правового регулирования общественных отношений, что предполагает взаимное согласование нормативных правовых актов, входящих в соответствующую систему.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в случаях столкновения белорусского общества с неизвестным ранее институтом правовая культура тех, кто творит право, и тех, кто его применяет, часто находится примерно на одном уровне. Но такая ситуация не должна являться нормой.

Разрешение проблем, существующих в нормотворчестве, представляется в первую очередь в организации подготовки специалистов, умеющих работать именно в сфере законодательства о правовом обеспечении нормотворческой деятельности.

Понятие «нормотворчество» сложилось из двух слов: «норма» и «творчество». По сути, норма — это продукт нормотворческой деятельности, та цель, которую преследует нормотворческий процесс. Творчество можно определить как интеллектуальную деятельность, процесс созидания, создания чего-то качественно нового. Таким образом, **нормотворческая деятельность** — это особая, требующая специальных знаний и умений интеллектуальная деятельность, результатом которой является создание норм права. В этой связи можно говорить о том, что нормотворчество представляет собой элемент юридического воздействия на общественные отношения, обеспечение которого должно осуществляться высококлассными специалистами.

Подготовка профессионалов по соответствующему направлению необходима. Представляется, что МИТСО, являясь одним из крупнейших учреждений образования в Республике Беларусь, может стать одной из первых «кузниц» специалистов-«нормотворцев», обеспечивая обучение студентов по соответствующей специальности. Несомненно, нововведение повысит интерес как к данному виду юридической деятельности в целом, так и к МИТСО, как к учреждению образования, которое первым в Республике Беларусь возьмет на себя ответственность растичь юристов, которые впоследствии будут творить право.

Таким образом, одной из причин, способствующей развитию рейдерства, является низкий правовой уровень предпринимательской культуры. Поэтому следует расширять просветительскую функцию в предпринимательской среде, в том числе посредством проведения семинаров по оценке уязвимости бизнеса субъектов предпринимательской деятельности с позиций рейдеров, по оказанию таким субъектам помощи в построении алгоритма первичной правовой защиты.

Одним из возможных вариантов разрешения рейдерских проблем может также стать тщательное изучение вопроса о возможности отделения действительно неправомерных захватов от цивилизованных поглощений и выделения рейдерства в легальный бизнес, обеспечивающий эффективное распределение собственности в конкурентной среде.

Список использованных источников

1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zahvat.ru/show/news/iz-rejderov-delayut-pugalo-dlya-biznes-soobshhestva>. — Дата доступа: 30.05.2012.

2. Половинко, А.С. Рейдеры и рейдерство / А.С. Половинко // Консультант Плюс: Комментарии Законодательства Белорусский выпуск [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». — Минск, 2010.
3. Асанова, В.В. Рейдерство — преступление? Необходимо ли установление ответственности за рейдерские захваты? / В.В. Асанова // Консультант Плюс: Комментарии Законодательства Белорусский выпуск [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». — Минск, 2011.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФСОЮЗОВ

М. А. Голуб, А. В. Шалбанова, Е. А. Шпаковская

Научный руководитель: Е. А. Калабанова, преподаватель кафедры публичного права МИТСО

Значение правовой культуры в деятельности профсоюзов — один из актуальных вопросов, затронутых профессором Э. А. Калининой в статье. Автор, не ограничиваясь представлением данной проблемы, рассматривает такие элементы, как структура, состав, уровень, фундамент, пути совершенствования правовой культуры, что, на наш взгляд, является необходимым для уяснения сущности понятия «правовая культура».

В нашем обществе все более актуальными становятся вопросы усиления роли права в жизни людей, преодоления ситуации правового нигилизма и криминального правосознания, повышения качества правового воздействия на социальные отношения. В Республике Беларусь существует ряд проблем, которые затрудняют развитие и становление институтов гражданского общества, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности. Один из аспектов, который привлек внимание Э. А. Калининой,— роль Федерации профсоюзов Беларуси и ученых-юристов как теоретиков, так и практиков в решении указанных проблем.

Автор обращает внимание на необходимость рассмотрения вопросов правовой культуры не только с точки зрения юриспруденции, но и других наук, в частности социологии права. В этой связи Э. А. Калинина сохраняет зерно идеи значимости правовой культуры в общечеловеческих ценностях. Этому свидетельствуют высказывания и юристов и студентов, которые находят в ее исследованиях много интересного и полезного, предложенные подходы, рассуждения и выводы дают возможность по-новому взглянуть на известные проблемы, позволяют вследствие их оригинальной постановки добиться нового качества решения.

Показанная работа профсоюзных СМИ («Новое Радио», газета «Беларуски час»), научного журнала «Труд. Профсоюзы. Общество», ежегодных конференций, круглых столов в «Международном университе-

те «МИТСО» способствует развитию правовой культуры, в частности правовой культуры работников профсоюзов.

В рамках решения вышеизложенных проблем считаем возможным и необходимым создание центров правовой поддержки в организациях, где действуют профсоюзы. Явные преимущества таких центров: 1. бесплатная правовая помощь, которая будет осуществляться за счет профсоюзной организации, следовательно, для большинства граждан правовая поддержка станет гораздо доступнее (как во временных рамках, так и в материальном аспекте, что весьма важно); 2. консультирование, которое будет функционировать по разным правовым отношениям (не ограничиваясь лишь трудовыми спорами). Результатами повышения уровня правовой культуры личности представляются: преодоление существенных диспропорций в уровне жизни людей разного достатка; сформированность надлежащего уровня нравственной, правовой и политической культуры общества; повышение уровня воспитания правопослушного поведения; преодоление правового нигилизма и деформаций правового сознания граждан.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

И. Н. Короткий

Научный руководитель:
Ю. П. Сергиенко, канд. юрид. наук, доцент

Содержание статьи кандидата юридических наук профессора Э. А. Калининой «Правовая культура: понятие, значение в деятельности профсоюзов» достаточно полно раскрывает выбранную тему и отличается высокой степенью актуальности и новизны. Выполненная работа свидетельствует о знании автором теоретических концепций по рассматриваемой проблематике. Статью отличает четкая структура, завершенность, логичность изложения. Даны определения понятий: «правовая культура», «правовая система», «правопорядок», «право». Выделены элементы правовой культуры. В работе использованы современные литературные источники.

Ознакомление как можно более широкого круга читателей со статьей позволит привлечь внимание научного сообщества к исследованию всех уровней правовой культуры и искоренению правового нигилизма в белорусском обществе, а также необходимости разработки кодекса профессиональной этики юриста. Профессия юриста в чем-то схожа с профессией врача. Врач лечит тело и душу человека, юрист помогает очистить общество от скверны.

Особенность этики юристов является следствием преломления общих принципов и норм морали не только в их профессиональной деятельности, но

и частной жизни. Юрист не имеет права пройти мимо творимой несправедливости, нарушения закона. Основываясь на ст. 6 Кодекса о судоустройстве и статусе судей, можно говорить о том, что белорусские юристы призваны защищать гарантированные Конституцией Республики Беларусь и иными актами законодательства личные права и свободы, социально-экономические и политические права граждан, конституционный строй Республики Беларусь, государственные и общественные интересы, права организаций, индивидуальных предпринимателей, обеспечивать правильное применение законодательства при осуществлении правосудия.

Статья профессора Э. А. Калининой является еще одним свидетельством того, что члены профессиональных союзов Республики Беларусь, входящих в Федерацию профсоюзов Беларуси, занимают активную жизненную позицию. Как справедливо отметила автор, члены ФПБ, имея достаточно высокий уровень правовой компетентности, эффективно реализуют свои возможности по улучшению положения и устранению нарушенных нанимателем прав работников, а также массовому просвещению и правовому воспитанию населения.

Действия юристов не должны унижать человеческое достоинство, а быть справедливыми, способствовать укреплению законности и предупреждению правонарушений. При этом необходимо неукоснительно следовать принципу «закон суров, но он закон». По нашему мнению, в случае его разработки, кодекс профессиональной этики юриста должен систематизировать моральные нормы и принципы, лежащие в основе деятельности юриста.

Тема нашей магистерской диссертации: «Уступка права требования. Особенности регулирования в гражданском праве Республики Беларусь». Уступка права требования (цессия) — это уникальный и универсальный институт гражданского права, значение которого для нормального экономического оборота весьма велико. Чтобы этот экономический оборот был действительно нормальным, институт уступки права требования необходимо правильно понимать и применять. Простота, доступность и универсальность цессии давно оценена странами с развитой рыночной экономикой. Право требования представляет собой имущественную ценность и, как другие виды имущества, может быть передано на основании договора уступки права требования. Непрерывное развитие и совершенствование экономических отношений требует оперативного реагирования на это и правотворческих органов.

Основная задача нашего исследования — изучение исторического и зарубежного опыта правового регулирования уступки права требования, а также обобщения правоприменительной практики для выработки конкретных рекомендаций по совершенствованию и практическому применению законодательства об уступке прав требования.

СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЭТИКИ И ПРОЦЕССА ПРИВАТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. Г. Лубченок

*Научный руководитель:
И. И. Басецкий, доктор юрид. наук, профессор*

Среди видов профессиональной этики особое место занимает юридическая этика. Это связано с тем, что юридической деятельностью занимаются специалисты различных профессий: следователи, прокуроры, судьи, адвокаты, работники органов внутренних дел, органов государственной безопасности, таможенники, работники налоговой полиции и т. д. Для каждой из них существуют свои кодексы профессиональной этики, зафиксированные в различных документах и предписаниях, которые составляют основу профессиональной этики.

Таким образом, **юридическая этика** — это вид профессиональной этики, предметом изучения которой является совокупность правил поведения работников юридической сферы, зафиксированных в законах, кодексах, положениях, присягах, направленных на регулирование их служебного и внеслужебного поведения.

Приватизация представляет собой особую систему экономических отношений, возникающих в связи с изменением формы собственности на средства производства с государственной на частную под непосредственным воздействием и контролем государственных органов. Приватизация занимает особое место в проводимой государством экономической реформе и является одним из ее важнейших элементов. Проведение приватизации обусловлено, в частности, движением государства навстречу социально ориентированной рыночной экономике. Преследуя такие цели, как перераспределение экономических основ власти, сокращение доли государственной собственности, приватизация представляет собой весьма сложный и длительный процесс.

В последнее время законодательство о приватизации государственной собственности подвергается определенным изменениям. Необходимость такого совершенствования вызвана рядом факторов, включая изменение потребностей экономики страны, совершенствование гражданского, инвестиционного и другого законодательства.

Из этого следует, что механизм приватизации включает множество различных процессов, связанных как с совершенствованием имеющихся нормативно-правовых актов и созданием новой законодательной базы, так и с проведением ряда экономических реформ. И все эти процессы реализуются специалистами различных профессий, которые в своей деятельности должны руководствоваться нормами профессиональной этики. В связи с этим прослежи-

вается прямая взаимосвязь понятия юридической этики и осуществления процесса приватизации собственности в Республике Беларусь. Ведь специалисты при совершенствовании законодательства и проведении различных реформ должны в своей деятельности в первую очередь придерживаться и руководствоваться нормами юридической этики, иначе нарушение данных норм может привести к последствиям, негативно влияющим как на сам процесс приватизации, так и экономику страны в целом.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Д. Н. Лычковский

*Научный руководитель:
В. Н. Кивель, канд. юрид. наук,
профессор кафедры публичного права МИТСО*

Правовая культура общества в целом невозможна без целенаправленной политики государства, педагогической общественности и других социальных структур.

Задачи правового воспитания заключаются в том, чтобы довести до сознания учеников требования правовых норм, добиться того, чтобы эти требования приобрели для них личностный смысл, получили внутреннюю санкцию, стали руководством в повседневном поведении. Правовая культура — это добротный результат правового образования. Вместе с политической они составляют суть гражданственности. Под правовой культурой личности мы понимаем систему взглядов, оценок, убеждений и установок относительно важности и необходимости соблюдения предписаний юридических норм, определяющих ее правовое поведение. Осмысленное отношение к действиям, направленным на соблюдение, исполнение, применение норм права и закона, можно определить как правосознание. Правосознание — совокупность представлений и чувств, выражющих отношение людей к действующему или желаемому праву.

Представления о том, «что такое — хорошо и что такое — плохо», помогают получить первые, самые простые школьные знания в области права: какие действия закон запрещает, как карают нарушителей, за что прощают или проявляют снисхождение. Таким образом, основа правовой культуры — юридические знания. Но одних знаний и умений для пользования недостаточно.

Следующая ступень — правовые чувства, прежде всего чувства справедливости и уважения к праву. Серьезный недостаток нынешнего состояния правовой культуры — плохое знание законов. О том, что нельзя грабить и убивать, знают все. Но что касается, например, избиений «за дело» или «под горячую руку», то найдется немало тех, кто готов оспорить тот непреложный факт, что рукоприкладство находится под прямым запретом норм административного и

уголовного права. Учащемуся, склонному к совершению правонарушений, присуща определенная совокупность искаженных знаний, интересов, потребностей, отношений к людям и социальным ценностям. Иногда человек знает законы, но соблюдать их не спешит, потому что не верит в их силу, не признает их роли в обществе (правовой нигилизм) либо готов использовать законы в корыстных целях (правовой цинизм). Во всех позициях надо говорить об уважении к праву.

Правовая безграмотность выражается в незнании или в некачественном знании норм права, но может сочетаться с достаточно высоким уровнем нравственного развития. Однако отметим, что молодежь формируется в рамках определенного общества, традиций определенной правовой системы. Все наши потребности, желания, ценности и интересы в большей степени сформулированы через институты системы, а не через личностную идентификацию. Институты государства формируют наши восприятия законов и права, институты культуры провоцируют наши потребности, интересы и ценности, институты образования социализируют нас для необходимой адаптации в обществе.

Самоидентификация не исходит из внутреннего «я», оно заполнено шаблонами и стереотипами современной системы. В трансформирующемся обществе индивид достаточно сложно воспринимает себя как элемент социальной системы. Для многих молодых людей наступает эпоха фальши, когда вместо истинных ценностей на первый план выходит упаковка, иллюзия. Молодежь все негативнее смотрит на окружающий мир, поскольку он превращается в подобие рекламы.

Рост коммерциализации стал преобладающим в культуре, что накладывает на ценностные установки молодежи негативное отношение к ценностям, в том числе правовым. Это выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам поведения или в их отрицании. Помочь молодежи разобраться в реалиях современной жизни, понять законы и закономерности изменений в политico-правовой сфере можно только в рамках систематической целенаправленной работы по «улучшению» образа права в глазах школьников. В этой работе должны принимать участие не только учителя, но и родители, органы власти, своим положительным примером и действиями, направленными на заметное улучшение правопорядка и законности в обществе.

Не все перечисленное в возможностях школы. Однако положительную роль в поиске школьником своего места в жизни, становлении образа мыслей и эволюции поведения может сыграть учитель, направляя ученика к формированию самостоятельной положительной жизненной позиции. Учащиеся узнают о нормах и правилах поведения от родителей, учителей, а затем из средств массовой информации. Поэтому, фактически, правовое обучение в учебном заведении не позволяет получить необходимые правовые знания, умения и навыки, способствующие

прямо или косвенно разрешению той или иной жизненной ситуации, с которой сталкивается студент, учащийся либо его семья.

Предлагаем два направления деятельности учебного заведения по формированию правовой культуры учащейся молодежи:

- *система способов влияния на дорефлексивный уровень правовой культуры.* Включает дорефлексивный, профессиональный и рефлексивный этапы формирования правовой культуры. Этапы предусматривают применение инновационных социальных технологий, позволяющих в ходе обучения интерпретации и аппликации правовых норм сформировать целостную систему правового сознания личности учащегося. Она включает социально-мировоззренческий, индивидуально-мировоззренческий, аксиологический (ценностный), познавательный, оценочный и волевой компоненты, которые определяют поведенческий аспект правовой культуры молодого человека;

- *организация и анализ дискурсивной практики.* Эффективность деятельности по оптимизации образовательного процесса, ориентированного на развитие активной гражданской позиции и формирование правовой культуры учащейся молодежи, напрямую зависит от качества и результативности просветительской работы в социально-правовой сфере со стороны государственных и общественных структур. Только тот, кто обладает правовой культурой, осознает свою роль полноправного и активного гражданина страны, неравнодушного к ее проблемам и трудностям.

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

К. А. Макатович

*Научный руководитель:
А. Ю. Сладкова, преподаватель кафедры
публичного права МИТСО*

Понятие «правовая культура» может рассматриваться через понимание ее как важной составляющей определения «правовая система». Фундаментом правовой культуры белорусского общества и ее активным элементом является правосознание. В решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 25 января 2011 г. № Р-565/2011 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2010 году»* указано, что основанное на Конституции правосознание, отражающее взгляды и представления относительно конституционных ценностей, способствует обеспечению баланса интересов личности, государства и общества.

* Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2011. — № 16. — 6/1000.

Сегодня все знают, что представляет собой глобальная компьютерная сеть интернет. Право на доступ в глобальную компьютерную сеть интернет признано Организацией Объединенных Наций неотъемлемым правом человека.

Социальные сети заняли большую нишу в социальной жизни общества, особенно молодежи. В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 37 Конституции Республики Беларусь граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей. Непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, другими определенными законом способами.

Предлагаем рассмотреть вопрос о создании социальной сети юридической направленности под эгидой МИТСО по аналогии с социальной сетью Jolitics.com (далее — Jolitics). В настоящий момент Jolitics создана в Великобритании. Jolitics функционирует более года; предполагается, что вскоре она распространит действие на иные государства. Jolitics копирует структуру парламента Великобритании.

Jolitics построена по принципу популярнейшего мирового социального сервиса Twitter.com, представляющего собой сервис микроблогов (микродневников), состоящих из сообщений не более 140 символов. Пользователи Jolitics могут публиковать на сайте предложение (аналог законопроекта) в указанной длине (не более 140 символов), а также его краткое описание. Остальные пользователи могут обсуждать данное предложение в течение четырех недель, после чего оно выставляется на голосование. Если предложение одобряют более 50 % голосующих, оно может быть отослано члену парламента с указанием числа проголосовавших за него пользователей.

На данной стадии в Jolitics действует система закрытой регистрации. Чтобы зарегистрироваться, необходимо получить приглашение от ее действующего участника либо записаться в лист ожидания и получить последующее оповещение, что способствует возможности создания закрытой социальной сети по определенному направлению. По мнению создателя Jolitics «политики не будут слушать десять человек, обсуждающих какой-либо вопрос онлайн, но когда проблема, которая волнует многих, возникнет в социальной сети раньше, чем в СМИ, политики воспримут ее серьезно». В странах бывшего Советского Союза, а также в Беларуси подобные сети отсутствуют.

Реализация данной идеи позволит студентам МИТСО совершенствовать свои знания, приобретать навыки в работе с законодательством, в том числе посредством разработки проектов нормативных правовых актов. Наиболее интересные и значимые проекты можно направлять в нормотворческие органы, в том числе от имени Федерации профсоюзов Беларуси.

Учитывая статус Федерации профсоюзов Беларуси, а также то, что работа над проектами норма-

тивных правовых актов ведется профессионалами, что говорит об уровне подготовки соответствующих проектов, можно утверждать, что предложения студентов МИТСО не останутся без внимания.

Представляется, что социальная сеть студентов-юристов может внести значимый вклад в формирование правосознания, в том числе правовой культуры белорусского общества.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЕ И ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

О. П. Минов

*Научный руководитель:
В. А. Витушкин, доктор юрид. наук, профессор*

Понятие «корпоративная культура» используется менеджерами с середины 1980-х гг. Культура организации состоит из ценностей, явно или неявно выраженных стандартов, которые возникли благодаря сильным личностям или в результате целенаправленной работы по развитию.

Правовая культура является элементом правовой системы и без нее невозможно обеспечить стабильное, эффективное функционирование общества в интересах народа. По мнению профессора Э. А. Калининой, **правовая культура** — это категория, выражающая уровень развитости юридического типа правосознания индивидов, их объединений, общества и государства в целом, проявляющийся в различных, основанных на законности правовых формах деятельности всех субъектов в процессе правового регулирования общественных отношений [1].

Корпоративная культура — один из элементов правовой культуры. Под **корпоративной культурой** понимают совокупность моделей поведения, которые приобретены организацией в процессе адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, показали свою эффективность и разделяются большинством членов организации. Современные руководители и управляющие рассматривают культуру своей организации как мощный стратегический инструмент, позволяющий ориентировать все подразделения и отдельных лиц на общие цели, мобилизовать инициативу сотрудников и облегчать продуктивное общение между ними.

Компоненты корпоративной культуры:

- принятая система лидерства;
- стили разрешения конфликтов;
- действующая система коммуникации;
- положение индивида в организации;
- принятая символика: лозунги, организационные табу, ритуалы.

Вышеуказанные позиции показывают место корпоративной культуры, выражаясь через поведение людей и охватывая всю производственную сферу, в общей системе ценностей правовой культуры. Поэтому так важно повышать уровень правосознания и правовой культуры в белорусском обществе.

Субъекты хозяйствования в своей деятельности должны вести себя правомерно и опираться на право, как на ценностное явление. Важно построить политику на взаимном уважении и сочетании интересов общества и собственных. Компания должна заниматься правовым воспитанием своих работников и прививать им юридическое мировоззрение.

Различают несколько типов корпоративной культуры. Дж. Зонненфельд среди них выделяет следующие: «бейсбольная команда»; «клубная культура»; «академическая культура»; «оборонная культура» [2].

Для Республики Беларусь наиболее перспективным представляется тип «клубная культура». **Клубная культура** характеризуется лояльностью, преданностью и сработанностью сотрудников, командной работой. Стабильные и безопасные условия способствуют поощрению возраста сотрудников, опыта и должностного преимущества. Карьерный рост происходит медленно и постепенно. От работника ожидают, что на каждом новом уровне он должен постигнуть все тонкости данной работы и овладеть мастерством, поэтому работники имеют широкий профессиональный кругозор. Именно этот тип корпоративной культуры позволяет сочетать два противоречащих принципа: дисциплины и предпринимательства.

Список использованных источников

1. Калинина, Э.А. Правовая культура: понятие, значение в деятельности профсоюзов / Э.А. Калинина // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2011. — № 4. — С. 4–7.
2. Зонненфельд, Дж. Возвращение в бизнес / Джейффи Зонненфельд, Эндрю Влад. — М.: СПб. : Вершина, 2008. — 307 с.

О ВОСПИТАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ШКОЛЕ

Д. Л. Пархоменко

Научный руководитель:

А. Ю. Сладкова, преподаватель кафедры публичного права МИТСО

Важнейшей составляющей правовой культуры выступает правовое воспитание, которое должно прививаться человеку с детства. Согласно п. 5 ст. 18 Кодекса Республики Беларусь об образовании [1] одной из основных составляющих этой системы является гражданское и патриотическое воспитание, направленное на формирование у обучающегося активной гражданской позиции, патриотизма, правовой, политической и информационной культуры.

Многие задумываются о правовой культуре, когда попадают в сложные жизненные ситуации правового характера либо когда выбирают профессию, связанную с правом. Являясь, по сути, вчерашним школьником, могу утверждать, что правовое воспитание в большинстве таково, что несовершеннолетние при совершении проступков или преступлений осознают последствия содеянного, когда их привлекают к ответственности. Об этом свидетельствует соответствующая статистика.

Таким образом, правовое воспитание в Республике Беларусь находится не на должном уровне, а значит, цели воспитания в сфере образования не достигают своего назначения. Курс «Человек. Общество. Государство» не дает полной картины правовой культуры и права в целом, поскольку излагает лишь вопросы общего развития в экономической, политической и духовной сферах человека.

Одной из главных реформ в данном случае может стать введение в школьном курсе предмета «Основы права». Данный курс будет полезен в школах, поскольку при его изучении школьник задумается о правомерности своего поведения, о том, стоит ли переходить черту закона, к кому обратиться в той или иной ситуации, где можно получить правовую помощь.

В законодательстве Республики Беларусь имеется опыт внедрения в систему образования различных правовых конструкций с целью воспитания правовой культуры. В соответствии с постановлением Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и Министерства образования «Об отдельных вопросах воспитания правовой культуры личности некоторых категорий несовершеннолетних» от 30 сентября 2010 г. № 312/66/105 [2] адвокаты, нотариусы, специалисты органов, регистрирующих акты гражданского состояния, во взаимодействии с начальниками воспитательных колоний, руководителями специальных учебно-воспитательных учреждений, специальных лечебно-воспитательных учреждений (далее — специальные учреждения) выступают с лекциями перед учащимися по разъяснению законодательства, регулирующего вопросы помилования, амнистии, порядка наследования имущества, права собственности на недвижимое имущество, семьи и брака, законодательства о социальной защите и о труде, другим правовым вопросам.

При проведении таких мероприятий по правовому воспитанию несовершеннолетним по интересующим их вопросам может быть оказана также юридическая помощь за счет средств организаций, в которых работает специалист, участвующий в правовом просвещении, и в пределах его компетенции. Такая юридическая помощь оказывается в форме устной консультации в рамках проведения индивидуальной воспитательной работы в воспитательных колониях, специальных учреждениях. Полагаем, что данный подход можно распространить на обычные школы.

Пунктом 9 плана мероприятий по правовому просвещению граждан на 2011–2015 гг., утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 декабря 2010 г. № 1771 [3] в 2011–2015 гг. предусмотрены разработка, издание и внедрение в учреждениях общего среднего образования факультативных занятий «Основы правовых знаний» в 5–11 классах. Представляется, что соответствующий курс должен носить обязательный характер, поскольку вовлечение несовершеннолетних в правомерное поведение будет способствовать тому, что уровень правосознания и правовой культуры личности и общества в целом будет формироваться постепенно с детского возраста.

Список использованных источников

1. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2011. — № 13. — 2/1795.
2. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2010. — № 252. — 8/22849.
3. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2010. — № 300. — 5/32952.

К ВОПРОСУ О НЕРЕАЛИЗОВАННОЙ ПРОГРАММЕ
С. К. Садовская, Е. А. Минцевич
Научный руководитель:
Е. А. Калабаева,
*преподаватель кафедры публичного права
МИТСО*

Статья Э. А. Калининой посвящена одному из слагаемых элементов правовой системы — правовой культуре. Определены ее уровни, элементы и функциональные связи. В тесной взаимосвязи с вышеопределенными категориями рассматривается правосознание как фундамент правовой культуры. Названа структура правосознания и затрагивается одна из актуальнейших проблем современности — совершенствование правовой культуры и правосознания в белорусском обществе. В этом процессе большое внимание уделяется роли Федерации профсоюзов Беларуси, как особому субъекту, влияющему на правовое воспитание в нашей республике.

Однако информация, содержащаяся в статье о проведении правовой пропаганды через «Новое радио» и ее активном влиянии на правовое воспитание в учреждениях образования, не может получить качественную реализацию на практике. Во многих общеобразовательных учреждениях до сих пор не реализована подпрограмма «Дети и закон. Воспитание личности» в рамках Президентской программы «Дети Беларуси» на 2006–2010 гг. Точнее, она не будет реализована. Дело в том, что Министерством образования, Минским горисполкомом уже представлен отчет о выполнении поставленных задач: повышение эффективности воспитательно-профилактической работы с несовершеннолетними по предупреждению семейного неблагополучия, детской беспризорности и безнадзорности; ресурсное обеспечение системы органов, учреждений, иных организаций, осуществляющих профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, социальную реабилитацию несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; развитие инновационных форм и технологий профилактической работы с семьями и детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации.

Решением данных задач и ограничились реализация данной подпрограммы, несмотря на то что предусматривалось включить в образовательный процесс на уровне общего базового образования

программу факультативного курса «Основы правовых знаний», регулярно проводить мероприятия по правовому просвещению, повышению правовой культуры несовершеннолетних, привлекать их к участию в таких правовых мероприятиях, как правовые олимпиады, круглые столы и др. В учреждениях высшего образования изучаемая дисциплина «Основы права» является формальностью. Парадоксально то, что по некоторым объективным причинам сами студенты экономических, технических, медицинских и других специальностей иногда и профессорско-преподавательский состав не заинтересованы в изучении и понимании законодательства Республики Беларусь.

Проблемы, рассмотренные в статье, несомненно, являются основными кирпичиками, необходимыми для построения правового государства и гражданского общества.

ПРАВОВЫЕ ЗНАНИЯ — ГРАЖДАНАМ БЕЛАРУСИ
Д. С. Скоринко
*Научный руководитель: А. Ю. Сладкова,
преподаватель кафедры публичного права МИТСО*

Ядром правовой системы можно считать право, которое представляет собой систему общеобязательных правил поведения, устанавливаемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством в целях регулирования общественных отношений.

Большое влияние право оказывает на правовую культуру, элементом формирования которой выступает институт правового просвещения граждан. В ст. 20 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 453-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [1] правовое просвещение граждан определяется как систематическая деятельность органов внутренних дел, юстиции, средств массовой информации, других субъектов профилактики правонарушений, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Национального центра правовой информации Республики Беларусь и иных организаций по повышению уровня правового сознания и правовой культуры граждан, осуществляющую в пределах компетенции этих органов (организаций).

В свою очередь пп. 1.2 п. 1 постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 19 ноября 2010 г. № 98 «О некоторых вопросах правового просвещения населения» [2] (далее — постановление) установлено, что правовое просвещение осуществляется на бесплатной основе:

- в виде правового информирования;
- правового консультирования в устной форме;
- оказания отдельных видов юридической помощи.

Согласно пп. 1.3 п. 1 постановления субъектами правового просвещения в числе прочих субъектов могут выступать лица, ведущие прием граждан в юри-

дических клиниках, создаваемых на базе учреждений образования.

Являясь студентом Международного университета «МИТСО», могу утверждать, что наш вуз, будучи укомплектованным высококлассными специалистами в области права, может и должен стать фундаментом для существования юридической клиники. Отметим, что клиническое образование пока является новацией белорусского законодательства, фактически не урегулированной посредством нормативных правовых актов.

Вместе с тем возможность существования юридических клиник в учреждениях образования имеет большое значение как для студентов, так и для общества в целом, поскольку юридическая клиника — это форма организации учебного процесса, при котором студенты:

- участвуют в предоставлении бесплатных юридических услуг социально незащищенным слоям населения;
- приобретают практические навыки, в том числе по составлению процессуальных иных документов.

Первое упоминание термина «юридическая клиника» принадлежит профессору Фроммгольду, который в 1898 г. указывал на большую значимость врачебной практики клиники, существующей при медицинских факультетах и академиях, и предлагал устроить подобные клиники при юридических высших учебных заведениях. Здесь учащиеся не будут разбирать под руководством профессора вымышленные или отжившие юридические казусы, а смогут оказывать непосредственную юридическую помощь нуждающимся в том лицам, занимаясь реальными, не разрешенными еще делами.

Представляется обоснованным закрепление в локальных нормативных правовых актах МИТСО вопроса необходимости деятельности юридической клиники как меры, которая будет способствовать восприятию студентами работы в клинике как первой ступени практической реализации юридического образования.

Обычно одним из правил работы в клинике является запрет давать ответ посетителю при первом приеме, поскольку во время первой встречи клиент раскрывает суть проблемы, отвечает на уточняющие вопросы сотрудника, представляет необходимые документы, а студент принимает дело к исполнению и назначает следующую встречу. Его задача состоит в изучении материалов дела и законодательства, получении при необходимости консультации у преподавателя и подготовке ответа. Студент может ответить клиенту лишь после одобрения ответа преподавателем. В обратном случае клиника перестанет быть способом обучения и превратится в способ предоставления правовой помощи, возможно, и не всегда грамотной, но зато бесплатной.

Клиника может выступить и как элемент рекламы предлагаемых МИТСО образовательных услуг, выступая связующим звеном студентов и преподавателей с населением и формируя позитивное представление о МИТСО фактически ежедневно.

Вышеизложенное позволяет выделить следующие основополагающие направления в деятельности юридической клиники:

- организация доступа к правосудию в обществе;
- правовое и социальное просвещение;
- воспитание нового поколения специалистов, максимально адаптированных по своим профессиональным навыкам к постоянно меняющимся потребностям в обществе.

Необходимым условием правового государства является информированность граждан о тех возможностях, правах и обязанностях, которые существуют для них в законодательстве. Однако зачастую обладание этим знанием гражданам недоступно. Помочь на уровне юридических клиник может стать значительным шагом вперед в этом процессе. Создание юридических клиник является необходимой мерой для повышения уровня правосознания и воспитания правовой культуры населения.

Список использованных источников

1. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2008. — № 277. — 2/1549.
2. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2010. — № 288. — 8/22985.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОСЫЛ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ — В СОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВА

О. А. Сыров

Научный руководитель:
Ю. П. Сергиенко, канд. юрид. наук, доцент

Статья профессора Э. А. Калининой «Правовая культура: понятие, значение в деятельности профсоюзов» объективно и емко аргументировала, что данная тема актуальна, злободневна, и, важно отметить, написана с применением современного понятийного аппарата. Новизны в данном вопросе нет, а есть нерешенные обществом задачи, которые ставит автор. Большой жизненный опыт и хорошее владение данным материалом делает статью не просто научно-популярной, предложенной для расширения кругозора читателя, но скорее это руководство к действию, так как, не решая этих аксиологических и достойных внимания проблем, общество продолжит существование в поле своей культурно-правовой неграмотности.

Логика изложенного материала наталкивает на мысль, что законодатель должен взять ориентиры в первую очередь на повышение своей правовой культуры, правовой этики. Не может человек, не владеющий и не стремящийся повышать собственную правовую культуру, издать закон, отвечающий запросам современности. Статью Э. А. Калининой можно считать концептуальным началом большой и кропотливой работы, которая стоит перед обществом в целом и ФПБ в частности, на ее основе нужно разрабатывать некую идеологию, некий вектор цели, результатом которого непременно должны быть видимые и ощущимые результаты.

Разработка вопросов правовой культуры всего общества предусматривает необходимость не только правильно, но и своевременно формировать правосознание. Народная мудрость гласит: «От худого семени, не жди доброго племени». Не даст семья обществу хорошего гражданина, если в ней некому проводить правильную идеологическую линию, отвечающую интересам всего общества, и некому прививать азы правовой культуры. Поэтому надо заниматься не латанием дыр, а браться за эту работу по всем фронтам, выражаясь военным языком, от детского сада до рабочего места и обратно, так как это и есть жизненный цикл общественной жизни. Если родители 4–5-летних детей пытаются научить иностранным языкам, то неужели свой родной язык они не в состоянии понять, на котором им должно донести азы правовой культуры? И здесь приоритеты приобретают техника и методология, при помощи которых необходимо разрабатывать и внедрять на всех уровнях и правовую этику и правовую культуру, опираясь на идеологию, направленную на обслуживание данной концепции.

Тематика статьи настолько универсальна, что она заинтересовала меня вопросами правовой культуры, затрагивающими тему моей магистерской диссертации «Договор строительного подряда в гражданском праве». Дело в том, что почти все строительные объекты так или иначе предназначены для общества, то есть для посещения его всеми слоями. Но законы устроены таким образом, как будто общество состоит только из здоровых людей, они не отражают в полной мере интересов граждан с ограниченными возможностями по физиологическим показателям. В частности, договоры строительных подрядов даже не рассматривают данные вопросы, и если не вмещается административный ресурс чиновника, будет устроена дорожка для инвалида-колясочника, как будто инвалидность только в этом заключается и у нас нет других категорий сограждан с ограниченными возможностями. Работая с англоязычным материалом, я обнаружил те же проблемы в зарубежном обществе, но там эти вопросы решаются в комплексе по всем категориям ограничений физических возможностей человека.

В Англии, например, около 15 лет успешно работает Закон о дискриминации инвалидов 1995 (*The Disability Discrimination Act 1995 (DDA)*); туалеты, предназначенные для общей инвалидности, стали нормальной практикой в большинстве общественных зданий. Назовем некоторые требования, которые предъявляет законодатель к (*construction contract in the civil law*) строительному подряду: дверные доводчики должны быть легкими, чтобы выдвинуть против, с максимальным давлением 20 Н(Ньютон); обеспечить внешнее открытие дверей со специальными скобяными изделиями; стеллажи и оборудование должны иметь закругленные края; обеспечить последовательное освещение, которое не должно отключаться по таймеру; полы должны быть нескользкими и не слишком отражающими свет; цветовые контрасты в туалете необходимы, чтобы

помочь ясности, но не кричащие; grabrails (специальный держатель) фиксируется надежно, с подложкой и креплением достаточно, чтобы выдержать вес тела полного человека; краны должны иметь температуру воды, не превышающую 41 °С, приводиться в действие с помощью рычага, иметь достаточно низкое давление для предотвращения разбрызгивания на пол.

Наш законодатель обязан переломить ситуацию в пользу данной категории сограждан, от него в полной мере зависит, насколько гуманными и удобными будут законы для инвалидов с любыми физическимиувечьями. Если на законодательном уровне выработать правовые нормы, защищающие права инвалидов, то объектов строительства, не приспособленных для них, станет меньше и со временем они могут исчезнуть.

В контексте данной темы упомянем недавний визит Генерального прокурора Республики Беларусь А. В. Конюка в Международный университет «МИТ-СО». Он отвечал на многие вопросы, связанные с правовой тематикой, привел статистические данные по составу и количеству правонарушений, зарегистрированных в Республике Беларусь. Представленные докладчиком данные свидетельствуют, что уровень правовой культуры остается низким. Больше всего правонарушений происходит в сфере общественных отношений, связанных с административным законодательством. Считаем это положительным моментом, поскольку не преобладают правонарушения по уголовному праву. Но самое негативное в том, что те административные правонарушения — это, по выражению А. В. Конюка, «пьяные» дела. То есть совершенные лицами в нетрезвом состоянии и за рулем автомобилей. Как бороться с этим явлением, как противостоять этому злу? — вопрос остается открытym. Данная картина указывает на уровень правовой культуры наших сограждан, а может, что страшнее, неприкрытый нигилизм. Одно дело, когда правонарушитель ссылается на некую норму права, которую он не знает, хотя тут законодатель стоит на четкой позиции: «*Dura lex, sed lex*» («Суров закон, но он закон»). Но если нарушителю закона об этом известно, тогда все заключается в вопросе правовой культуры, и чем ниже человек по социальной стратификации, тем положение катастрофичнее.

Существуют две точки зрения на проблему, связанную с правовой ответственностью. Одна группа ученых считает, что право описывает и закрепляет институт негативной ответственности. *Юридическая ответственность (негативная)* предусматривает установленную в особом процессуальном порядке обязанность субъекта, совершившего правонарушение, претерпевать адекватные лишения личного, имущественного или организационного характера, предусмотренные санкцией юридической нормы. *Юридическая ответственность (позитивная)* представляет собой ответную реакцию государства и общества на совершенное социально полезное пра-вомерное деяние (заслугу) лица в виде применения различных мер правового поощрения.

Был период, когда позитивная ответственность отвергалась. Профессор П. Е. Недбайло, известный пропагандист идей советского права и законности, ректор Университета правовых знаний и советского строительства при Киевском исполкоме городского Совета депутатов трудящихся, полагает, что без исследования «позитивной» ответственности нельзя понять ответственность «негативную» [1]. Так, профессор Д. А. Липинский отмечает, что позитивную ответственность называют активной, перспективной, позитивно-умеренной, позитивно-активной, поощрительной, отождествляют с чувством долга или юридической обязанностью. Отметим, что разрешение проблем, связанных с исследованием позитивной ответственности в общей теории государства и права, продвинулось от понимания позитивной юридической ответственности как чувства долга до выявления ее характерных признаков, черт, принципов, функций, связей со смежными категориями права, нормативной основы и разработки общей дефиниции юридической ответственности, объединяющего ее различные аспекты (формы реализации) и не ставя знак равенства между позитивной юридической ответственностью и субъективными и моральными категориями [2].

В свете очерченных проблем считаем, что человек должен исходить из приоритета позитивной юридической ответственности, которая как стимулирующая составляющая его жизнедеятельности раскрывается перед ним разными гранями: наградной, поощрительной, финансово-экономической и др. Возможно, это заставит некоторых по-другому взглянуть на свои действия и они не попадут в печальную статистику нарушителей законности.

Список использованных источников

1. <http://justicemaker.ru/view-termin.php?id=1095>
2. Чухвичев, Д.В. Свобода и право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Чухвичев. — М., 2001. — С. 24.
3. Липинский, Д.А. Проблемы юридической ответственности / Д.А. Липинский; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. — СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. — 387 с.

ПРОБЛЕМЫ ДЕТЕРМИНИЗМА В РАСПРОСТРАНЕНИИ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

Т.И. Шукайло

Научный руководитель:

А.А. Вишневский, канд. юрид. наук, доцент

Правовая культура — многозначная характеристика одной из важнейших сторон жизни общества. Можно согласиться с профессором Э. А. Калининой, которая определяет правовую культуру как «категорию, выражющую уровень развитости юридического типа правосознания индивидов, их объединений,

нений, общества и государства в целом, проявляющейся в различных, основанных на законности правовых формах деятельности всех субъектов в процессе социализации права, правового регулирования общественных отношений» [1, с. 5].

Высокий уровень правовой культуры — один из признаков правового государства. Она предполагает фактическое правовое поведение людей, позитивное отношение к праву и правовым явлениям, осознание социальной значимости права и правопорядка, признание уважительного отношения к правам другого человека, привычку к правомерному поведению и гражданско-правовой активности. Не имея необходимых знаний о правовой системе государства, действующем законодательстве, граждане не могут реализовать свои права и обязанности, защитить свои интересы. Однако в наши дни нельзя говорить даже о среднем уровне правовой культуры общества. Кризис современного правосознания во многом определяется именно низким уровнем правовой культуры. Следует отметить, что примитивно-обыденский уровень правосознания и правовой культуры, правовой нигилизм являются непременным условием и причиной распространения преступности и ее составной части — коррупции.

Проблемы детерминизма в распространении коррупции в современной белорусской государственно-правовой действительности необходимо рассматривать во взаимосвязи, взаимодействии и взаимовлиянии социальных факторов общественной жизни и правовых норм. Невостребованность права как активного социального регулятора общественных отношений, разрушение ранее существовавшей системы правового воспитания, незнание права — все это выступает благодатной почвой для закрепления в сознании людей правового нигилизма и возрастания коррупционных преступлений. Коррупция является одновременно и причиной и следствием слабости государства как носителя государственной власти и гаранта социального благополучия общества [2, с. 23–24].

Правовой нигилизм — это тип правосознания, который основан на негативном отношении к праву, несет деструктивное, отрицательное начало [1, с. 6]. Важнейшим источником последнего в современном обществе является кризисное состояние всего общества, в котором сложились идеальные условия для игнорирования правовых и иных социальных регуляторов общественных отношений, что нередко выводит общественно-политическую ситуацию из-под контроля государства.

Необходимо обратить внимание на то, что в государственной правовой идеологии недостаточное внимание уделяется коррупции, коррумпированности самих правоохранительных органов и самоотстранению СМИ от правовой пропаганды. Это способствует деформации индивидуального правосознания, появлению правового нигилизма, приводящего к ненуважительному отношению к праву, к юридической невоспитанности большей части населения. Наряду

с правовым нигилизмом широкое распространение получает правовой цинизм — пренебрежение к нормам права, общественной морали.

Таким образом, коррупция негативно влияет на все сферы жизни общества. Она способствует росту теневой экономики, сращиванию властных структур с криминальитетом, усилинию организованной и экономической преступности, вызывает неизбежную деградацию общества, обострение социальных противоречий и, безусловно, отрицательно влияет на правовую культуру общества. Наряду с юридическими и экономическими мерами противодействия этому явлению важным компонентом борьбы с коррупцией выступают меры по формированию правосознания.

Актуализируется вопрос формирования антикоррупционного правосознания граждан Республики Беларусь. Структура антикоррупционного правосознания состоит из антикоррупционной правовой идеологии и антикоррупционной правовой психологии. *Антикоррупционная правовая идеология* — совокупность взглядов, идей, мнений о негативной социальной сущности коррупции, о той угрозе, которую она

представляет благосостоянию как всего государства, так и отдельным его институтам, причинах и последствиях коррупции, а также возможных направлениях противодействия ей. *Антикоррупционная правовая психология* — совокупность чувств, эмоций, переживаний, настроений, привычек, определяющих негативную оценку коррупции и являющихся основой привычного поведения.

Таким образом, развитое антикоррупционное правосознание и правовая активность граждан выступают основой верховенства права в цивилизованном обществе, фундаментом его благополучного построения. Массовое сознание не должно мириться с произволом, коррупцией.

Список использованных источников

1. Калинина, Э.А. Правовая культура: понятие, значение в деятельности профсоюзов / Э.А. Калинина // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2011. — № 4. — С. 4–7.
2. Мартыненко Г.К. Сущность коррупции: теоретико-правовой аспект: автореф дис. ... канд. юрид. наук 12.00.01 / Г.К. Мартыненко. — Ростов Н/Д, 2000. — 32 с.

А В Т О Р Ы Н О М Е Р А

БОНДАРЬ
Тамара Евгеньевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и финансового менеджмента Белорусского государственного экономического университета

ЕВТУХОВ
Виктор Степанович

кандидат технических наук, доцент кафедры менеджмента и экономики Гомельского филиала Международного университета «МИТСО»

БУЯШЕНКО
Виктория Васильевна

доктор философских наук, профессор, декан факультета социального управления Академии труда и социальных отношений Федерации профсоюзов Украины (г. Киев)

ЕРМОЛОВИЧ
Владимир Федорович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Академии МВД Республики Беларусь

ВАБИЩЕВИЧ
Светлана Степановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ГОУ ВПО «РГСУ» (филиал в г. Минске); ведущий науч. сотр. центра частноправовых исследований НИИ трудовых и социальных отношений Международного университета «МИТСО»

ЗАБРОДСКИЙ
Николай Иванович

кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой публичного права Международного университета «МИТСО»

ГАЙДУК
Юрий Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права Международного университета «МИТСО»; старший науч. сотр. центра частноправовых исследований НИИ трудовых и социальных отношений Международного университета «МИТСО»

ЗАГОРЕЦ
Владимир Семенович

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления экономическими системами Академии управления при Президенте Республики Беларусь

ГОДУНОВ
Сергей Петрович

старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, подполковник милиции

ЗАХАРЕНКОВА
Вера Вячеславовна

аспирант, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

ДАШКЕВИЧ
Надежда Владимировна

преподаватель кафедры «Основы бизнеса» Белорусского национального технического университета

КАЛИНИНА
Эльза Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права Международного университета «МИТСО»

ДУБОВИК
Елена Александровна

преподаватель кафедры политологии, социологии и социального управления Белорусского национального технического университета

КИВЕЛЬ
Владимир Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры публичного права Международного университета «МИТСО»

A U T H O R S

**КНЯЗЕВ
Станислав Никифорович**

доктор юридических наук, профессор,
ректор Международного университета
«МИТСО»

**МАНЬКОВСКИЙ
Игорь Александрович**

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой частного
права, начальник центра
частноправовых исследований НИИ
трудовых и социальных отношений
Международного университета
«МИТСО»

**КОВАЛЕНКО
Снежана Александровна**

кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент, заведующий кафедрой
менеджмента и экономики Гомельского
филиала Международного университета
«МИТСО»

**МАРАХИНА
Инна Викторовна**

преподаватель кафедры экономики
Белорусского государственного
университета информатики
и радиоэлектроники

**КОЗИК
Андрей Леонидович**

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры публичного права,
первый проректор Международного
университета «МИТСО»

**МАРТЫНЮК
Александр Иванович**

старший преподаватель кафедры
частного права Международного
университета «МИТСО»

**КУРОЧКИН
Дмитрий Владимирович**

магистр экономических наук, аспирант
кафедры менеджмента Белорусского
государственного университета

**МИНЧЕНКО
Анатолий Александрович**

старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономики Гомельского
филиала Международного
университета «МИТСО»

**КУТИЛИН
Олег Владимирович**

доцент кафедры правового
обеспечения деятельности органов
пограничной службы ГУО «Институт
пограничной службы Республики
Беларусь»

**ПІЛЕЦКІ
Віктор Аляксандравіч**

доктар гістарычных навук, дацэнт,
прафесар кафедры тэорыі і гісторыі
дзяржавы і права Мінскага інстытута
кіравання

**ЛЕУТИНА
Людмила Иосифовна**

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры государственного
управления экономическими
системами Академии управления при
Президенте Республики Беларусь

**СЕРГЕЕВ
Сергей Петрович**

кандидат философских наук,
первый секретарь Постоянного
представительства Беларуси при ООН
в Нью-Йорке

А В Т О Р Ы

**СЛАДКОВА
Ал'евина Юрьевна**

преподаватель кафедры публичного права Международного университета «МИТСО»

**ЧЕБОГАНОВ
Андрей Анатольевич**

директор ОДО «Восток-Сервис»

**ФИЛЬ
Анна Васильевна**

старший преподаватель кафедры социологии и социального управления Академии труда и социальных отношений Федерации профсоюзов Украины (г. Киев)

**ШТЕФАН
Лариса Васильевна**

кандидат геолого-минералогических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента туризма и гостеприимства Института туризма Белорусского государственного университета физической культуры

Студенты магистратуры МИТСО

**Игорь
КОРОТКИЙ**

**Олег
МИНОВ**

**Максим
ГОЛУБ
3 курс**

**Дмитрий
ПАРХОМЕНКО
1 курс**

**Анна
ШАЛБАНОВА
3 курс**

**Денис
ЛЫЧКОВСКИЙ**

**Олег
СЫРОВ**

**Кристина
МАКАТОВИЧ
1 курс**

**Снежана
САДОВСКАЯ
3 курс**

**Елена
ШПАКОВСКАЯ
3 курс**

**Егор
ЛУБЧЕНОК**

**Татьяна
ШУКАЙЛО**

**Евгений
МИНЦЕВИЧ
3 курс**

**Дарья
СКОРИНКО
1 курс**